

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-82263
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Индексируется в базах данных: CrossRef, DOAJ, Ebsco, Dimensions, EconLit, EconBiz, RePec, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation (RINTs), CyberLeninka и др.

Indexed in databases: CrossRef, DOAJ, Ebsco, Dimensions, EconLit, EconBiz, RePec, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation (RINTs), etc.

Журнал включен в первую категорию Перечня рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по научным специальностям: 5.2.1. – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4. – Финансы (экономические науки), 5.2.5. – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки)

A journal included in the first category of the List of the VAC's peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1) on scientific specialties: 5.2.1. – Economic theory (economic sciences), 5.2.3. – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4. – Finance (economic sciences), 5.2.5. – World Economy (Economic Sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences)

Все статьи журнала «Мир новой экономики» публикуются с указанием цифрового идентификатора объекта (digital object identifier, DOI)

All articles of journal "The World of the New Economy" are published with a digital object identifier (DOI)

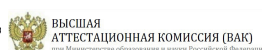
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated catalogue "The Press of Russia"

WORLD OF NEW ECONOMY

JOURNAL OF SCIENTIFIC HYPOTHESES AND SUCCESSFUL BUSINESS DECISIONS

DOI: 10.26794/2220-6469

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто, Лечче, Италия;

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи эндмаркетинг консалтенс», Бонн, Германия;

Хан С., д-р, профессор, руководитель департамента экономики Блумсбургского университета, Блумсберг, США;

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета, Дортмунд, Германия.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия;

Агеев А. И., д-р экон. наук, проф., генеральный директор Института экономических стратегий (ИНЭС), проф. МГИМО, Москва, Россия;

Балацкий Е. В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета, Москва, Россия;

Головнин М. Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН;

Ершов М. В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, Москва, Россия;

Иванов В. В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН, Москва, Россия;

Миркин Я. М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С. Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета, Москва, Россия;

Казанцев С. В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия;

Подвойский Г. Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия;

Юданов А. Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. департамента экономической теории Финансового университета, Москва, Россия;

Варнавский В. Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия;

Куприянова Л. М., канд. экон. наук, доцент департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета, Москва, Россия;

Медведева М. Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе департамента мировых финансов Финансового университета, Москва, Россия;

Рубцов Б. Б., д-р экон. наук, проф. департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета, Москва, Россия;

Толкачев С. А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета, Москва, Россия.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce, Italy;
Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy”, Bonn, Germany;
Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University, Bloomsburg, USA;
Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University, Dortmund, Germany.

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Research Supervisor of the Institute of Economics Forecasting of RAS, Moscow, Russia;
Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES), Professor MGIMO, Moscow, Russia;
Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University, Moscow, Russia;
Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia;
Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance, Moscow, Russia;
Ivanov V.V., PhD. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Mirkin Ya.M., Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO, Moscow, Russia.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University, Moscow, Russia;
Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-Chief, Ph.D. of Economics, Leading Researcher of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia;
Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University, Moscow, Russia;
Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Business Analytics, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University, Moscow, Russia;
Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University, Moscow, Russia;
Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University, Moscow, Russia;
Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ /
THE WORLD OF NEW
ECONOMY.
Свидетельство
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: Финансовый
университет

Т. 17, № 4/2023

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Переводчик
И.А. Осипова

Референс-менеджер
В.М. Алексеев

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Оформление подписки
в редакции
8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
125167, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: +7(499) 553-10-74
(вн. 10-88).
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
01.02.2023
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 71
Печ. л. 16,75
Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового
университета (Москва,
Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Лукашов А.И.

**Текущее состояние и перспективы цифровизации органов
государственного финансового контроля в Российской Федерации.... 6**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Навой А.В.

**Оценка эффективности деятельности современных международных
финансовых институтов: системный методологический подход..... 16**

Гришкова А.А.

**Роль российского несырьевого экспорта в обеспечении
технологического суверенитета африканских стран..... 30**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Лопухин А.В., Плаксенков Е.А.

**Влияние интегрированных деловых коммуникаций на успешность
предприятий и организаций..... 41**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Николаева А.Б., Сахнович Т.А., Чугунов К.В., Юдина С.В.

**Инновации в российской и белорусской экономиках:
сравнительный аспект, точки пересечения и роста 53**

Соколов И.А., Матвеев Е.О.

**Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы
экономического роста 65**

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Засько В.Н., Донцова О.И.

**Антиинфляционная политика в России и меры, направленные
на снижение волатильности инфляции 79**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.

Дифференциация регионов по уровню жизни населения 87

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Навстречу 105-летию Финансового университета

Оболенская Л.В., Абдикеев Н.М., Абросимова О.М.

Локомотивы роста российской промышленности в новых реалиях... 98

Куприянова Л.М., Петрусевич Т.В.

**Регулирование импортных операций в условиях санкционных
ограничений.....109**

Сорокина Н.Ю.

**Динамика старопромышленных регионов на восходящих
и нисходящих «волнах» российских экономических циклов120**

Содержание журнала за 2023 г131

THE ECONOMY OF THE XXI CENCURY

Lukashov A.I.

**The Current State and Prospects of State Financial Control Bodies
Digitalization in the Russian Federation 6**

WORLD ECONOMY

Navoy A.V.

**Towards the Efficiency of Modern International Financial Institutions:
Systemic Methodological Approach..... 16**

Grishkova A.A.

**The Role of Russian Non-Resource Export in Technological Sovereignty
Achievement of African Countries 30**

ECONOMIC THEORY

Lopukhin A.V., Plaksenkov E.A.

**The impact of Integrated Business Communications on the Success
of Enterprises and Organizations 41**

ECONOMIC POLICY

Nikolaeva A.B., Sakhnovich T.A., Chugunov K.V., Yudina S.V.

**Innovations in the Russian and Belarusian Economies: Comparative
Aspect, Cross Points and Growth 53**

Sokolov I.A., Matveev E.O.

Assessing the Impact of Fiscal Policy on Economic Growth Rates 65

FINANCIAL ANALYTICS

Zas'ko V.N., Dontsova O.I.

**Anti-inflationary Policy in Russia and Steps for Reducing the Volatility
of Inflation 79**

EXPERT REPORT

Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V.

**Differentiation of Regions According to the Standard of Living
of the Population..... 87**

REAL SECTOR

Towards the 105th Anniversary of the Financial University

Obolenskaya L.V., Abdikeyev N.M., Abrosimova O.M.

Drivers of Russian Industrial Growth in the Face of New Reality 98

Kupriyanova L.M., Petrusevich T.V.

Regulation of Import Operations under Sanctions Restrictions..... 109

Sorokina N. Yu.

**Dynamics of Old Industrial Regions of the Upraise and Falling
of Russian Economic Cycles 120**

Contents of the journal for 2023 131

© WORLD OF NEW
ECONOMY

Journal Certificate
PI No. ФС77-82263.
of 23, November, 2021.
Issued since 2007.
Founders: Financial
University

Vol. 17, No. 4/2023

Founder and editor
of the magazine from 2007
to 2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumnaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

*Science journal editorship
manager*
V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Translator
I. A. Osipova

Reference Manager
V.M. Alekseev

Proofreader
S.F. Mihaylova

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
125167, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: +7(499) 553-10-74
(internal 10-88).
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ru

Signed off to printing:
01.02.2023
Format 60 × 84 1/8
Order № 71
Printer's sheet 16,75
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Moscow, Leningradskiy
prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-6-15
УДК 322.122.6:33.05(045)
JEL G32, H12, M15, M38, O32

Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации

А.И. Лукашов

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Управление Федерального казначейства по г. Москве, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цифровизация государственного (муниципального) финансового контроля – перманентный процесс, обусловленный цифровой трансформацией государственного управления в целом. С учетом значительного количества органов финансового контроля крайне важно выбрать оптимальные подходы, позволяющие комплексно решить указанную задачу. **Предмет исследования** – деятельность органов внешнего и внутреннего государственного финансового контроля в части цифровизации. **Цель** – выработка наиболее эффективных подходов и рекомендаций по осуществлению цифровизации деятельности органов государственного (муниципального) финансового контроля. Автором определены условия и особенности цифровизации органов государственного (муниципального) финансового контроля, раскрыта сущность понятия «цифровизация», проанализированы подходы, используемые Федеральным казначейством и Счетной палатой Российской Федерации, предложены перспективные направления развития данного процесса.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; Федеральное казначейство; Счетная палата Российской Федерации; цифровизация

Для цитирования: Лукашов А.И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):6-15. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-6-15

ORIGINAL PAPER

The Current State and Prospects of State Financial Control Bodies Digitalization in the Russian Federation

A.I. Lukashov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Department of the Federal Treasury for Moscow, Moscow, Russia

ABSTRACT

Digitalization of state (municipal) financial control is a permanent process caused by the digital transformation of public administration. Choosing the approaches to solve this problem optimally and comprehensively is extremely important owing to the significant number of financial control bodies. The subject of the study is the activities of external and internal state (municipal) financial control bodies in terms of digitalization. The study's goal is to develop the most effective approaches and recommendations for implementing the activities of digitalization of state (municipal) financial control bodies. The conditions and features of state (municipal) financial control bodies' digitalization are determined. The author revealed the essence of the *digitalization* concept. The paper analyzed the approaches to digitalization used by the Federal Treasury and the Accounts Chamber of the Russian Federation. The analysis reveals that the Federal Treasury and the Accounts Chamber of the Russian Federation have used approaches to digitalization that are based on the use of vertically centralized and integrated approaches as well as providing of services.

Keywords: state financial control; Federal Treasury; Accounting Chamber of the Russian Federation; digitalization

For citation: Lukashov A.I. The current state and prospects of state financial control bodies digitalization in the Russian Federation. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):6-15. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-6-15

© Лукашов А.И., 2023

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время активно развивается процесс цифровизации различных областей жизнедеятельности граждан. Сфера государственного управления и государственных финансов не является исключением.

Оцифровка бюджетных, закупочных и иных процедур, которая на федеральном уровне связана с формированием единого бюджетного пространства в рамках государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» (ГИИС «Электронный бюджет»), обуславливает необходимость внедрения и развития цифровых технологий в сфере государственного (муниципального) финансового контроля.

Преимущества «цифрового» финансового контроля очевидны. Для субъектов контроля они заключаются в максимальном охвате подконтрольной среды, повышении качества контроля, снижении коррупционных рисков и др. В свою очередь, объекты контроля будут освобождены от значительной административной нагрузки, связанной с предоставлением документации контролирующим органам.

За счет встраивания различных электронных датчиков, блокирующих бюджетную процедуру, осуществляемую с нарушением норм и правил, или предупреждающих о возможном нарушении, количество недостатков должно существенно уменьшиться.

Располагая значительными финансовыми ресурсами, федеральные органы государственного финансового контроля активно занимаются цифровизацией своей деятельности.

В этой связи настоящее исследование посвящено анализу существующих подходов к оцифровке государственного (муниципального) финансового контроля, а также определению перспектив ее развития в Российской Федерации.

ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Одна из национальных целей развития Российской Федерации — достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы, а также государственного управления¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации

Для этого приняты различные нормативные правовые акты, определяющие вектор развития информационного общества², искусственного интеллекта³, цифровой экономики⁴, государственного управления⁵.

В условиях стремительного развития информационных технологий в корпоративном секторе государство обязано как минимум не отставать от уровня, достигнутого в бизнес-сегменте. Поэтому необходимо повысить качество и системность исполнения государственных функций путем создания единых цифровых платформ и систем.

Отдельное направление цифровой трансформации государственного управления касается осуществления контрольной и надзорной деятельности. Контроль как функция государственного управления обеспечивает обратную связь между субъектом (органы государственной власти, муниципальные органы и т.д.) и объектом (организации, граждане и т.д.) управления. Одним из видов государственного контроля является государственный (муниципальный) финансовый контроль (ГФК).

ГФК осуществляется в целях установления фактов несоблюдения положений законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, определения причин их совершения, выработки предложений по их недопущению в будущем и, при необходимости, принятия мер по возмещению причиненного

на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 30.10.2023).

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110260034> (дата обращения: 30.10.2023).

ущерба и привлечения виновных к ответственности [1]. Следовательно, цифровизация ГФК должна способствовать решению указанных выше задач.

Что же такое «цифровизация»? Существуют различные трактовки данного понятия⁶ [2, 3].

На наш взгляд, цифровизацию следует рассматривать в «узком» и «широком» смыслах. В первом случае — это процесс преобразования информации в цифровую форму. Во втором — переход на качественно новый уровень общественной жизни за счет сокращения времени и издержек на предоставление (получение) общественных благ.

Таким образом, цифровизация ГФК заключается в создании единой цифровой среды (ЕЦС), позволяющей за счет автоматизированной обработки информации, поступающей из различных источников, повысить эффективность контрольных мероприятий, а также оптимизировать затраты на их подготовку и проведение.

Необходимо учитывать, что ГФК осуществляется в отношении конкретных действий, операций и т. д. Следовательно, обязательным условием его цифровизации является оцифровка учетных и иных процедур, подлежащих контролю. Последнему способствует централизация ведения бюджетного учета и составления отчетности федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов и подведомственных казенных учреждений [4].

Другим важным условием цифровизации ГФК выступает достоверность и актуальность данных, поступающих в ЕЦС из различных информационных систем. Кроме того, требуется решить технический вопрос «форматной совместимости» между участвующими в обмене информацией системами, а также обеспечить информационную безопасность.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА

Цифровизация органов ГФК охватывает как «внутреннюю», так и «внешнюю» стороны дан-

⁶ Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkomsvjazi-rossii-ot-01082018-n-428-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 30.10.2023).

ного процесса [5]. «Внутренняя» включает вопросы цифровизации подготовительного и организационного этапов мероприятия. «Внешняя», прежде всего, предусматривает доступ к информационным системам объектов контроля, а также интеграционное взаимодействие с иными информационными системами, содержащими необходимые данные.

Казначейство России осуществляет цифровизацию своей деятельности в рамках ведомственного проекта Минфина России «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленческих решений»⁷.

Ведомственный проект, который должен быть завершен к 2027 г., реализуется путем создания единой цифровой платформы (ЕЦП), охватывающей все направления контрольной деятельности Федерального казначейства, такие, как:

- внутренний ГФК;
- анализ исполнения бюджетных полномочий органов внутреннего ГФК;
- анализ внутреннего финансового аудита главных администраторов бюджетных средств (ГАБС) [6].

ЕЦП является одной из подсистем ГИИС «Электронный бюджет», задача которой — перевести в цифровую среду направления контрольной деятельности Федерального казначейства.

Оцифровка «внутренней» сферы охватывает все этапы контрольной деятельности: от планирования до отчетности [7]. При этом документы (план, программа проверки, акт и др.) формируются в электронном виде с наложением на них электронной подписи соответствующего должностного лица. Перевод документов из сканированного в структурированный вид предоставляет широкие возможности для эффективного использования трудовых и иных ресурсов. Например, в любой момент времени можно получать информацию об уровне загрузки как конкретного ревизора, так и структурного подразделения в целом. Последнее крайне важно в условиях значительного количества внеплановых контрольных мероприятий (табл. 1).

Ключевой аспект — наполнение ЕЦП необходимыми данными. Источником информации при этом являются различные информационные системы, а также сведения, поступающие в рамках

⁷ URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/projects/electronic_SMART_control/ (дата обращения: 21.08.2023).

Таблица 1 / Table 1

**Количество внеплановых проверок и ревизий, проведенных Федеральным казначейством, шт. /
The number of unscheduled inspections and audits carried out by the Federal Treasury, pcs.**

2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1754	735	1101	1914	727

Источник / Source: составлено автором. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> / compiled by the author. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

межведомственного обмена с органами внешнего ГФК, субъектами внутреннего финансового аудита [8].

Очевидно, что объем «входящей» информации весьма значителен и проанализировать его в ручном режиме практически невозможно. В целях автоматизированной обработки большого объема данных в рамках ЕЦП внедряются цифровые инструменты: «Паспорт объекта контроля» и «Риск-анализ».

«Паспорт объекта контроля» представляет собой набор данных об объекте контроля, включая информацию о его доходах и расходах, заключенных контрактах, дебиторской и кредиторской задолженности и др. [9]. Инструмент «Риск-анализ» позволяет на основании информации, содержащейся в «Паспорте объекта контроля», определить вероятность допущения нарушения и существенность его последствий [8].

Очевидно, что применение цифровых технологий, с одной стороны, минимизирует классические выездные проверки, а с другой — оптимизирует затраты на осуществление контроля в целом [10].

Более того, планируется, что в рамках ЕЦП будет решаться задача по формированию цифровой синергии бизнес-процессов органов ГФК и участников бюджетного процесса [7]. Это свидетельствует об изменении парадигмы ГФК. Так, по нашему мнению, в настоящее время деятельность органов ГФК в большей степени нацелена на выявление нарушений. Внедрение цифровых инструментов в совокупности с расширением методов ГФК [финансово-бюджетный контроллинг (мониторинг), наблюдение и анализ] позволит сместить фокус внимания ревизоров на более раннюю стадию контроля — предварительную [9].

Конечно, последующая форма контроля останется востребованной. Это, в том числе, связано с необходимостью осуществления ГФК в отношении объектов контроля, финансово-хозяйственная деятельность которых, в силу ее специфики, не

подлежит оцифровке. Контрольные действия по измерению, пересчету и т.д. также могут быть произведены исключительно по месту нахождения объектов контроля.

Другими важными направлениями цифровизации в рамках ЕЦП являются анализ исполнения бюджетных полномочий органов внутреннего ГФК (Анализ ГФК) и анализ внутреннего финансового аудита ГАБС (Анализ ВФА).

Как показывают результаты указанных Анализов ГФК и Анализов ВФА, имеет место положительная динамика по уровню организации внутреннего муниципального финансового контроля, но еще существуют проблемные зоны на субъектовом и местном уровнях в части перехода на федеральные стандарты внутреннего финансового аудита [6]. Цифровизация бизнес-процессов и, как следствие, обеспечение цифрового диалога между Федеральным казначейством, ГАБС и другими участниками будут способствовать решению данных проблем [6].

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из общесистемных направлений развития Счетной палаты Российской Федерации выступает внедрение современных цифровых технологий государственного аудита с использованием предиктивной аналитики, роботизации рутинных процессов, дистанционного мониторинга и др. [11].

Ранее предусматривались следующие основные направления деятельности Счетной палаты Российской Федерации на 2019–2021 годы⁸:

- минимизация «ручных» операций при проведении контрольных и экспертно-аналитических мероприятий;

⁸ URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f1b/f1b42270cb92a6e8560171673d3df3af.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

- внедрение аналитических инструментов (прогнозная аналитика, алгоритмы поиска и др.);
- повышение качества данных за счет обеспечения их автоматизированного сбора;
- обучение сотрудников необходимым цифровым навыкам и умениям.

Для достижения указанных целей была создана цифровая платформа (ЦП) — программный комплекс, предоставляющий возможности для дальнейшего расширения автоматизации работы инспекторов⁹.

ЦП включает в себя 13 модулей, решающих комплекс задач по проведению контрольных и экспертно-аналитических мероприятий¹⁰. Например, модуль КПС «ККМ СП-Аудит» позволяет формировать проекты планов работы, программы проведения мероприятий, строить аналитические отчеты по результатам контрольных и экспертно-аналитических мероприятий и др.

Модуль «Платформа хранения данных» обеспечивает взаимодействие ЦП с внешними информационными системами. В настоящее время налажено подключение к восемнадцати государственным информационным системам [12]. «Паспорт объекта» во многом является аналогом «Паспорта объекта контроля» ЕЦП и содержит оцифрованные данные об объектах контроля (сведения о контактах и др.). Среди особенностей можно отметить аккумулируемые в нем сведения о публикациях в СМИ в отношении объектов контроля с анализом тональности текста. Отметим также модуль «Экспертная платформа», где происходит взаимодействие с внешними независимыми экспертами.

Необходимо отметить, что ЦП позволяет пользователям самостоятельно разрабатывать аналитические модели, дашборды и др. Это стало возможным, в том числе, благодаря двухгодичному обучению сотрудников Счетной палаты Российской Федерации работе с цифровыми технологиями [13].

«Цифровой ландшафт» Счетной палаты Российской Федерации представлен также информационно-аналитической системой удаленного проведения внешнего государственного аудита и автоматизированной информационной си-

⁹ URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa9/shdf82d9xi5hw9ejonfz8na66c4kmhr.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁰ URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008723000049> (дата обращения: 30.08.2023).

стемой «Единая проектная среда». Первая обеспечивает доступ к информационным системам объектов контроля, что позволяет осуществлять непрерывный мониторинг их деятельности, а также в автоматизированном режиме выявлять признаки нарушений [14]. Посредством второй осуществляется межведомственный электронный документооборот с объектами контроля.

Кроме того, Счетная палата Российской Федерации выступает оператором государственной информационной системы «Официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” для размещения информации об осуществлении государственного (муниципального) финансового аудита (контроля) в сфере бюджетных правоотношений» (ГИС ЕСГФК).

Данная система консолидирует информацию о контрольных мероприятиях, проведенных органами ГФК. Помимо органов ГФК, ее пользователями являются представители палат Федерального Собрания Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, представительных органов муниципальных образований, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и территориальными государственными внебюджетными фондами и др.

В настоящее время развитие ЦП осуществляется согласно основным направлениям деятельности Счетной палаты Российской Федерации на 2022–2024 годы¹¹ с акцентом на дальнейшую минимизацию ручного труда и повышения надежности данных.

Таким образом, на федеральном уровне, представленном Федеральным казначейством и Счетной палатой Российской Федерации, проводится масштабная работа по цифровизации контрольной деятельности.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГФК

Цифровизация ГФК — неизбежный процесс, обусловленный указанными выше причинами. На федеральном уровне она осуществляется достаточно интенсивно. Вместе с тем следует напомнить, что органы внешнего и внутреннего ГФК функционируют также на субъектовом и мест-

¹¹ URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa9/shdf82d9xi5hw9ejonfz8na66c4kmhr.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

Таблица 2 / Table 2

**Количественные показатели органов ГФК Российской Федерации по состоянию на 01 января 2023 г. /
Quantitative indicators of the State Financial Control bodies of the Russian Federation as of January 1, 2023**

Наименование органа ГФК (уровень функционирования)	Количество органов, шт.	Численность (инспекторский и ревизорский состав), чел.
Счетная палата Российской Федерации	1	579
Федеральное казначейство	86	1874
Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации	86	3762
Органы внутреннего ГФК субъектов Российской Федерации	91	1657
Контрольно-счетные органы муниципальных образований	2190	6777
Органы внутреннего муниципального финансового контроля	18 340	36 226

Источник / Source: составлено автором по URL: <https://forumspb.com/archive/2023/programme/business-programme/104233/> / compiled by the author. URL: <https://forumspb.com/archive/2023/programme/business-programme/104233>

ном уровнях. Причем их количественный состав значительно превышает аналогичные показатели Федерального казначейства и Счетной палаты Российской Федерации (табл. 2).

При этом в 2019 г. только 14 контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации (КСО) имели собственные информационные системы, а удаленный доступ к информационным системам финансовых органов — 34 КСО¹².

Можно предположить, что ситуация в настоящее время изменилась в лучшую сторону. Вместе с тем анализ информации, размещенной на официальных сайтах КСО, расположенных в центрах федеральных округов, свидетельствует как о наличии, так и об отсутствии собственных информационных систем¹³.

¹² URL: <https://portalkso.ru/news/novosti/214958/?ysclid=lm796no0g2467501183> (дата обращения: 06.09.2023).

¹³ URL: <https://ksp.mos.ru/about/infosystems/> (дата обращения: 07.09.2023); URL: https://kspkuban.ru/?page_id=144 (дата обращения: 07.09.2023); URL: <https://spkrk.ru/информационно-техническое-обеспечен/> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <https://ksp.org.ru/about/svedeniya-ob-informatsionnykh-avtomatizirovannykh-sistemakh/> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <http://kspstav.ru/content/perechen-informatsionnyh-sistem> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <https://ksp.nso.ru/page/366> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <http://www.ksp61.ru/about/regulations/> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <http://sps066.ru/> (дата обращения: 07.09.2023); URL: <https://ksp.r52.ru/> (дата обращения: 07.09.2023).

В целом, мы выделяем три потенциальных подхода цифровизации органов ГФК:

1. Децентрализованный, характерный для текущего момента, связанный с разработкой и сопровождением органами ГФК собственных информационных систем (ИС).

2. Вертикально-централизованный, при котором осуществляется разработка и сопровождение двух централизованных ИС: для внешних органов и внутренних органов ГФК.

3. Интегральный, связанный с разработкой и сопровождением единой ИС для всех органов ГФК.

На наш взгляд, наиболее оптимальными являются второй и третий подходы. Это обусловлено ограниченностью бюджетов органов ГФК субъектов и местного уровней (например, годовой бюджет Счетной палаты Владимирской области на закупку товаров, работ услуг на 2023 г. составляет 5,4 млн руб.¹⁴, Контрольно-ревизионной инспекции Владимирской области — 1,2 млн руб., Контрольно-счетной палаты Брянской области — 2,9 млн руб.¹⁵ и т.д.), необходимостью получать

¹⁴ Закон Владимирской области от 26.12.2022 № 129-ОЗ «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3300202212270001> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁵ Закон Брянской области от 12.12.2022 № 100-З «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024

информацию (интегрироваться) из единых государственных информационных системам [ГИИС «Электронный бюджет», Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) и др.].

Переходу в ЕЦС будет также способствовать расширение периметра государственных и муниципальных учреждений, передавших функции по ведению бюджетного (бухгалтерского) учета Федеральному казначейству (финансовому органу, централизованной бухгалтерии и т.д.). В результате централизации учета формируется единая база данных обо всех кассовых и иных операциях, совершаемых казенными, бюджетными и автономными учреждениями в ГИИС «Электронный бюджет» (региональной информационной системе).

Развивая тему единого источника данных, следует напомнить следующее. Бюджетным кодексом Российской Федерации предусмотрено, что казначейское обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется Федеральным казначейством. С учетом данной нормы в 2021 г. была внедрена система казначейских платежей, которая позволила аккумулировать средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на едином казначейском счете. Таким образом, информация о кассовых поступлениях и выбытиях содержится в информационной системе Федерального казначейства.

Вместе с тем, по состоянию на 01 января 2023 г., только 56 субъектов Российской Федерации и 2843 муниципальных образования передали Федеральному казначейству отдельные функции финансовых органов, в том числе функцию санкционирования денежных обязательств (расходов)¹⁶. Следовательно, в настоящее время существует значительное количество информационных систем, содержащих документы, на основании которых были произведены расходы (договора, накладные и т.д.).

Без создания «единого казначейства» путем передачи отдельных функций финансового органа Федеральному казначейству, руководствуясь нор-

и 2025 годов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200202212140005> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶ Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального казначейства за 2022 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу. URL: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/> (дата обращения: 10.09.2023).

мами бюджетного законодательства Российской Федерации, говорить о полноценной цифровизации ГФК было бы преждевременно. Последнее утверждение относится ко всем вышеперечисленным подходам к цифровизации органов ГФК.

Также следует обратить внимание на ряд дополнительных факторов, которые необходимо учитывать при цифровизации ГФК. Речь идет об использовании единых стандартов, классификаторов и т.д. Значительная работа по данному направлению проводится на федеральном уровне. Однако она еще продолжается, и, на наш взгляд, без ее завершения и транспонирования результатов на субъектовый и муниципальный уровень создание единой цифровой среды ГФК также достаточно затруднительно.

Применение децентрализованного, вертикально-централизованного или интегрального подходов не исключает возможность предоставления сервисных услуг на той или иной платформе. Речь идет о подключении к информационной системе ГФК органов, заинтересованных в ее использовании. Пример сервисной платформы — Единая информационная система в сфере закупок, оператором которой выступает Федеральное казначейство.

С учетом огромного количества совершаемых в ЕИС операций (например, там ежегодно размещается более 2 млн извещений об осуществлении закупок, заключается более 3 млн контрактов)¹⁷ и, как следствие, наличия значительного объема данных, подлежащих проверке, Федеральное казначейство внедрило цифровой инструмент «Риск-мониторинг» [15].

Данный инструмент обеспечивает анализ закупочной деятельности, на основании которого формирует досье заказчика (поставщика), где закупки ранжируются по уровням (группам) рисков: низкий, средний и высокий. В качестве критериев отнесения к той или иной группе выступают фиксируемые модулем отклонения (нарушение сроков или процедур осуществления закупок и др.). Важно, что пользователями рассматриваемого цифрового инструмента являются органы внутреннего и внешнего ГФК субъектов Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок и др.

¹⁷ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/05/main/Monitoring_2022_itog.pdf (дата обращения: 26.08.2023).

В настоящее время около 450 органов контроля используют «Риск-мониторинг» [15].

Интересно, что наряду с внедрением «цифрового контролера» Федеральное казначейство фактически реализовало и «цифрового адвоката» — государственную информационную систему «Независимый регистратор», фиксирующую действия заказчиков при осуществлении закупок в ЕИС, а также технические сбои, препятствующие их осуществлению [16].

Помимо перечисленных выше предложений, по нашему мнению, целесообразно разработать и внедрить стандарт цифровизации органа ГФК, определяющий основные требования и условия цифровизации.

«Вершиной» же цифровизации ГФК должны стать такие бизнес-процессы, при которых в принципе невозможно совершить нарушение. Это достигается за счет алгоритмизации и синхронизации бюджетных, закупочных, учетных и отчетных процедур, установления блокирующих и предупреждающих контролей в процессе их выполнения. Положительные примеры движения в данном направлении имеют место как на федеральном, так и на региональном уровнях [17].

ВЫВОДЫ

Анализ подходов, используемых федеральными органами ГФК в части цифровизации контрольной

ной деятельности, показал их системность и во многом — идентичность. Вместе с тем в настоящее время применяется децентрализованный подход к созданию и развитию информационных систем органов ГФК, что в условиях ограниченности финансовых ресурсов на субъектовом и муниципальном уровнях не позволит завершить цифровизацию в полном объеме. В этой связи вертикально-централизованный и интегральный подходы, предложенные в исследовании как наиболее перспективные, будут способствовать созданию единого цифрового контрольного пространства. Это не исключает возможности применения сервисной модели, основанной на предоставлении доступа к наиболее прогрессивным информационным системам различным органам ГФК. Полагаем, что условия и факторы, способствующие цифровизации ГФК, являются в настоящее время наиболее благоприятными. Прежде всего, это касается набирающего обороты процесса централизации функций по ведению бюджетного (бухгалтерского) учета и составлению отчетности, а также расширения функциональных возможностей ГИИС «Электронный бюджет». Кроме того, целесообразно также развивать применение блокирующих и предупредительных инструментов, используемых при осуществлении бюджетных и иных процедур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашов А.И. Формирование системы оценки результативности государственного финансового контроля в Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право.* 2023;16(3):76–88. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-76-88
2. Сименко И. В., Чаусова Я. С. Информатизация и цифровизация государственного финансового контроля: терминологический анализ понятий. *Социально-экономическое управление: теория и практика.* 2020;(2):34–37.
3. Кондратьева М. Н., Комахина А. В. Цифровизация: исследование основных терминов. *Экономика и управление: научно-практический журнал.* 2022;(3):134–139. DOI: 10.34773/EU.2022.3.25
4. Лукашов А.И. Отдельные направления повышения эффективности государственного управления в условиях цифровизации. *Финансовый журнал.* 2021;13(3):67–75. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-3-67-75
5. Лукашов А.И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования. *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2023;(1):20–38. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-20-38
6. Исаев Э.А. Курс на цифровизацию аналитических полномочий Казначейства России. *Бюджет.* 2023;(5):31–33.
7. Артюхин Р.Е. Единая цифровая платформа, бюджетный рубль и новые казначейские кредиты. *Бюджет.* 2023;(8):10–14.
8. Исаев Э.А. Актуальные вопросы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере. *Вестник университета (Государственный университет управления).* 2022;(8):139–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-139-144

9. Исаев Э.А. Управляя временем: от наказания к предупреждению. *Бюджет*. 2023;(6):48–49.
10. Артюхин Р.Е. Эволюция государственного финансового контроля и контрольно-ревизионных органов Минфина России. *Финансы*. 2023;(5):3–12.
11. Чхутиашвили Л.В. Стратегия развития государственного аудита в цифровой экономике России. *Право и цифровая экономика*. 2022;(4):16–22. DOI: 10.17803/2618–8198.2022.18.4.016–022
12. Гузь Н.А., Царева Л.М. Трансформация внутреннего государственного финансового контроля на современном этапе и в ближайшей перспективе. *Финансы*. 2023;(8):33–39.
13. Петров М.В. Цифровая трансформация Счетной палаты. *Финконтроль*. 2022;(4):20–22.
14. Бурякова А.О., Варнавский А.В. Цифровизация деятельности Счетной палаты Российской Федерации. *Управленческие науки*. 2019;9(4):98–114. DOI: 10.26794/2404–022X-2019–9–4–98–114
15. Беликова Е.А. Модуль «Риск-мониторинг» ЕИС: эффективный инструмент для контролеров. *Финконтроль*. 2023;(3):16–19.
16. Пахомова Л.М. Цифровизация контрактных отношений: первые итоги и правовые пробелы. *Право и цифровая экономика*. 2022;(4):5–15. DOI: 10.17803/2618–8198.2022.18.4.005–015
17. Черкасова Ю.И., Макарова С.Н. Государственный финансовый СМАРТ-контроль: вектор на изменение методологических и технологических подходов. *Вопросы региональной экономики*. 2022;(4):163–172.

REFERENCES

1. Lukashov A. I. Formation of a system for assessing the effectiveness of state financial control in the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2023;16(3):76–88. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–3–76–88
2. Simenko I. V., Chaouva Ya. S. Informatization and digitalization of state financial control: Terminological analysis of concepts. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika = Socio-Economic Management: Theory and Practice*. 2020;(2):34–37. (In Russ.).
3. Kondratieva M. N., Komakhina A. V. Digitalization: A study of basic terms. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and Management: Research and Practice Journal*. 2022;(3):134–139. (In Russ.). DOI: 10.34773/EU.2022.3.25
4. Lukashov A. I. Some directions of increasing the efficiency of public administration in the context of digitalization. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2021;13(3):67–75. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2021–3–67–75
5. Lukashov A. I. State financial control: Modern challenges and directions of improvement. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2023;(1):20–38. (In Russ.). DOI: 10.17323/1999–5431–2023–0–1–20–38
6. Isaev E. A. Course towards digitalization of analytical powers of the Treasury of Russia. *Byudzhet*. 2023;(5):31–33. (In Russ.).
7. Artyukhin R. E. Unified digital platform, budget ruble and new Treasury loans. *Byudzhe*. 2023;(8):10–14. (In Russ.).
8. Isaev E. A. Current issues on digitalization of controls in the financial and budgetary sphere. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2022;(8):139–144. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2022–8–139–144
9. Isaev E. A. Managing time: From punishment to prevention. *Byudzhet*. 2023;(6):48–49. (In Russ.).
10. Artyukhin R. E. Evolution of state financial control and audit bodies of the Ministry of Finance of Russia. *Finansy = Finance*. 2023;(5):3–12. (In Russ.).
11. Chkhutiashvili L. V. Strategy for the development of state audit in the digital economy of Russia. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*. 2022;(4):16–22. DOI: 10.17803/2618–8198.2022.18.4.016–022
12. Guz' N. A., Tsareva L. M. Transformation of internal state financial control at the present stage and in the near future. *Finansy = Finance*. 2023;(8):33–39. (In Russ.).
13. Petrov M. V. Digital transformation of the Accounts Chamber. *Finkontrol'*. 2022;(4):20–22. (In Russ.).

14. Buryakova A. O., Varnavskii A. V. Digitalization of the Accounts Chamber of the Russian Federation. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2019;9(4):98–114. (In Russ.). DOI: 10.26794/2404-022X.2019-9-4-98-114
15. Belikova E. A. Module “Risk monitoring” of EIS: An effective tool for supervisors. *Finkontrol’*. 2023;(3):16–19. (In Russ.).
16. Pakhomova L. M. Digitalization of contractual relations: First results and legal gaps. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*. 2022;(4):5–15. (In Russ.). DOI: 10.17803/2618-8198.2022.18.4.005-015
17. Cherkasova Yu.I., Makarova S.N. State financial SMART controlling: A vector for changing methodological and technological approaches. *Voprosy regional’noi ekonomiki = Problems of Regional Economy*. 2022;(4):163–172. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Иванович Лукашов — кандидат экономических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой бюджета и казначейства, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; врио руководителя Управления Федерального казначейства по г. Москве, Москва, Россия

Andrey I. Lukashov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Basic Department of Budget and Treasury, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; Acting Head of the Federal Treasury Department for Moscow, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-5650-6487>

alukashov@roskazna.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.08.2023; после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.08.2023; revised on 11.09.2023 and accepted for publication on 30.09.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29
УДК 339.9(045)
JEL F33, F37

Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход

А.В. Навой

Банк России, Москва, Россия;
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. Разнообразие международных финансовых институтов (МФИ), осуществляющих регулирование международных валютно-кредитных и финансовых отношений (МВКФО), ставит вопрос об оценке эффективности их деятельности и степени влияния на финансовую стабильность на глобальном финансовом рынке. **Цели.** На основе категоризации МФИ и системного подхода к оценке степени их взаимного влияния на систему МВКФО и систему мировой экономики разработать критерии оценки эффективности МФИ с точки зрения достижения ими уставных целей и обеспечения финансовой стабильности. **Методология.** Использовались диалектические методы, метод системного анализа, метод анализа и синтеза, дидактический метод. **Результаты.** МФИ разделены на 3 группы по таксономии влияния на обеспечение финансовой стабильности, в рамках системного подхода проанализированы прямые и обратные каналы влияния МФИ 3-х групп друг на друга и на систему МВКФО и мировой экономики, а также экономики в целом. Обоснованы критерии оценки эффективности МФИ, включающие: оценку степени влияния МФИ на композицию экономических отношений в мировой валютно-финансовой системе (МВФС); соотношение международной компетенции института в регулировании МВФС с наличием необходимых полномочий и финансовых ресурсов для решения поставленных задач; простоту и необремененность процедуры выделения необходимых ресурсов для купирования финансовых шоков в МВФС и решения краткосрочных проблем с платежным балансом. **Выводы.** По обоснованным критериям эффективности фиксируется растущее значение МФИ 2-го и 3-го типа при определенной деградации «классических» МФИ 1-го типа и сегментации регуляторных контуров МФИ до уровня региональных объединений и профессиональных сообществ. **Ключевые слова:** международные финансовые институты; МВФ; ООН; региональные финансовые механизмы; антикризисное регулирование; трансграничное движение капитала; международный кредит

Для цитирования: Навой А.В. Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход. *Мир новой экономики.* 2023;17(4):16-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29

Towards the Efficiency of Modern International Financial Institutions: Systemic Methodological Approach

A.V. Navoy

Bank of Russia, Moscow, Russia;
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. The variety of international financial institutions (IFIs) that regulate international monetary, credit and financial relations (IMCFR) raises the question of assessing the effectiveness of their activities and the degree of influence on financial stability in the global financial market. **Objectives.** Based on the categorization of MFIs and a systematic approach to assessing the degree of their mutual influence on the IMCFO system and the global economic system, develop criteria for assessing the effectiveness of MFIs in terms of achieving their statutory goals and ensuring financial stability. **Methods.** Dialectical methods, the method of system analysis, the method of analysis and synthesis, and the didactic method were used. **Results.** MFIs are divided into 3 groups according to the taxonomy of influence on ensuring financial stability; within the framework of a systems approach, direct and reverse channels of influence of MFIs of

3 groups on each other and on the IMCFO system and the world economy, the economy as a whole, are analyzed. The criteria for assessing the effectiveness of IFIs are substantiated, including: assessing the degree of influence of IFIs on the composition of economic relations in the IMF; the relationship between the international competence of the institution in regulating the International Monetary Fund and the availability of the necessary powers and financial resources to solve the assigned tasks; simplicity and ease of procedure for allocating the necessary resources to mitigate financial shocks in the IMF and solve short-term problems with the balance of payments. **Conclusions.** Based on reasonable efficiency criteria, the growing importance of type 2 and type 3 MFIs is recorded, with a certain degradation of “classical” type 1 MFIs and segmentation of regulatory contours to the level of regional associations and professional communities. **Keywords:** international financial institutions; IMF; UN; regional financial mechanisms; anti-crisis regulation; cross-border capital movement; international credit

For citation: Navoy A.V. Towards the efficiency of modern international financial institutions: Systemic methodological approach. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):16-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29

ВВЕДЕНИЕ

Единое понятие МФИ в теории МФКФО отсутствует. В российском нормативном поле близким к нему являются определения «международная финансовая организация»¹, «международная валютно-финансовая организация»², а также «международные организации развития».

Под МФИ в данном исследовании мы будем понимать систему международных институтов, наделенных широкой международной компетенцией как в силу их отношений с ООН, так и в связи с волеизъявлением отдельных групп государств, стремящихся к достижению финансовой стабильности посредством воздействия на контуры МВФС. Объектом регулирования МФИ, по нашему мнению, является такое состояние глобального финансового рынка, которое обеспечивает финансовую стабильность и минимизацию глобальных финансовых рисков. Механизм регулирования МФИ подразумевает выработку унифицированных правил поведения участников рынка, включая ответственность за их несоблюдение, а также использование антикризисных инструментов для купирования кризисов в тех сегментах финансового рынка, которые им подвержены.

Под эффективностью деятельности МФИ в общем контексте мы подразумеваем степень достижения ими результатов в рамках международной компетенции — т.е. степень влияния на определенную категорию МФКФО в целях обеспечения финансовой стабильности. Причем понятие эффективности МФИ неотделимо от минимальных

экономических издержек, связанных с достижением поставленных целей.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ МФИ

Разнообразие действующих МФИ требует их категоризации, где в качестве критерия предлагается опираться на степень их влияния на композицию МВФС.

К первой группе МФИ следует отнести специализированные институты, созданные в рамках статьи 57 Устава ООН³: Международный валютный фонд (МВФ) и Группу Всемирного банка (ГВБ).

Деятельность МВФ, в отличие от других форм МФИ, зиждется на подчиненности нормам международного права. Это предопределяет, с одной стороны, жесткость требований к исполнению странами-членами Статей Соглашения МВФ, к которому Российская Федерация присоединилась в 1992 г.⁴, а с другой — обеспечивает взвешенный подход к учету мнения отдельных государств в рамках прозрачных, нормативно закрепленных процедур принятия решений.

МВФ имеет статус международной межправительственной финансовой организации [1], созданной на основе статьи 57 Устава ООН, и является одним из специализированных учреждений ООН, выполняющих функции по регулированию отношений в сфере международных публичных финансов. Правовой основой деятельности МВФ выступают Статьи Соглашения МВФ, определяющие цели, принципы, компетенцию, структуру

³ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charter_of_the_United_Nations

⁴ Постановление ВС РФ от 22.05.1992 № 2815-1 «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-22051992-n-2815-1/>

¹ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18296>

и основные направления работы Фонда. Главные задачи Фонда — обеспечение международного валютно-финансового сотрудничества и помощь в осуществлении надзора за финансовой политикой государств в целях предотвращения диспропорций их платежных балансов⁵.

МВФ консультируется с ООН по техническим вопросам и отчитывается перед ним о своей деятельности (статья 63).

Некоторые правоведы [2–4] отмечают уникальный статус МВФ как наднационального, властно ориентированного института, отличного от межправительственных организаций координационного типа. Полномочия Фонда предполагают возможность вмешиваться в денежный суверенитет государств-членов, а также устанавливать нормы-принципы, обязательные для имплементации в валютно-финансовой политике. В частности, МВФ устанавливает «кодекс надлежащего валютно-финансового поведения государств-членов», в рамках которого они обязаны придерживаться международного режима обменных курсов, который находился под контролем МВФ (статья IV). Дополнительные полномочия МВФ распространяются на осуществление строгого контроля за политикой государств-членов в области валютных курсов (раздел 3 статьи IV). В частности, каждое из них берет на себя обязательство предоставлять Фонду всю необходимую для надзора информацию в настолько подробной и точной форме, «насколько это представляется практически осуществимым» (раздел 5 статьи 8).

МВФ может применять санкции к государствам-членам, которые не исполняют свои обязательства перед Фондом. Это, согласно разделу 2 Статьи XXVI: приостановка прав и привилегий, вытекающих из членства в МВФ, прекращение кредитования, лишение права голоса в органах управления, лишение права на представительство в органах управления МВФ, лишение права на получение помощи, приостановка членства в МВФ на срок до одного года, исключение из организации, исключение из международного общения по некоторым вопросам сотрудничества.

Таким образом, отличительной особенностью первой группы МФИ является зависимость от волеизъявления всех стран мирового сообщества и преимущественно регуляторный характер компетенций.

Ко второй группе МФИ относятся организации регуляторного типа, нацеленные на то, чтобы оказывать влияние на МВФС посредством норм «мягкого права» — юридически необязательных принципов поведения. «Мягкое право» призвано сформировать определенную модель поведения участников рынка в целях недопущения концентрации избыточных рисков на глобальном финансовом пространстве. К группе МФИ данного типа следует отнести Банк международных расчетов (БМР), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Совет по финансовой стабильности (СФС), а также международные саморегулируемые организации [Международная организация комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ), Совет по международным стандартам бухучета (СМСБУ) и др.]. Отличительная особенность данной группы — отсутствие выраженной международной компетенции и представление интересов узкой группы стран.

«Группа 20» занимает центральное место в контуре регулирования МФИ 2-го типа. Решения «Группы 20» (форума) опираются на экономическое и политическое доминирование стран — участниц форума (на долю «двадцатки» приходится около 90% мирового ВВП, 80% мировой торговли и 64% населения), а также наличие большинства голосов, принадлежащих государствам — участникам «двадцатки» в МФИ 1-го типа. Основными документами «Группы 20» являются итоговые заявления и протоколы заседаний, отражающие решения форума по наиболее острым глобальным финансовым проблемам. Они подписываются представителями высших органов исполнительной власти государств-участников — президентами и руководителями правительств, что де-факто гарантирует их будущую имплементацию на уровне национального законодательства.

Отличительная черта «мягкого» регулирования в рамках «Группы 20» — расплывчатые формулировки: итоговые коммюнике, как правило, носят декларативный характер, отражающий консенсус в принятии решений на форуме. Неопределенность формулировок итоговых документов позволяет международным финансовым институтам (МВФ, ГВБ, БМР, ОЭСР, СФС) достаточно вольно их интерпретировать и в последующем закреплять в собственных документах (кодексах, руководствах, методиках), уже опираясь на экономические интересы наиболее влиятельных стран — участниц этих организаций.

Впоследствии в рамках формальных обязательств стран-участниц перед МФИ 1-го типа

⁵ Статьи Соглашения Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf>

(проведение технических консультаций, проверок и др.) и через систему скрытых рычагов воздействия («дружеские проверки», «публичные порицания», ухудшение условий привлечения капитала) акты «мягкого права», изданные МФИ, интегрируются в национальное законодательство государств — членов форума.

Координацию деятельности МФИ 2-го типа и их связь с МФИ 1-го типа осуществляет СФС посредством кодификации стандартов поведения участников различных сегментов финансового рынка. В уставе СФС закреплён перечень наиболее значимых финансовых регуляторов — «организаций, устанавливающих стандарты» (standards-setters). В него входят: Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), Комитет по платёжным и расчётным системам Банка международных расчётов (КПРС), Комитет по глобальной финансовой системе (КГФС), СМСБУ, Международная ассоциация страховых надзоров, а также МОКЦБ⁶. Стандарты, созданные указанными организациями, выступают основными элементами системы «мягкоправового» международного финансового регулирования [5].

В настоящее время поддерживаются и обновляются на регулярной основе около 70 стандартов, из которых 17 признаны СФС в качестве ключевых для глобальной финансовой стабильности и сведены в Компендиум стандартов в 12 сферах международных финансовых отношений⁷.

Роль контролеров принадлежит МФИ 1-го типа. В частности, МВФ применяет «Инициативу в отношении соблюдения стандартов и кодексов»⁸, в рамках которой оценивается прогресс государств-участников в том, что касается выполнения стандартов финансового регулирования.

Третья группа МФИ представлена широким кругом институтов развития, в том числе региональных, а также специализированными институтами — стабилизационными фондами и региональными финансовыми механизмами (РФМ). Деятельность данных организаций нацелена на решение задач развития инфраструктуры финансового рынка, а также на купирование угроз для финансовой стабильности на национальном и региональном уровнях.

Институты развития — это специальные фонды, финансовые программы, агентства и пр. В зарубежной доктрине под этим подразумеваются специализированные финансовые институты, обеспечивающие долгосрочное финансирование проектов, создающих значительные позитивные внешние эффекты (экономические и социальные); при этом они не могут быть полностью профинансированы частным инвестором [6]. Е.С. Сазонова международные финансовые институты развития определяет как инвестиционно-кредитные институты, основным направлением деятельности которых является некоммерческое кредитование инвестиционных проектов в приоритетных отраслях экономики, с преимущественным участием государственного капитала [7]. Частной формой института развития является банк развития — межгосударственная организация, капитал которой сформирован государствами-участниками на многосторонней основе [8]. В данной группе к институтам развития относятся: Азиатский банк реконструкции и развития (АзБРР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Европейский банк реконструкции (ЕБРР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Новый банк развития БРИКС и др.

Данные институты обладают и распоряжаются значительными финансовыми ресурсами, но решают преимущественно узкий круг экономических проблем регионального масштаба и не наделены регуляторными компетенциями.

К институтам развития тесно примыкают РФМ, под которыми мы понимаем организованные формы накопления капитала в целях противодействия негативным последствиям кризиса на финансовых рынках, а также — финансирования программ долгосрочного развития региона. РФМ, как правило, представлены региональными фондами, наполняемыми за счёт отчислений пропорционально размерам экономик стран-участниц. Основные взносы делают крупнейшие государства региона с наибольшим ВВП и населением. За счёт сформированных ресурсов РФМ предоставляют странам, подвергшимся кризису, кредитные ресурсы на заранее определенных условиях [9]. К РФМ мы относим Пул валютных резервов БРИКС (ПВР БРИКС), Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ), Многостороннюю инициативу Чанг-Май (МИЧМ), Североамериканское рамочное соглашение (СРС) и др.

Общая схема взаимодействия МФИ 3-х типов представлена на *рис. 1*.

⁶ URL: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_120809.pdf

⁷ URL: http://www.financialstabilityboard.org/cos/key_standards.htm

⁸ URL: <https://www.imf.org/external/standards/index.htm>

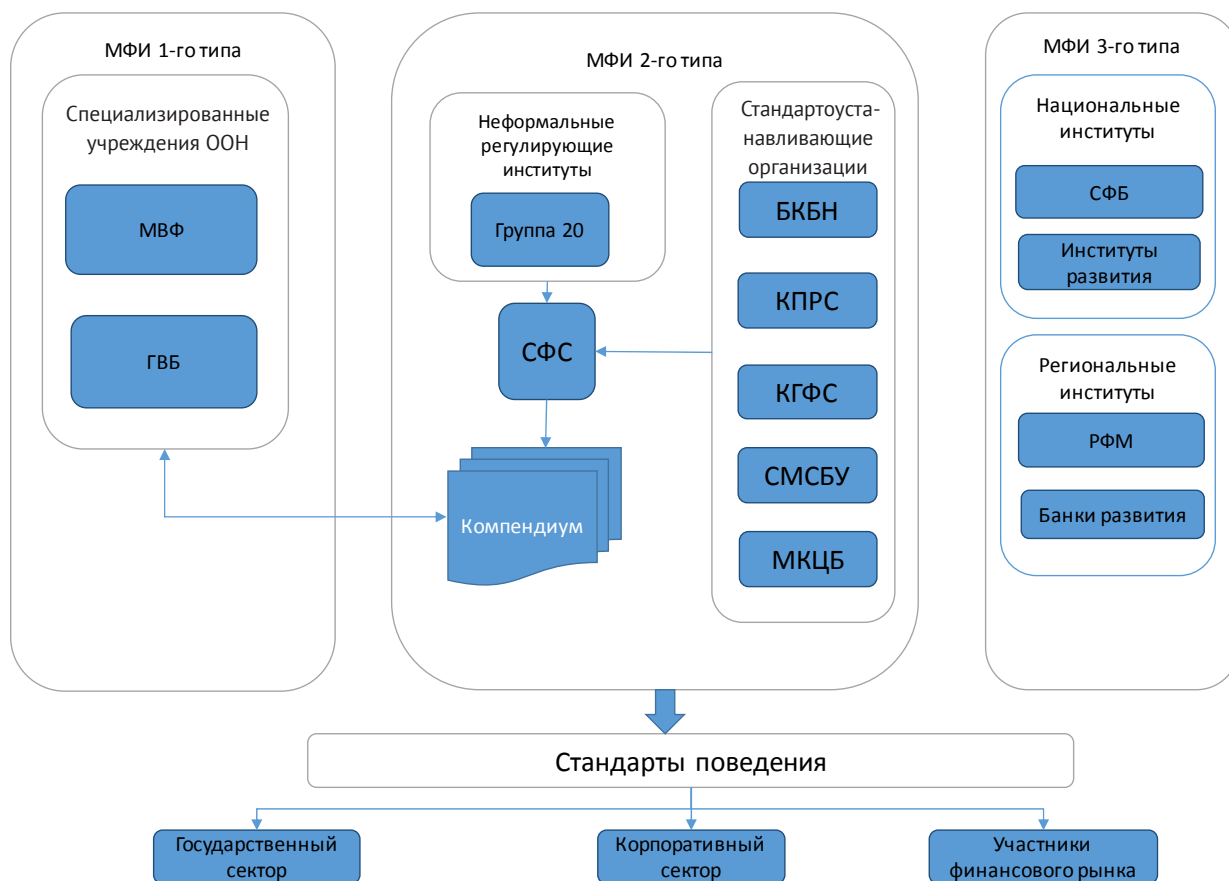

Рис. 1 / Fig. 1. Схема взаимодействия 3-х типов МФИ / Scheme of interaction of 3 types of MFIs

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МФИ

Комплексный многомерный характер воздействия институтов МФИ на МВФС

Мы рассматриваем функционирование МВФС как среды реализации экономических отношений, опосредующих трансграничное движение капитала. При этом МФИ выступают ядром системы или органом управления МВФС и определяют модель поведения ее участников (рис. 2). В частности, МФИ второй группы стимулируют участников рынка и регуляторов придерживаться определенной модели поведения, в частности: не принимать избыточных рисков, формировать достаточный объем капитала и резервов (Базельские стандарты БМР), раскрывать информацию (стандарты МСФО, аудита), обеспечивать непрерывность расчетов и устойчивость платежной инфраструктуры (КПРС, МОКЦБ). Кроме того, МФИ структурируют среду МВФС, задавая стандарты типовых договоров на рынке заемного ка-

питала, производных финансовых инструментов (ISDA, ISMA).

Прямое влияние надстроечных МФИ на МВФС дополняется появлением новых форм денег (цифровых валют центральных банков) и активов (цифровых), усилением позиций формирующихся рынков в глобальном ландшафте, закреплением новых способов передачи финансовой информации на основе технологии распределенного реестра (блокчейн). Эти новации требуют адекватного отклика надстроечных институтов, который выражается в пересмотре имеющихся стандартов поведения участников рынка и в предании новых компетенций действующим МФИ. В последнее десятилетие важнейшим вызовом для МФИ является усиление позиций развивающихся стран и повышение роли их валют на международном рынке.

Взаимосвязь и взаимное проникновение МФИ и их опора на экономический базис

МФИ достаточно тесно интегрированы между собой. В частности, МФИ первой группы тесно

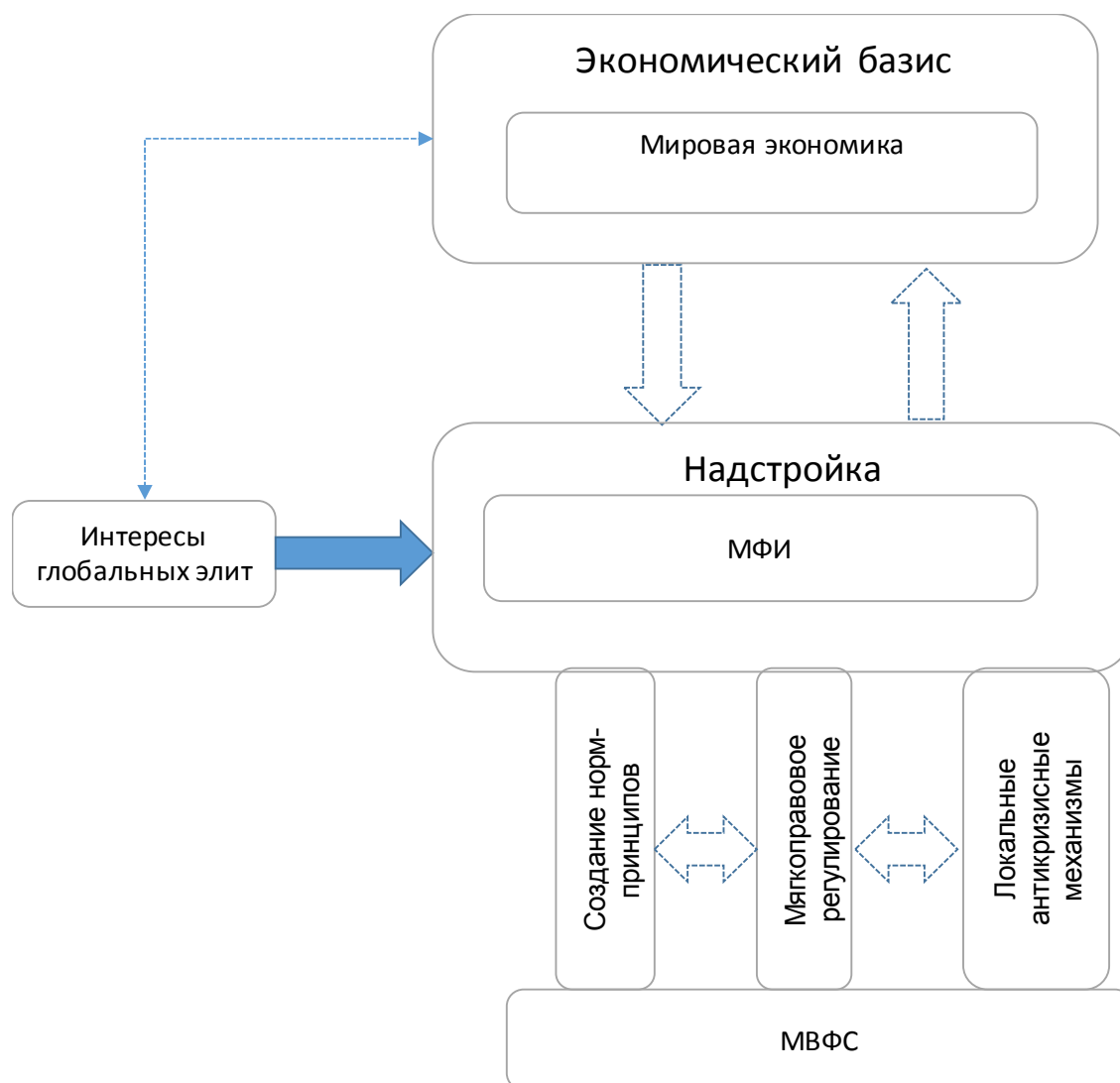

Рис. 2 / Fig. 2. Схема принципов системного подхода к оценке эффективности МФИ /
Scheme of principles of a systematic approach to assessing the effectiveness of the MFIs

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

связаны с «G-20» и вовлечены в имплементацию решений форума. Решения СФС в области формирования стандартов поведения участников финансового рынка интегрированы с надзорными компетенциями МВФ, а компендиум СФС включает основные стандарты, разрабатываемые «стандартообразующими» МФИ: БКБН, КПРС, МОКЦБ и др. Наконец, в деятельности МФИ отчетливо проявляются интересы глобальной элиты — развитых стран. Последние обладают большинством голосов в МВФ, группе Всемирного банка. Представители «G-10» — учредители, принимающие решения в Базельском процессе (БКБН, КПРС и БМР). Развитым странам принадлежат руководящие позиции в ОЭСР. Кроме того, представите-

ли развитых стран — основные участники «стандартообразующих» МФИ.

Интересы развитых стран проявляются в блокировании МФИ инициатив по оздоровлению МВФС и купировании глобальных дисбалансов, растущей нестабильности и фрагментации финансовых отношений МВФС и ее подверженности кризисам. Неразрешенной остается проблема неконтролируемого наращивания внешнего долга крупнейшими развитыми странами (прежде всего США), а также — длительной неуравновешенности платежных дисбалансов США, Великобритании и др.

Вместе с тем взаимодействие МФИ с экономическим базисом строится на основе диалектического единства и борьбы противоположностей, которое

проявляется в частичном учете интересов развивающихся стран как в традиционных институтах, так и в появлении ряда новых МФИ, отвечающих интересам формирующихся рынков. Например, в ответ на повышение веса развивающихся стран в глобальной экономике перераспределены квоты МВФ, проведена реформа органов управления Фонда; неформальный клуб принятия важнейших экономических решений на глобальном рынке («Группа 7») расширен до «Группы 20».

Позиции развивающихся стран усилены в БМР, ОЭСР и СФС, однако они все еще существенно уступают развитым странам. Новым вектором расширения их влияния является создание новых, независимых от институтов первого типа МФИ, оказывающих влияние на устойчивость МВФС — региональных институтов развития, суверенных фондов благосостояния (СФБ) и РФМ. Задачи данных МФИ состоят, в том числе, в компенсации провалов регулирования МВФС со стороны «классических» МФИ.

Влияние надстроечных МФИ на МВФС

В рамках системного подхода к оценке эффективности МФИ исследуется действенность их регулирующего воздействия на экономические отношения внутри МВФС. На сегодняшний день сформировано три взаимопроникающих контура — так называемое «мягкоправовое» регулирование; нормативное регулирование через систему МФИ первого типа; национальные и региональные механизмы регулирования, нацеленные на купирование угроз для финансовой стабильности на локальных финансовых рынках.

Первый контур — воздействие на МВФС посредством создания норм-принципов со стороны МФИ первого типа, действующих под эгидой ООН. Он предполагает «классические» принципы принятия решений (на основе голосования), регламентированную процедуру оформления регуляторного воздействия на МВФС (официальные методологические документы, руководства, принципы и т. д.), механизм контроля за имплементацией решений (надзор, технические миссии, взаимные проверки) и механизм санкций за невыполнение норм (снижение размера кредитования, порицание, исключение из Фонда и др.). В основе первого контура регулирования лежит коллективное волеизъявление всех стран мирового сообщества на основе мандата ООН, который предоставил МФИ особые полномочия в целевой области регулирования — системе международных валютных отношений.

Второй контур — «мягкоправовое» регулирование базируется на создании юридически необязательных принципов поведения для профессиональных участников рынка, выраженных в кодексах, рекомендациях и иных формах закрепления обычаев делового оборота (МОКЦБ, КППС, БКБН и др.). В основе процедур принятия решений в этом контуре лежит аккумуляция традиций функционирования того или иного сегмента финансового рынка, обобщение лучших практик в стандарты поведения участника рынка, продвижение сформированных стандартов среди всех участников рынка посредством специфических стимулирующих механизмов (неформального давления), а также применение санкций в отношении членов «стандартобразующих» организаций, не соблюдающих выработанные ими нормы поведения.

Третий контур регулирования МВФС представлен национальными и региональными механизмами, направленными на купирование угроз для финансовой стабильности, а также на мобилизацию ресурсов развития. Отличительными чертами данного контура выступают узконаправленность принятых управленческих решений, имеющих действие внутри региона или определенной группы стран. Специфика принятия решений в третьем контуре предусматривает голосование с учетом веса каждой страны — участника регионального финансового механизма на основе заранее закрепленной в учредительных документах процедуры; четкую регламентацию процесса идентификации проблем финансовой стабильности, требующих вовлечения региональных МФИ; специальный механизм аккумуляции ресурсов и их распределения на основе коллегиальных решений.

Особая сфера функционирования трех регуляторных контуров — контроль за имплементацией принятых решений. Все три контура регуляторного воздействия на МВФС оказывают прямое и обратное воздействие друг на друга. Так, неотъемлемым элементом первого контура регуляторного воздействия выступает вовлечение нормотворческих полномочий МФИ 1-го типа в имплементацию решений МФИ 2-го типа. В частности, МВФ и ГВБ являются участниками саммитов «Группы 20», исполнителями надзорных процедур программы оценки финансового сектора (Financial sector assessment program, FSAP, ПОФС), в ходе которых анализируется степень прогресса во внедрении стандартов СФС. Наконец, МВФ активно вторгается в третий контур регулирования, регламентируя функционирова-

ние национальных СФБ и активно взаимодействуя с РФМ как с элементом глобальных страховочных сетей. С другой стороны, регуляторная повестка, разрабатываемая МВФ, принимается во внимание институтами «мягкого права» в рамках принятия решений на уровне второго контура регулирования, а сам Фонд учитывает практику регулирования, складывающуюся на уровне региональных финансовых институтов (РФМ и СФБ).

Взаимное влияние надстройки и МВФС с другими системами, в частности, взаимодействие с более общей системой мировой экономики

С одной стороны, расстановка сил в мировой экономике создает общий базис для детерминации отношений в МВФС и в надстроечных МФИ. Так, увеличение доли развивающихся стран в мировой экономике и в международной торговле отразилось в активизации трансграничных финансовых потоков, генерируемых формирующимися рынками, а также в повышении доли развивающихся стран в органах управления МФИ первого типа. Тем не менее процесс учета интересов формирующихся рынков в управленческих структурах МФИ первого и второго типов носит нелинейный характер: экспоненциальный рост макропараметров развивающихся стран (в частности, их доминирование в создании мирового ВВП, в доле населения земного шара) сопровождается относительно «скромным» увеличением участия этих стран в процессе глобального финансового регулирования. Так, в результате нескольких пересмотров квот МВФ доля развивающихся стран возросла лишь на 15 процентных пунктов и составляет в настоящее время около 27%. В БМР на долю развивающихся стран приходится лишь 7% голосов.

С другой стороны, институты МФИ, формирующие надстройку МВФС, активно воздействуют на развитие системы мировой экономики, причем такое влияние, отражая в основном интересы развитых стран, носит неоднозначный характер. Так, доминирование развитых стран в системе регулирования МВФС приводит к «пробуксовыванию» регуляторных мер, направленных на купирование глобальных дисбалансов, что, в свою очередь, сдерживает развитие мировой экономики.

Например, в мировой практике доказано, что недоучет национальной специфики в глобальных подходах к банковскому регулированию и к требованиям к размеру капитала и антикризисным

надбавкам (буферу капитала) коммерческих банков («Базель III» и «Базель IV») сдерживает кредитование национальной промышленности развивающихся стран. Нерелевантные требования МВФ к странам-заемщикам, содержащиеся в программах стабилизации экономики, приводят к торможению экономического роста и «экономическому закабалению» формирующихся рынков. Наконец, требования, выдвигаемые МВФ к размеру и композиции международных резервов, порождают «связывание» чистых национальных сбережений развивающихся стран в резервных валютах и в финансовых инструментах развитых экономик.

Данные тенденции создают острое противоречие между нарастающим доминированием формирующихся рынков в глобальном производстве и международной торговле и их зависимым положением на глобальном финансовом рынке, а также в органах управления МФИ. Данные противоречия частично разрешаются при создании региональных МФИ 3-го типа.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МФИ

Перейдем к выработке методологии оценки эффективности МФИ с точки зрения обеспечения финансовой стабильности на основе представленных принципов системного подхода.

Первым элементом методологии, по нашему мнению, выступает оценка степени влияния МФИ на композицию экономических отношений в МВФС. Очевидно, что МФИ различных типов имеют разный вес при принятии регуляторных решений на глобальном финансовом рынке, а их инициативы по-разному имплементируются участниками рынка. Наиболее влиятельными являются институты 1-го типа в силу наличия у них международной правовой компетенции и возможности применять санкции за неисполнение правил поведения. Например, МВФ из-за широкой интерпретации своего мандата вмешивается не только в проведение валютной политики странами-членами и воздействует на систему государственного управления государственных участников, но и оказывает влияние на принятие решений финансовыми посредниками и предприятиями реального сектора экономики. Фонд требует четко разграничить сектор государственного управления и частный сектор экономики, исключив государственный контроль за частными институтами. Очерчивается и круг функций, которые должны быть закреплены за государственным сектором.

В то же время влияние на композицию отношений в МВФС МФИ 2-го типа, осуществляющих выработку и имплементацию стандартов поведения участников рынка на основе «мягкоправовых» принципов регулирования, ограничено. Слабостью структуры данного контура, помимо отсутствия демократизма и непрозрачности процедуры выработки решений, по нашему мнению, выступает неразвитость института контроля за исполнением принятых решений и отсутствие полноценного международного бюрократического аппарата, который на регулярной основе координировал бы усилия МФИ 2-го типа и национальных регуляторов. Реальное регуляторное давление такие институты способны оказать лишь на страны-участницы. Созданный для преодоления данного пробела СФС пока лишь нащупывает рычаги воздействия на участников МВФС.

Возрастающее влияние на регулирование МВФС оказывают МФИ 3-го типа. Несмотря на то что их деятельность сосредоточена на относительно узком сегменте целей — участии в организации региональных страховых сетей и финансировании проектов развития, они занимают все более значимое место в контуре регулирования МФКФО, в том числе, в направлении построения полицентричной глобальной финансовой системы.

Повышение значимости МФИ 3-го типа обусловлено рядом факторов. В их числе — недостаточная емкость антикризисных инструментов традиционных МФИ 1-го типа, значимые экономические и политические издержки привлечения кредитных ресурсов от них; потребность в переориентации на формирование антикризисных пакетов за счет финансовых ресурсов региона; снижение зависимости от развитых стран, участвующих в формировании антикризисной помощи в рамках традиционных МФИ [10].

В отличие от регуляторных компетенций МФИ 1-й группы, прямо закрепленных в международных нормативных актах, степень влияния МФИ 3-го типа на композицию экономических отношений имеет косвенный характер и реализуется в выделении данными институтами финансовых ресурсов странам-заемщикам под определенные условия.

Весьма значительным регуляторным потенциалом обладают и региональные институты развития. Несмотря на то что данные МФИ не ставят своей целью регулирование отношений в МВФС, де-факто оно осуществляется. Например, институты развития азиатского региона — АзБРР, АБИИ, Новый банк

развития БРИКС — способны оказывать влияние на страны-заемщики через создание преференций в отношении инвестиционных проектов, которые в наибольшей степени отражают интересы крупнейших учредителей данных МФИ, прежде всего Китая. Такое влияние может реализовываться, в частности, в увязке допуска китайских компаний на новые рынки сбыта с получением крупных кредитов от институтов развития или ослабления норм валютного регулирования и валютного контроля в стране-заемщике в отношении приобретения Китаем крупных пакетов акций национальных компаний.

Дальнейшее распространение деятельности МФИ 3-го типа с регионального уровня на другие страны (например, в случае инициативы «Один пояс — один путь») существенно снижает потребность в антикризисном инструментарии МВФ. Логично, что дальнейшая экспансия МФИ 3-го типа ослабит и надзорно-регуляторные амбиции МВФ, поскольку они не будут опираться на контроль за использованием предоставленных Фондом кредитных ресурсов. Одновременно МФИ 3-го типа, обладающие реальными финансовыми ресурсами для поддержания региональной финансовой стабильности, смогут оказать более значимое воздействие на поведение участников рынка и на разрешение проблем глобальной финансовой стабильности, ранее всецело находящихся в компетенции Фонда.

В качестве *второго элемента* методологии оценки эффективности деятельности МФИ мы рассматриваем соотношение международной компетенции института в регулировании МВФС с наличием необходимых полномочий и финансовых ресурсов для решения поставленных перед ним задач.

У МФИ 1-го типа этот баланс смещен в пользу международной компетенции. Так, у МВФ и ГВБ она выражена наиболее четко и закреплена в том числе в международных нормативно-правовых актах ООН. Кроме того, у МФИ 1-го типа присутствуют практически все атрибуты экономической власти, необходимые для реализации регуляторных полномочий, включая переданную им часть национального суверенитета отдельных государств в денежной и валютной сферах.

Вместе с тем ресурсов, необходимых для решения возложенных на МФИ 1-го типа задач, недостаточно. В частности, проблемой является дискретность процесса их привлечения и относительно незначительные объемы, а также длительность процедуры пересмотра квот, требующей международного правового оформления и ратификации страна-

ми-членами. Предпринятые МВФ нестандартные меры — программы заимствований на двусторонней и многосторонней основе — не изменили ситуации: сформированные Фондом ресурсы несопоставимы с масштабами финансовых угроз и объемами обращающихся на глобальном финансовом рынке инструментов [11]. Так, в результате увеличения квот 54 стран — членов Фонда в 2011 и в 2015 гг. — ресурсы МВФ выросли до 395,0 млрд СДР, а объем дополнительно привлеченных судных ресурсов достиг 497,9 млрд СДР⁹. При этом даже расширенный совокупный объем привлеченных МВФ ресурсов несопоставим с емкостью финансовых инструментов, обращающихся на глобальном финансовом рынке — около 800 трлн долл. США¹⁰, и совокупным дефицитом счета текущих операций стран — членов МВФ, приближающимся к 300 трлн долл. США¹¹. Более того, большая часть ресурсов МВФ уже отвлечена в кредиты, предоставленные нуждающимся странам, что позволяет некоторым исследователям сравнивать МВФ с банком плохих долгов [12].

У ГВБ — не менее проблемная ситуация с наличием необходимых ресурсов для решения возложенных задач. Привлеченные средства банка, несмотря на доступ к финансовым рынкам, несопоставимы с потребностями для решения даже самых острых и насущных проблем развития, например, борьбы с голодом, эпидемиями и др.

У МФИ 2-го типа соотношение международной компетенции, полномочий и ресурсов более сбалансированное. Не будучи наделенными на международном уровне регуляторными компетенциями, данные организации сосредоточены на решении узкопрофессиональных задач, которые, хотя и имеют важное значение для обеспечения финансовой стабильности, не требуют привлечения механизма международных санкций и дополнительного финансирования. Компетенции данного типа институтов реализуются в основном на уровне обсуждений в профессиональном сообществе и выработки итоговых рекомендаций в форме стандартов поведения участников рынка, не имеющих обязательного статуса.

Соотношение международных компетенций, полномочий и финансовых ресурсов у МФИ 3-го

типа носит асимметричный характер: доминируют полномочия и ресурсы при несформированной международной компетенции. Как правило, полномочия РФМ и СФБ четко закреплены в региональных и национальных нормативно-правовых актах и сводятся к фондированию региональных страховочных сетей — механизмов предоставления ликвидности для купирования шоков на региональном финансовом рынке, а также к предоставлению ресурсов развития. При этом, в отличие от МФИ 1-го типа, ресурсы МФИ 3-го типа могут предоставляться для более широкого спектра целей, включая займы для участников для поддержания платежного баланса или другие потребности в финансировании (например, в СВР и МИЧМ), покупку облигаций, займы для рекапитализации банковских систем (например, ЕСМ), превентивное страхование (например, ПВР БРИКС, МИЧМ и ЕСМ).

В распоряжении РФМ находится около 1,5 трлн долл. США, еще около 10 трлн долл. США — под управлением СФБ, т.е. их ресурсы кратно превышают те, что аккумулируются МВФ. Однако мобилизуемые для антикризисного финансирования ресурсы оказываются почти незадействованными. Так, около 200 млрд долл. США, принадлежащие МИЧМ, до сих пор практически не использовались. Не востребована значительная часть ресурсов ЕСМ, а только 141,4 млрд евро, или 17,1% от его потенциальных активов¹².

Третьим элементом методологии оценки эффективности деятельности МФИ выступает критерий простоты и необремененности процедуры выделения необходимых ресурсов для купирования финансовых шоков в МВФС и решения краткосрочных проблем с платежным балансом у нуждающихся стран. Очевидно, что данный критерий применим лишь к институтам 1-го и 3-го типов, поскольку МФИ 2-го типа финансовыми ресурсами не обладают и лишены рычага регулирования, базирующегося на их выделении и контроле за использованием.

По нашему мнению, с точки зрения предложенного критерия уязвимы позиции как МФИ 1-го, так и 3-го типов.

Основная проблема выделения необходимых ресурсов со стороны МВФ — длительность и сложность процесса принятия решений, что сопровождается бюрократической процедурой оценки потребностей

⁹ URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2021/eng/downloads/2021-financial-statements.pdf>

¹⁰ Расчеты автора по BIS Quarterly Review, March, 2023. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2303.htm

¹¹ Расчеты автора по: Balance of Payments. URL: <https://data.imf.org/>

¹² Расчеты автора по: ESM Annual Report 2021. URL: <https://www.esm.europa.eu/publications/annual-report-2021>

страны-заемщика в ресурсах, степени ее прогресса в области рыночных реформ и др. Причем часть критериев выделения ресурсов МВФ имеет непрозрачный характер.

Ангажированность предоставления ресурсов МВФ подтверждается увеличением доли кредитов Фонда, направляемых не развивающимся, а развитым странам. Например, МВФ был принят ряд одиозных решений о предоставлении крупных кредитов европейским государствам: Греции (30 млрд евро), Португалии (30 млрд долл. США) и Ирландии (25 млрд долл. США), размер которых кратно превысил допустимые стандартные лимиты Фонда на получение финансовой помощи¹³. Причем столь масштабное финансирование связывалось не со стабилизацией платежного баланса стран-заемщиков, а с фондированием вывода из этих стран частных капиталов [13]. Наиболее рельефно политическая ангажированность проявилась в беспрецедентном по масштабам финансировании Украины без обоснования соответствия таких кредитов уставным целям МВФ¹⁴. В научных исследованиях отмечается связь решений о выделении ресурсов МВФ с голосованием стран-претендентов за США на Генеральной ассамблее ООН [14], и то, что 5 стран — крупнейших владельцев квот — имеют полный контроль за предоставлением кредитов [15].

МФИ 3-го типа с точки зрения выделения финансовых ресурсов на локализацию кризисов МВФС и купирование очагов финансовой нестабильности также не обладают достаточной оперативностью и простотой.

Так, доступ к кредитам РФМ обуславливается достаточно жесткими критериями отбора заемщиков и часто имеет непрозрачный характер. Ряд РФМ выдвигают даже более жесткие, чем МВФ, критерии для получения ресурсов: например, в ПВМ БРИКС, ЕСМ, МИЧМ увязывают доступ к кредитам с действующими программами финансирования МВФ и предполагают наличие поддерживаемой МВФ кредитной программы и соблюдение условий Фонда¹⁵. Кроме того, ресурсы РФМ распре-

делены крайне неравномерно (большая их часть сосредоточена в Европе и Азии), что не позволяет воспользоваться ими большинству нуждающихся в развивающихся странах.

Как правило, ресурсы РФМ «разблокировать» сложнее, чем кредиты Фонда. Задержки с выделением финансирования происходят из-за сложных и долгих переговоров между РФМ и странами-заемщиками, а также вследствие необходимости мобилизации дополнительного финансирования из подписного капитала. Кроме того, задержки в удовлетворении запроса на кредитование в РФМ могут быть обусловлены необходимостью увязки суммы кредита с участием страны в кредитных программах МВФ.

В качестве *четвертого критерия* оценки эффективности деятельности МФИ мы предлагаем анализ соответствия целей деятельности МФИ раскладу сил в мировой экономике и степени вовлеченности МФИ в реализацию интересов глобальной элиты.

Процессы, происходящие в мировой экономике, не всегда находят релевантное отражение в деятельности МФИ 1-го и 2-го типов, находящихся под сильным влиянием глобальных элит. Во многом данная тенденция объясняется историческим доминированием представителей развитых стран в руководящих органах МФИ 1-го и 2-го типов и негибкостью механизма пересмотра представительства в них стран, усиливающих свои позиции в глобальном экономическом ландшафте. В результате «тектонические» изменения, происходящие в структуре глобального производства и торговли, не влияют на процедуру принятия ключевых решений МФИ либо представительство набирающих силу стран корректируется со значительным временным лагом.

Так, несмотря на то, что доля развивающихся стран в мировом ВВП (по ППС) стала преобладать еще десятилетие назад и на доминирование их авуаров в структуре международных резервов, формирующиеся рынки до сих пор играют второстепенную роль в органах глобального регулирования — МФИ 1-го типа. Крайне незначительно присутствие развивающихся стран в работе профильных «стандартообразующих» институтов 2-го типа, где большинство экспертов по-прежнему представляют интересы развитых стран. Наконец, ограничено влияние развивающихся стран на принятие решений в рамках Базельского процесса.

В то же время усиление позиций развивающихся стран в мировой экономике находит хотя и спонтан-

¹³ В случае Греции сумма предоставленного кредита составила беспрецедентные 3200% квоты против стандартного лимита в 600%.

¹⁴ Quarterly report on IMF finances. January 31, 2022. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Data/IMF-Finance/Quarterly-Financial-Statements/2022/013122.ashx>

¹⁵ В ПВМ БРИКС и МИЧМ участие в программах Фонда требуется для финансирования в сумме более 30% максимального странового лимита; оценка кредитоспособности должников ЕСМ также увязывается с участием в программах МВФ.

ное, но более адекватное отражение в деятельности МФИ 3-го типа. Невзирая на то, что деятельность РФМ, СФБ и институтов развития локализована на уровне отдельных регионов и государств, их решения по объемам предоставленных ресурсов для антикризисной помощи и развития в большей степени отражают изменения в раскладе сил в глобальной экономической системе. По-видимому, усиление позиций МФИ 3-го типа в последующем будет сказываться и на институтах 1-го и 2-го типов.

Полагаем, что динамика процессов, происходящих в МФИ 1-го, 2-го и 3-го типов, во многом отражает диалектику единства и борьбы противоположностей, в которой новый центр притяжения — МФИ 3-го типа — постепенно усиливают регуляторные полномочия и финансовое доминирование в глобальном пространстве и начинают конкурировать с МФИ 1-го типа. Проявлением данных тенденций стало не только усиление позиций «Группы 20» — коллективного совещательного органа, призванного на основе консенсуса формировать решения по ключевым глобальным проблемам с привлечением мнения крупнейших развивающихся стран, но и амбиции МФИ 3-го типа, реализуемые в рамках трансграничных финансовых операций.

Например, ресурсы АБИИ активно привлекаются для продвижения инициативы КНР «Один пояс — один путь», в том числе в форме предоставления кредитов нуждающимся странам Африки, Азии и Латинской Америки. Более того, часто за счет ресурсов китайских кредиторов осуществляется рефинансирование кредитов, выделенных МФИ 1-го типа — МВФ и ГВБ.

В качестве *пятого критерия* оценки эффективности деятельности МФИ предлагается анализ степени взаимного проникновения и влияния институтов 1-го, 2-го и 3-го типов друг на друга с точки зрения обеспечения финансовой стабильности.

МФИ 1-го типа, обладая набором широких международных правовых компетенций, играют ключевую роль в глобальном регулировании, что выражается в попытках установления контроля над другими МФИ. Такие попытки выражены, в частности, в стремлении создать стандарты управления СФБ (Сантьягские принципы)¹⁶. Причем контроль со стороны МФИ 1-го типа распространяется не только на область надзора за СФБ, но и на попытки навязать ей стандарты управления активами фондов, а также исключить средства СФБ из процесса

самостоятельного проведения инвестиционной политики государств.

Активно развивается и сотрудничество с РФМ, — это касается участия представителей Фонда в органах управления РФМ, оценки заемщиков по собственным критериям, а также создания совместных пакетов финансовой помощи¹⁷. Кроме того, МФИ 1-го типа вторгаются в деятельность РФМ, включая их в глобальные страховочные сети, добиваясь подчинения определенным правилам поведения и надзирая за ними.

С точки зрения обеспечения финансовой стабильности такая деятельность институтов 1-го типа, с одной стороны, обеспечивает известную координацию усилий различных МФИ в целях кумулятивного воздействия на финансовую стабильность МВФС, а с другой стороны, ее не следует рассматривать изолированно от интересов глобальных элит, оказывающих через данные институты давление на деятельность институтов 3-го типа.

Усиливается и обратная связь — влияние МФИ 3-го типа на МФИ 1-го и 2-го типов. В частности, возрастающие позиции РФМ фактически выводят региональные финансовые системы из зоны надзора и регулирования со стороны МФИ 1-го типа, что наряду с имеющимися в их распоряжении ресурсами нивелирует регуляторные полномочия МФИ 1-го типа, в первую очередь в странах и регионах, обладающих достаточными финансовыми ресурсами, и создает предпосылки для фрагментации единого глобального регуляторного поля.

При этом, несмотря на то, что МФИ 1-го типа, с учетом усилившихся позиций региональных страховочных сетей, стремятся к смягчению действующих подходов к регулированию, РФМ и СФБ пока не могут оказывать значимого воздействия на их решения.

Таким образом, с точки зрения данного критерия, эффективность влияния МФИ как 1-го, так и 3-го типов на финансовую стабильность следует рассматривать как недостаточную. Причем, если в части МФИ 1-го типа недостаток эффективности обусловлен вовлеченностью в орбиту интересов глобальных элит, то с точки зрения МФИ 3-го типа он связан с относительной слабостью регуляторных компетенций.

¹⁷ Collaboration Between Regional Financing Arrangements and the IMF. IMF Policy Paper. 31 July 2017. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2017/07/31/pp073117-collaboration-between-regional-financing-arrangements-and-the-imf>

¹⁶ URL: <http://www.iwg-swf.org/pubs/gapplist.htm>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Купреев С. С. К вопросу о юридической природе международных финансовых организаций. *Международное публичное и частное право*. 2008;(1):6–9.
2. Нешатаева Т. Н. Международные организации и право: Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело; 1998. 272 с.
3. Шумилов В. М., Гудков И. В., Мауленов К. С., Шумилов Ю. В. Международное экономическое право. М.: Юрайт; 2019. 545 с.
4. Моисеев А. А. Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности). М.: Омега-Л; 2003. 296 с.
5. Brummer C. Why soft law dominates international finance — and not trade. *Journal of International Economic Law*. 2010;13(3):623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026
6. Yeyati E. L., Micco A., Panizza U. Should the government be in the banking business? The role of state-owned and development banks. Inter-American Development Bank Working Paper. 2004(517). URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/88042/1/idb-wp_517.pdf
7. Сазонова Е. С. Институты развития как инструмент государственной инвестиционной политики: общая характеристика и особенности правового регулирования. *Предпринимательское право*. 2013;(4):51–55.
8. Спивачевский П. М. Банки развития и их роль в формировании единого евразийского экономического пространства. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГУЭФ; 2012. 17 с.
9. Навой А. В. Современная региональная экономическая интеграция: основные тренды и противоречия. *Деньги и кредит*. 2017;(4):35–42.
10. Навой А. В. Центральный банк в глобальном хозяйстве. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова; 2010. 528 с.
11. Навой А. В. Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов. *Финансовый журнал*. 2022;14(6):111–123. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–6–111–123
12. Carreau D. Why not merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). *Fordham Law Review*. 1994;62(7):1989–2000. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144222975.pdf>
13. Weiss M. A. The International Monetary Fund. Congressional Research Service. 2018. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42019.pdf> (accessed on 22.08.2023).
14. Dreher A., Jensen N. M. Independent actor or agent? An empirical analysis of the impact of U.S. interests on International Monetary Fund conditions. *The Journal of Law & Economics*. 2007;50(1):105–124. DOI: 10.1086/508311
15. Copelovitch M. S. Master or servant? Common agency and the political economy of IMF lending. *International Studies Quarterly*. 2010;54(1):49–77. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2009.00577.x

REFERENCES

1. Kupreev S. S. On the issue of the legal nature of international financial organizations. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*. 2008;(1):6–9. (In Russ.).
2. Neshataeva T. N. International organizations and law: New trends in international legal regulation. Moscow: Delo; 1998. 272 p. (In Russ.).
3. Shumilov V. M., Gudkov I. V., Maulenov K. S., Shumilov Yu. V. International economic law. Moscow: Yurait; 2019. 545 p. (In Russ.).
4. Moiseev A. A. International financial organizations (legal aspects of activities). Moscow: Omega-L; 2003. 296 p. (In Russ.).

5. Brummer C. Why soft law dominates international finance — and not trade. *Journal of International Economic Law*. 2010;13(3):623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026
6. Yeyati E.L., Micco A., Panizza U. Should the government be in the banking business? The role of state-owned and development banks. Inter-American Development Bank Working Paper. 2004(517). URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/88042/1/idb-wp_517.pdf
7. Sazonova E.S. Institutes of development as an instrument of state investment policy: General characteristics and peculiarities of legal regulation. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*. 2013;(4):51–55. (In Russ.).
8. Spivachevskii P.M. Development banks and their role in the formation of a single Eurasian economic space. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2012. 17 p. (In Russ.).
9. Navoy A.V. Modern regional economic integration: Main trends and contradictions. *Den'gi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2017;(4):35–42. (In Russ.).
10. Navoy A.V. Central bank in the global economy. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2010. 528 p. (In Russ.).
11. Navoy A.V. The transformation of Russia's role in the global financial architecture in the context of geopolitical challenges. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(6):111–123. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2022–6–111–123
12. Carreau D. Why not merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). *Fordham Law Review*. 1994;62(7):1989–2000. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144222975.pdf>
13. Weiss M.A. The International Monetary Fund. Congressional Research Service. 2018. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42019.pdf> (accessed on 22.08.2023).
14. Dreher A., Jensen N.M. Independent actor or agent? An empirical analysis of the impact of U.S. interests on International Monetary Fund conditions. *The Journal of Law & Economics*. 2007;50(1):105–124. DOI: 10.1086/508311
15. Copelovitch M.S. Master or servant? Common agency and the political economy of IMF lending. *International Studies Quarterly*. 2010;54(1):49–77. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2009.00577.x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Антон Викентьевич Навой — доктор экономических наук, доцент, заместитель начальника управления департамента статистики, Банк России, Москва, Россия; профессор департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет Москва, Россия

Anton V. Navoy — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Statistics, Bank of Russia, Moscow, Russia; Professor of Department of World Economy and Global Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7058-4257>

Ant.navoy@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2023; после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2023; revised on 10.10.2023 and accepted for publication on 30.10.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-30-40
УДК 339.1+339.92(045)
JEL F5

Роль российского несырьевого экспорта в обеспечении технологического суверенитета африканских стран

А.А. Гришкова
Независимый эксперт, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

К современным тенденциям развития мировой экономики можно отнести сложные цифровые и трансформационные процессы, которые, с одной стороны, создают определенные риски и угрозы для актуальных позиций стран в мировой архитектуре, с другой, – открывают новые возможности для повышения конкурентоспособности и благосостояния отдельных государств или региональных групп, в том числе, за счет формирования их технологического суверенитета. Доля африканских стран в международной торговле составляет около 3%, однако интерес к данному континенту как внешнеэкономическому партнеру увеличивается. Это обусловлено сосредоточением в нем значительных запасов природных ресурсов, наличием потенциала в области развития ВИЭ и встраивания локального производства в глобальные производственно-сбытовые цепочки, а также стремлением разрабатывать собственные технологии, снижающие степень зависимости африканских экономик от внешних факторов. Поэтому данный регион продолжает привлекать иностранных инвесторов, и с этой точки зрения Россия не является исключением. В настоящий момент, в условиях санкций и диверсификации экспортных потоков, африканские страны представляют определенный интерес для российских производителей и поставщиков. Цель данной статьи – выделить ключевые позиции российского несырьевого экспорта в африканские страны, определить основные рынки сбыта, а также проанализировать возможную роль российского экспорта в обеспечении технологического суверенитета африканских стран.

Ключевые слова: Африка; технологический суверенитет; санкции; экспорт; инвесторы; возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Гришкова А.А. Роль российского несырьевого экспорта в обеспечении технологического суверенитета африканских стран. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):30-40. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-30-40

ORIGINAL PAPER

The Role of Russian Non-Resource Export in Technological Sovereignty Achievement of African Countries

A.A. Grishkova
Independent Expert, Moscow, Russia

ABSTRACT

The modern trends of world economic development include complicated digital and transformation processes, which create a wide range of risks and challenges to the actual positions of countries in the world architecture. Also, they open new opportunities for competitiveness and welfare improvement of any state or regional groups, in particular by their technological sovereignty creation. The share of African countries in the world trade accounts for 3%, however, the interest in this region, as a foreign trade partner, is increasing. This is driven by the intensity of considerable reserves of natural resources, existing and potential in the sphere of renewable energy sources and of local production involvement in global value chains. All this stimulates to elaborate on their own technologies, mitigating the extent of regional economic dependence on external factors. Thus, the African region continues to attract investors, and from this position, Russia is not the exception. At the moment, amid sanctions and diversification of export flows, African countries are actual for Russian producers and suppliers from the

© Гришкова А.А., 2023

implementation process. This paper highlights the key positions of Russian non-resource commodities to African countries, defines the major markets of sales and also to analyze the role of Russian export in African countries' technological sovereignty achievement.

Keywords: Africa; technological sovereignty; sanctions; export; investors; renewable energy sources

For citation: Grishkova A.A. Russian non-resource export in technological sovereignty achievement of African countries. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):30-40. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-30-40

ВВЕДЕНИЕ

Современное мировое сообщество переживает сложные трансформационные процессы практически во всех сферах. Пандемия, технологическая революция, изменения на финансовых рынках, активная санкционная политика, геоэкономическая фрагментация создают условия для усиления кризисных явлений, изменений и (в некоторых случаях) распада традиционных мирохозяйственных связей и неопределенности развития мировой экономики. С одной стороны, это способствует возникновению определенных рисков и угроз для развития национальных экономик. С другой стороны, в условиях разворота мировой конъюнктуры перестраиваются бизнес-процессы, формируются новые технологические и коммуникационные связи, что вносит вклад в выстраивание оптимальных потребностям национальных экономик взаимосвязей и повышению их конкурентоспособности.

Усиление геополитической напряженности способствует использованию государствами стратегий, направленных на повышение устойчивости цепочек поставок путем перемещения производства в свою страну или дружественные страны. В докладе МВФ «Перспективы развития мировой экономики» констатируется, что начиная с 2022 г. около 30 стран ограничили торговлю продовольствием, энергоресурсами и другими ключевыми товарами. В текущих условиях достижение технологического суверенитета для многих стран и регионов является особо актуальным. Это обусловлено не только попыткой преодолеть негативные последствия геополитических кризисов, которые оказывают влияние на глобальные цепочки поставок, но также стремлением разработать собственные технологии, снижающие степень зависимости экономик от внешних факторов, и изменить свою роль в глобальных цепочках стоимости [1].

Так, например, на фоне роста цен на энергоресурсы традиционные нетто-импортеры данной продукции — страны Европейского союза (ЕС) — в последние годы активно продвигают идею ускоренного энергетического перехода. Он под-

разумевает бурное развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и последующего постепенного отказа от использования углеродного топлива. К 2030 г. доля ВИЭ в общем энергетическом балансе стран ЕС должна увеличиться до 45%. Такой подход, с одной стороны, позволит странам ЕС снизить зависимость от импортных поставок стран — экспортеров нефти и газа, с которыми уже имеются или могут возникнуть геополитические противоречия, так как часть традиционных источников энергии постепенно будет вытеснена из структуры энергопотребления возобновляемыми, добытыми на основе собственных технологий; с другой — будет способствовать усилению протекционистских мер по отношению к импорту товаров и услуг преимущественно из развивающихся стран за счет использования мер зеленого протекционизма, в частности трансграничного углеродного налога.

Его механизм предполагает покупку европейскими импортерами сертификатов на выбросы углерода. Их стоимость признана нивелировать разницу цен между внутренним и зарубежным производством таким образом, как будто импортируемый товар был произведен в соответствии с европейскими правилами выплаты за выбросы углерода. В перспективе это означает, что те страны-экспортеры, которые производят свою продукцию на основе аналогичных европейским энергетических стандартов (используют ВИЭ или уплачивают сравнимый по стоимости локальный углеродный налог), являются более конкурентоспособными поставщиками. В то же время сами страны ЕС за счет осуществления политики декарбонизации экономики и использования мер зеленого протекционизма создают конкурентные преимущества внутреннему производителю, сохраняя тем самым рабочие места и необходимые для обеспечения устойчивого экономического роста производства.

Таким образом, изменения в структуре энергетического баланса стран ЕС, которые играют одну из ключевых ролей в международной торговле, в будущем повлекут за собой серьезные отра-

слевые и географические сдвиги в двусторонних и многосторонних внешнеторговых и инвестиционных потоках с третьими странами. Данная тенденция демонстрирует влияние технологического фактора на конкурентоспособность стран в международном разделении труда, и вопросы обеспечения их технического суверенитета приобретают еще большую значимость.

Существуют различные подходы и определения технологического суверенитета. Наиболее распространенный из них связан с вопросами достижения технологической независимости в сфере развития критической инфраструктуры, которая включает ИТ-системы транспортных организаций, сферы здравоохранения, связи, энергетики и промышленности [2]. С этой точки зрения можно выделить следующие категории технологического суверенитета¹:

- Наличие уникального ресурса, который является ключевым звеном в технологической цепочке. К примеру, согласно оценкам Международного энергетического агентства [3], в мире наблюдается неравномерное распределение добычи сырья, которое является критически важным для производства зеленых технологий. Так, например, в Африке сосредоточено более 70% добычи кобальта, а на страны АТР приходится более 50% лития и более 60% — никеля. Все эти цветные металлы активно используются в производстве электромобилей, в то время как в самих странах ЕС, которые активно выступают за продвижение зеленых технологий, доля указанных ресурсов составляет не более 0–3% (рис. 1).

- Наличие уникального решения [4]. К примеру, владельцы премиальных автомобилей европейских и американских брендов: BMW, Jaguar (с 2008 г. принадлежит индийской компании Tata Motors), Lexus, Mercedes-Benz и др., производители и поставщики которых ушли с российского рынка, столкнулись с нехваткой запчастей и сложностями в ремонте; в условиях санкций значительную проблему для отечественного рынка техники представляет нехватка аккумуляторов и экранов. В 2023 г. на фоне торговых ограничений российский бизнес начал активно приобретать комплектующие детали в рамках параллельного импорта, в этот список также

вошли литий-ионные батареи, которые являются необходимым элементом для производства электрооборудования.

- Наличие технологий сборки конечного продукта (например, автомобильные бренды, авиостроение); в пределах одной страны происходит полный производственный цикл, что обусловлено имеющимся у нее доступом к открытым патентам сложных технических решений в промышленном производстве (например, к разработке чипов, микросхем и пр.).

- Наличие базовых технологических решений (IKEA — технология разделения труда). Компания IKEA смогла разработать новый способ дизайна и продажи мебели за счет внедрения новой концепции работы — перевода производства в страны, где рабочая сила стоит дешевле; осуществления контроля над всем процессом производства; установления гарантированных отношений с поставщиками; производства стабильных закупок по низкой стоимости. Все эти меры позволили компании IKEA сократить издержки производства.

- Реализация полной технологической цепочки компонентов, которые компании производят в пределах одной страны и имеют на них исключительные права (полная локализация). К примеру, подготовленный Минсельхозом РФ² проект постановления «Об утверждении правил локализации производства семян с/х растений на территории РФ» вызвал неоднозначную оценку со стороны отраслевых союзов. По их мнению, введение большого количества избыточных требований приведет к резкому сокращению количества селекционных организаций и отсутствию конкуренции на рынке, что, в свою очередь, снизит деловую активность в данной отрасли.

Исходя из вышеперечисленного, технологический суверенитет можно определить как «способность государства располагать критически важными технологиями, способствующими достижению благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно их производить или получать от других экономик без односторонней зависимости»³. Кроме того, технологический су-

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-kak-strategiya-buduschego-razvitiya-rossiyskoj-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 24.04.2023).

² URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/40174-otraslevye-soyuzy-v-pisme-vladimiru-putinu-raskritikovali-zakon-o-semenovodstve/> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Технологический суверенитет как стратегия будущего развития РФ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-kak-strategiya-buduschego-razvitiya-rossiyskoj-ekonomiki/viewer>

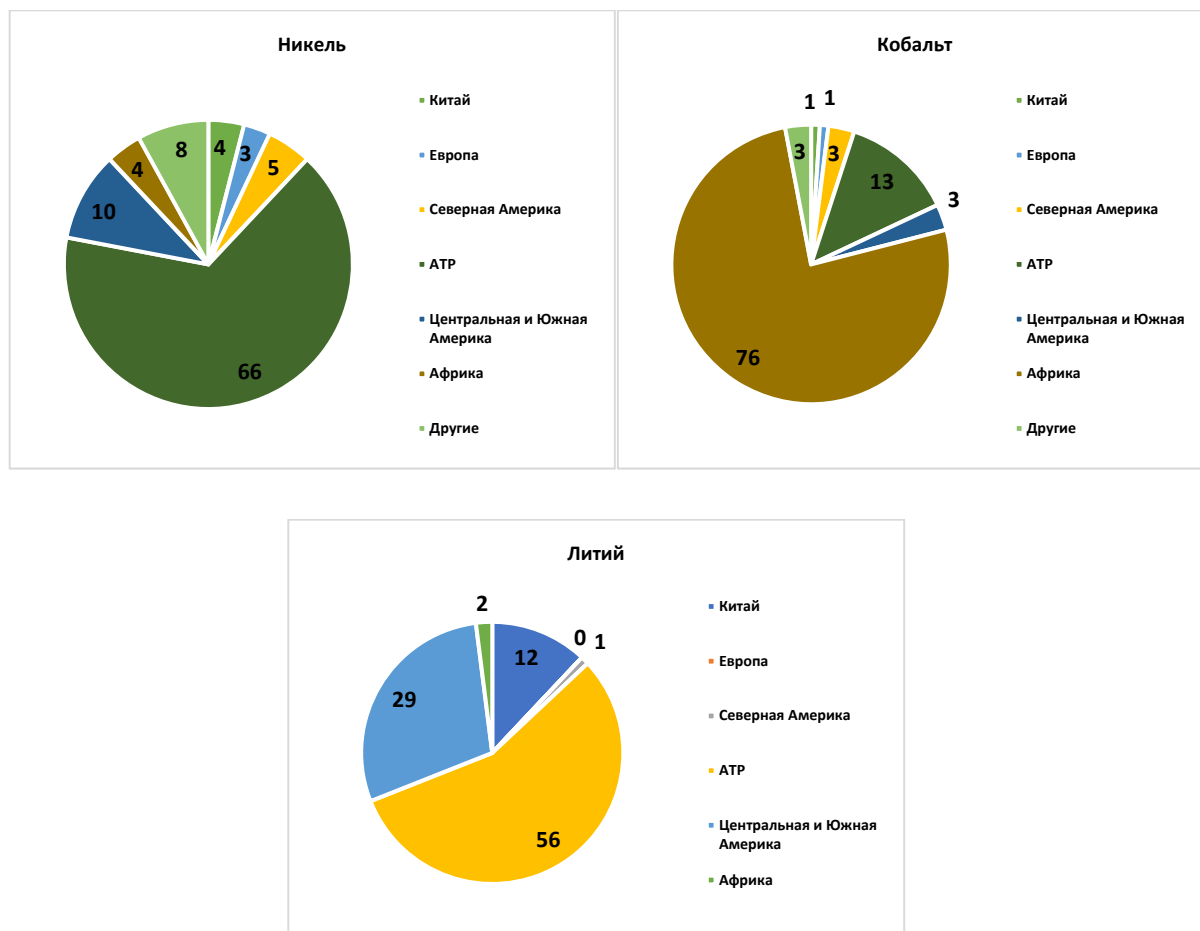

Рис. 1 / Fig. 1. Доля страны/региона в добыче ресурсов в 2021 г., % /
The share of country/region in mining resources in 2021, %

Источник / Source: составлено автором на основе данных IEA / compiled by the author according to IEA. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/a86b480e-2b03-4e25-bae1-da1395e0b620/EnergyTechnologyPerspectives2023.pdf>

веренитет рассматривается как неотъемлемая часть цифровой экономики, являющейся драйвером международной торговли и оптимизации промышленного производства. Согласно докладу ВТО 2018 г. развитие цифровых технологий выступает фактором роста торговли, вклад в темпы которого ежегодно будет составлять примерно 2% до 2030 г., а также фактором увеличения объема торговли услугами в диапазоне 20–25% (вплоть до 2030 г.)⁴. Снижение транзакционных издержек за счет цифровизации дает возможность расширить торговлю различными товарами и услугами, а активное использование электронных платформ позволяет сократить время и стоимость доставки

suverenitet-kak-strategiya-buduschego-razvitiya-rossiyskoj-ekonomiki/viewer (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ WTO//World Trade report 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.PDF (дата обращения: 26.04.2023).

товаров и услуг по всему миру. В условиях развития технологического суверенитета задача по реализации информационных и коммуникационных технологий в различных сферах приобретает особую актуальность для стран-участниц [5]. Африканский континент в этом плане не является исключением.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Совокупный объем ВВП африканских стран еще далек от показателей развитых государств. В то же время континент обладает достаточно серьезным потенциалом с точки зрения не только ресурсных возможностей, но и высоких темпов экономического роста. В 2018 г. лидерами по темпам роста ВВП стали Эфиопия и Кот-д'Ивуар (+7%), Руанда (+9%), Ганы (+6%). Согласно данным Всемирного банка, крупнейшими регио-

нами по объему реального ВВП в 2018 г. были Северная Африка (32% от общего реального ВВП Африки) и Западная Африка (27% от общего ВВП континента). Хотя у большинства африканских стран сохраняется зависимость от добычи сырья и его экспорта, важной задачей для институтов развития остается увеличение доли промышленной продукции в ВВП, а также увеличение темпов индустриализации. А это, в свою очередь, возможно за счет совершенствования технологической базы, транспортно-логистических цепочек, финансовых механизмов и выстраивания соответствующей системы образования для подготовки промышленных кадров.

Африканские государства продолжают увеличивать свою привлекательность для торговли и инвестиций, а также становятся все более активными участниками международной торговли [6]. Достаточно динамично иностранные инвестиции направляются в сектор услуг, который включает розничную торговлю, финансы, медиатехнологии и бизнес-услуги. Согласно отчету ряда консалтинговых компаний, ключевыми инвесторами для технологических проектов в странах Африки являются США (более 400 проектов) и европейские страны, среди которых в первую очередь можно выделить Францию (более 300 проектов) и Великобританию.

Лидером по общему объему иностранных инвестиций в африканские государства выступает Китай. В период 2014–2018 гг. объем его инвестиций в данный регион превысил 70 млрд долл. США. В 2018 г. крупнейшими реципиентами по объему привлеченных инвестиций в Африке были Египет (12 млрд долл. США), Алжир (9 млрд долл. США) и Нигерия (8 млрд долл. США).

По данным торговой ассоциации GSMA⁵, в июне 2019 г. в Африке работало более 600 технологических хабов, большинство из которых расположены в Нигерии, Кении, ЮАР и Египте. Данные центры — база для разработки и внедрения инновационных решений, запуска стартапов, наращивания предпринимательских возможностей местных жителей.

На территории африканских стран расположены около 30% всех мировых запасов полезных ископаемых; наблюдается быстрый рост экспорта углеводородов из Восточной Африки⁶. При этом

нефтеперерабатывающие заводы есть только в 30 государствах, основная часть которых находится в северной части континента. По прогнозам, к 2040 г. Африка южнее Сахары может стать крупным поставщиком газа, около половины которого будет экспортироваться в виде СПГ. Африка обладает значительным потенциалом в области ВИЭ. Гидроэнергетические возможности, по оценкам, составляют 13% от мирового объема. Кроме того, континент считается наиболее перспективным в плане развития солнечной энергетики благодаря соответствующим географическим условиям. Потенциал ветровой энергии в Африке составляет 150 тыс. ТВт/ч. [7, 8]. Кроме того, Северная Африка является одним из новых векторов взаимодействия с ЕС в сфере ВИЭ. В рамках конференции ООН по климату COP27 Европейский союз и Египет подписали стратегический документ⁷ о партнерстве в данной сфере (Меморандум, направленный на создание условий для развития зеленой водородной энергетики и платформы в целях реализации «Средиземноморского партнерства по зеленому водороду».) Кроме того, для стран ЕС особый интерес представляет сотрудничество с Центральноафриканской Республикой, где в качестве основной задачи обозначено достижение безопасности и развития. Так, ЕС намерен активизировать помощь властям ЦАР в данной области, в том числе посредством расширения миссии фонда «Bekou Trust Fund», созданного в 2014 г. для стабилизации ситуации в данном регионе [9].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СТРАНАХ АФРИКИ

В марте 2019 г. в Руанде было подписано Соглашение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли с целью активизации внутренней торговли, диверсификации ресурсов в регионе, а также развития региональных производственно-сбытовых цепочек.

Несмотря на то что глобально страны Африки отстают с точки зрения технических возможностей, в последние годы можно наблюдать положительные тенденции в развитии стартапов и инновационных электронных платформ (табл. 1).

Несмотря на высокие экономические темпы, впечатляющие объемы природных ресурсов

⁵ URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Africa-Report53-Ru.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁶ Там же.

⁷ COP27: EU and Egypt step up cooperation on the clean energy transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6925

Таблица 1 / Table 1

Примеры африканских стартапов / The examples of African start-ups

Название	Характеристика
Agrix Technology (Камерун)	Платформа, основанная в 2018 г., призвана помочь африканским фермерам бороться с вредителями и болезнями растений. Не требует работы интернета, поэтому доступна в отдаленных районах
AgroCenta (Гана)	Онлайн-платформа, основанная в 2015 г., позволяет фермерам получить доступ к широкому онлайн-рынку
Releaf (Нигерия)	Направлена на увеличение объемов продаж с/х товарами за счет отлаженной схемы поставок сырья, необходимого для с/х предприятий
WaystoCap (Марокко)	Торговая платформа, позволяющая африканским компаниям покупать и продавать продукты, управлять их поставками, обеспечивать безопасность платежей
Sokowatch (Кения)	Увеличивает доступность повседневных потребительских компаний, позволяет небольшим компаниям размещать заказы от разных международных поставщиков в любое время с помощью sms-сообщений
Тупука (Ангола)	Сервис доставки еды, позволяет пользователям заказывать ее из нескольких ресторанов с телефона

Источник / Source: составлено автором по данным Cloud4Y / compiled by the author according to Cloud4Y. URL: <https://habr.com/ru/companies/cloud4y/articles/467703/>

и технические инициативы, существует целый ряд сдерживающих факторов, препятствующих достижению технологического суверенитета африканских стран. Среди них — недостатки инфраструктуры, логистики, отсутствие доступа к электроснабжению, политическая нестабильность ряда государств. Кроме того, низкий уровень занятости в критически важных сферах и отсутствие квалифицированных кадров выступают препятствием для дальнейшего технологического развития.

ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОГО НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА В АФРИКАНСКИЕ СТРАНЫ

Согласно классификации экспортных товаров, разработанной Российским экспортным центром (РЭЦ), выделяют следующие категории сырьевой и несырьевой продукции (табл. 2).

По оценкам экспертов, в 2020 г. доля несырьевых товаров в структуре экспорта РФ в страны Африки превысила 80% и составила почти 10 млрд долл. США. Среди африканских регионов, куда активно экспортируются российские товары, лидирует Северная Африка. На нее приходится около 80% всего российского экспорта в африканские страны. Далее следуют Западная и Восточная Аф-

рика. Южная Африка представляет наименьший интерес в плане реализации российских поставок, что обусловлено транспортными и логистическими сложностями (2% всего экспорта).

В настоящий момент на фоне санкций и диверсификации экспортных направлений рынок африканских стран очень важен для российских поставщиков с точки зрения реализации внешнеэкономических проектов, а также поставок несырьевой продукции, пользующейся большим спросом у зарубежных партнеров. В последние годы российский экспорт в данном направлении демонстрирует устойчивую тенденцию роста. На данном этапе основная часть российского экспорта приходится на зерновые товары.

Мощный стимул для развития российско-африканских отношений, в том числе в экономической сфере, был дан в рамках саммита РФ-Африка в 2019 г., по итогам которого был подписан ряд документов стратегического характера. По данным ITC Trade map, если в 2019 г. российский экспорт зерновых составил 2,6 млрд долл. США, то в 2021 г. этот показатель достиг 3,5 млрд долл. США. Также рост был отмечен в поставках электрических устройств (ТН 85), масел и жиров (ТН ВЖД 15), черных металлов (ТН ВЭД 72) (рис. 2).

Таблица 2 / Table 2

Классификация экспортных товаров, разработанная РЭЦ / The export commodities' classification, elaborated by the Russian Export Center

Экспорт	
Сырьевые товары	Несырьевые неэнергетические товары
Материалы, имеющиеся в природной среде и извлекаемые из нее: минеральное топливо, руды, древесина и другие полезные ископаемые.	Нижние переделы: товары, характеризующиеся невысокой степенью переработки – первичная продукция растениеводства (зерно, овощи, фрукты и др.), органические и неорганические химикаты, удобрения, драгоценные металлы, пиломатериалы
Массовые отходы: лом черных и цветных материалов, макулатура и др.	Средние переделы: промежуточные продукты, полученные в результате глубокой переработки (мясо, целлюлоза, стальной прокат) Готовые продукты невысокой сложности: мука, крупы, сахар
	Верхние переделы: продукты глубокой переработки (машины, лекарства, консервы), а также высокотехнологичные материалы
Несырьевые энергетические товары: переработанное топливо, электроэнергия (обособленная группа)	

Источник / Source: составлено автором на основе данных РЭЦ. URL: <https://www.exportcenter.ru> / compiled by the author according to the Russian Export Center. URL: <https://www.exportcenter.ru>.

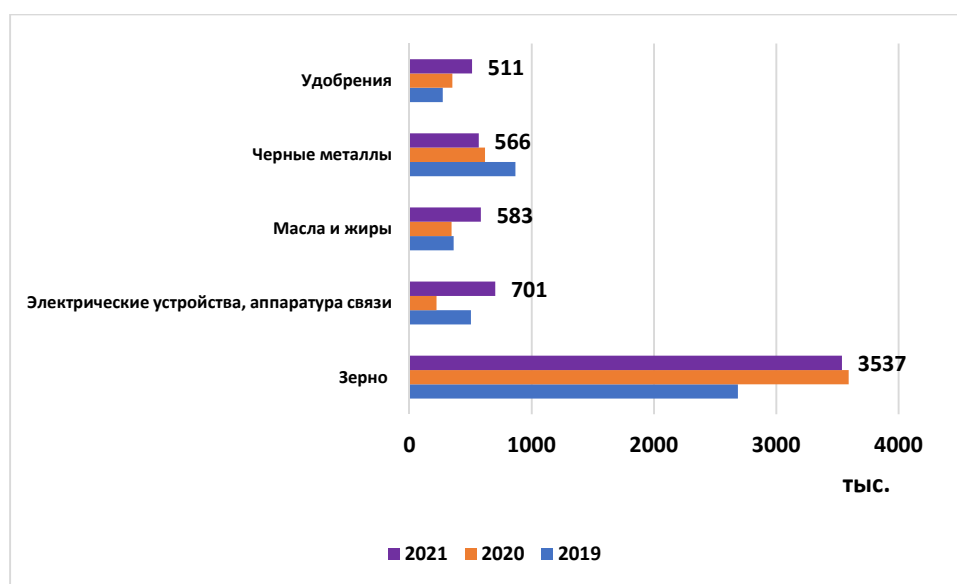

Рис. 2 / Fig. 2. Объемы российского экспорта нессырьевых товаров в Африку, млн долл. США / The volume of Russian non-resources commodities to Africa, mln USD

Источник / Source: составлено на основе данных ITC map / compiled by the author according to ITC map. URL: <https://www.trademap.org>

Среди основных импортеров российских товаров в 2021 г. — Египет (4 млрд долл. США), Алжир (3 млрд долл. США) и Сенегал (1,2 млрд долл. США) (рис. 3).

Египет — один из активных импортеров российской продукции (рис. 4). Согласно данным ITC trade map, в 2021 г. наиболее востребован-

ной российской нессырьевой продукцией в Египте были зерно (ТН ВЭД 10) (1 млрд долл. США), железнодорожная техника (ТН ВЭД 86) (257 млн долл. США), а также минеральные удобрения (ТН ВЭД 27) (116 млн долл. США). Положительная динамика в торговле, сопровождающаяся ростом объемов экспорта, свидетельствует о том, что РФ представ-

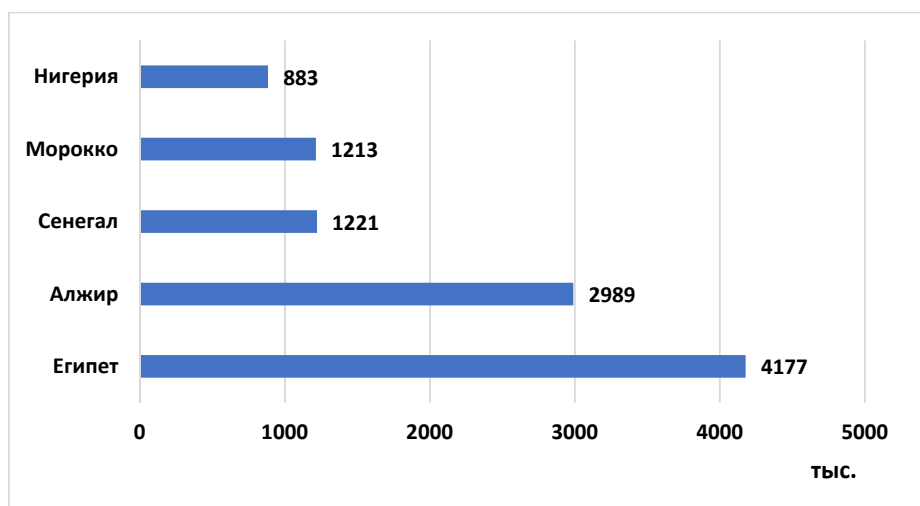

Рис. 3 / Fig. 3. Рынки сбыта российского экспорта несырьевых товаров в Африке, млн долл. США / Markets for Russian exports of non-resources commodities in Africa, mln USD

Источник / Source: составлено на основе данных ITC map. URL: <https://www.trademap.org> / compiled by the author according to ITC map. URL: <https://www.trademap.org>

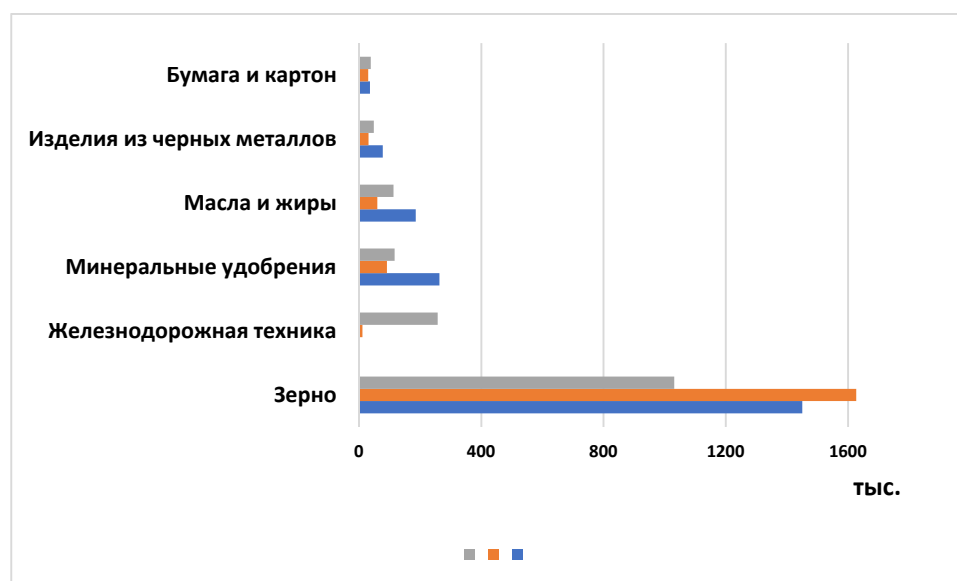

Рис. 4 / Fig. 4. Объемы российского экспорта в Египет, 2019–2021 гг., млн долл. США / The volume of Russian export to Egypt, 2019–2021, mln USD

Источник / Source: составлено на основе данных ITC map. URL: <https://www.trademap.org> / compiled by the author according to ITC map. URL: <https://www.trademap.org>

ляет особый интерес для Египта в целях обеспечения растущих потребностей страны в импорте критически важных товаров.

В контексте проблемы обеспечения продовольственной безопасности экспорт российских удобрений и зерновых культур в Африку носит стратегический характер. А в плане развития региона в целом большим потенциалом для расширения российских инвестиций в Африке обладают

логистические, инфраструктурные, а также энергетические проекты.

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В современных условиях африканский рынок для России представляет особый интерес с точки зрения налаживания прямых экспортных поставок различного рода продукции, экспорта услуг и ин-

вестиционного сотрудничества в рамках строительства крупных инфраструктурных объектов, что активно поддерживается местными властями через предоставления различного рода преференций.

Деятельность российских компаний в сырьевом секторе Африки осуществляется по нескольким направлениям, условно их можно классифицировать на несколько групп [10]:

- находящиеся в стадии строительства промышленные объекты с использованием российских технологий (Центр ядерной науки и технологий в Замбии, завод «Аммиак-карбамид» в Анголе, «Российская промышленная зона» в Египте);

- поставки несырьевой российской промышленной продукции (самосвалы «КамАЗ» и ж/д оборудование «Трансмашхолдинга» — в ЮАР, специальные железнодорожные вагоны от Объединенной вагоностроительной компании — в Гвинею);

- научные и инжиниринговые услуги (аудит, разработки технических проектов, регламентов, экспертизы; Научно-производственное объединение по исследованию и проектированию энергетического оборудования им. Ползунова совместно с ПАО «Силовые машины» принимает участие в работах по гидравлическим испытаниям оборудования блока ТЭС «Жижель» в Алжире) и др.

К ключевым рискам в реализации экономического потенциала африканских стран относятся отсутствие адекватной транспортно-логистической инфраструктуры и небезопасная террористическая обстановка. Сдерживающими факторами российско-африканского сотрудничества выступают проблемы с оплатой и страхованием перевозок (в том числе ввиду ухода из России международных страховых компаний), дисбаланс товарной структуры экспорта и импорта, плохое понимание российским и африканским сообществами менталитета друг друга.

Участие России в обеспечении технологического суверенитета африканских стран, безусловно, должно основываться на сотрудничестве. В качестве общей приоритетной цели, актуальной для обеих сторон, выступает ускоренное технологическое развитие: проведение научных исследований, разработка и внедрение технологий, производство высокотехнологичной продукции.

Роль России в обеспечении технического суверенитета африканских стран может основываться

на двух ключевых подходах: содействии непосредственно в строительстве инфраструктурных объектов и в создании системы подготовки необходимых промышленных и научных кадров. На разных этапах реализации этих направлений участие России может носить диверсифицированный характер: обмен опытом и информацией, поставки готовой продукции, командирование профессионалов, обучение иностранных специалистов в России, локализация производства и технических решений в специальных промышленных зонах, финансирование проектов в зонах свободной торговли и пр.

Так, например, интерес представляет деятельность российских компаний и государственных структур в проектах, направленных на развитие современной базовой промышленной инфраструктуры (особенно в транспортном и энергетических секторах) в африканском регионе, которые предполагают строительство необходимых для этих целей объектов, поставок соответствующего оборудования, товаров и технологий. В качестве ключевых направлений здесь можно выделить опыт России в достижении углеродной нейтральности, который выражается в разработке современных решений в области энергоэффективности, малой атомной и водородной энергетики, производства ВИЭ и комплектующих для них (особенно в сфере солнечной и ветровой генерации).

Также следует отметить достижения России в том, что касается создания транспортной инфраструктуры. Речь идет как о реализации технологий по строительству различных видов транспортных сетей, так и о транспортном машиностроении. Например, в 2018 г. РЖД и Африканский экспортно-импортный банк подписали меморандум о взаимопонимании; в настоящий момент РЖД прорабатывает возможности сотрудничества с компаниями из Анголы, Ганы, Египта и ЮАР для строительства трансафриканской дороги с севера на юг континента⁸. Достигнуты договоренности между Египтом и РЖД о создании совместного предприятия по производству грузовых вагонов и комплектующих частей.

Перспективным направлением российско-африканского сотрудничества в целях достижения технологического суверенитета является опыт

⁸ РЖД. Россия позвала в Африку. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1444449&archive=2018.11.29> (дата обращения: 30.04.2023).

России в выстраивании образовательной системы и подготовки инженерных кадров, а также деятельность компаний и государственных структур касательно цифровизации экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(9):2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
2. Курочкин Д. В., Ельшин Л. А. Сущность категории «технологический суверенитет региона» в современных экономических реалиях. *Глобальный научный потенциал*. 2023;(9):173–175.
3. Antes M., Ausfelder F., Aylott M. et al. Energy technology perspectives 2023. Paris: International Energy Agency (IEA); 2023. 459 p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/d1ec36e9-fb41-466b-b265-45b0e7a4af36/EnergyTechnologyPerspectives2023.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).
4. Приходько И. И. Система индикаторов технологического суверенитета государства. *Проблемы современной экономики*. 2023;(2):32–35.
5. Шинкевич А. И., Идрисов А. Э. Основные вызовы и проблемы цифровой трансформации в условиях укрепления технологического суверенитета. *E-Management*. 2023;6(3):51–58. DOI: 10.26425/2658-3445-2023-6-3-51-58
6. Саламатов В. Ю., Губенко Р. М., Воробьев М. А. и др. Россия — Африка: долгосрочное торгово-экономическое партнерство. М.: Росконгресс; 2019. 33 с. URL: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/7c1/russia_africa_final_report.pdf (дата обращения: 27.04.2023).
7. Подобедова Л. Россия и Африка: новый этап большой энергетики. *Энергетическая политика*. 2023;(4):34–41. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_4182_34
8. Эндрю Амади: Огромный потенциал Африки не в экспорте, а в переработке нефти. Нефть и капитал. 25.01.2022. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-01-25/endryu-amadi-ogromnyu-potentsial-afriki-ne-v-eksporte-a-v-pererabotke-nefti-1033578> (дата обращения: 30.04.2023).
9. Кулькова О. С. ЕС: расширение гуманитарных инициатив в Африке, укрепление сотрудничества со странами Северной Африки. *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2019;(97):106–109.
10. Тесленко В. Новаторские подходы российского бизнеса в Африке, ключевые проекты и советы новым игрокам. *Коммерсантъ наука*. 25.05.2021. URL: <https://africa-rus.com/novosti-rossiya-afrika/novatorskie-podhody-rossijskogo-biznesa-v-afrike-klyuchevye-proekty-i-sovety-novym-igrokam> (дата обращения: 30.04.2023).

REFERENCES

1. Afanasev A.A Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(9):2377–2394. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
2. Kurochkin D. V., Yelshin L. A. The essence of the category “technological sovereignty of the region” in modern economic realities. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*. 2023;(9):173–175. (In Russ.).
3. Antes M., Ausfelder F., Aylott M. et al. Energy technology perspectives 2023. Paris: International Energy Agency (IEA); 2023. 459 p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/d1ec36e9-fb41-466b-b265-45b0e7a4af36/EnergyTechnologyPerspectives2023.pdf> (accessed on 25.04.2023).
4. Prihod'ko I. I. The system of indices of the state technological sovereignty. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2023;(2):32–35. (In Russ.).
5. Shinkevich A. I., Idrisov A. E. Main challenges and problems of digital transformation in conditions of technological sovereignty strengthening. *E-Management*. 2023;6(3):51–58. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-3445-2023-6-3-51-58
6. Salamatov V. Yu., Gubenko R. M., Vorob'ev M. A. et al. Russia — Africa: Long-term trade and economic partnership. Moscow: Roscongress; 2019. 33 p. URL: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/7c1/russia_africa_final_report.pdf (accessed on 27.04.2023). (In Russ.).
7. Podobedova L. Russia and Africa: A new stage of big energy. *Energeticheskaya politika = Energy Policy*. 2023;(4):34–41. (In Russ.). DOI: 10.46920/2409-5516_2023_4182_34

8. Andrew Amadi: Africa's huge potential is not in exports, but in oil refining. Neft' i kapital. Jan. 25, 2022. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-01-25/endryu-amadi-ogromnyy-potentsial-afriki-ne-v-eksporte-a-v-pererabotke-nefti-1033578> (accessed on 30.04.2023). (In Russ.).
9. Kul'kova O.S. EU: Expanding humanitarian initiatives in Africa, strengthening cooperation with North African countries. *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii = The European Union: Facts and Comments*. 2019;(97):106–109. (In Russ.).
10. Teslenko V. Innovative approaches of Russian business in Africa, key projects and advice to new players. *Kommersant nauka*. May 25, 2021. URL: <https://africa-rus.com/novosti-rossiya-afrika/novatorskie-podxody-rossijskogo-biznesa-v-afrike-klyuchevye-proekty-i-sovety-novym-igrokam> (accessed on 30.04.2023). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алла Андреевна Гришкова — кандидат экономических наук, независимый эксперт, Москва, Россия

Alla A. Grishkova — Cand. Sci. (Econ.), Independent Expert, Moscow, Russia

[http:// orcid.org/0009-0007-9830-6786](http://orcid.org/0009-0007-9830-6786)

aa.grishkova@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.06.2023; после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 20.08.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.06.2023; revised on 15.07.2023 and accepted for publication on 20.08.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-41-52
УДК 334.024(045)
JEL M14

Влияние интегрированных деловых коммуникаций на успешность предприятий и организаций

А.В. Лопухин^а, Е.А. Плаксенков^б

^а Независимый исследователь, Москва, Россия;

^б Московская школа управления СКОЛКОВО, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе оценивается влияние деловых коммуникаций на эффективность деятельности компаний и организаций; кратко изложена история формирования понятийного аппарата в процессе интеграции интегрированных коммуникаций. Рассмотрена их роль в корпоративном управлении, а также в реализации ESG-повестки в России. **Актуальность** исследования предопределяется ускоренными изменениями концепций интеграции коммуникаций, постоянным обновлением форм, методов, инструментов и технологий, а также неоднозначностью трактовок и недостаточной разработанностью методологических подходов, что требует нового понимания их содержания и возможностей внедрения. В статье проанализированы сходство и различия интегрированных маркетинговых коммуникаций и интегрированных коммуникаций, показаны неопределенность в употреблении этих понятий, а также отличительные особенности последних, которые взаимодействуют со всеми группами стейкхолдеров. **Предметом исследования** выступает система отношений в процессе взаимодействия компаний и организаций со всеми группами стейкхолдеров. **Цель** статьи состоит в том, чтобы показать преимущества и возможности практического применения интегрированных коммуникаций, а также новые подходы к управленческому стратегированию. В работе использованы такие **методы** исследования, как контент-анализ научной периодики, сравнительный анализ смысловых конструкций терминов, изучение практического опыта управления коммуникациями компаний и организаций, критериев и показателей оценки их качества. Показаны текущие тренды развития интегрированных коммуникаций и их растущее влияние на результаты деятельности компаний и организаций. **Научная новизна** публикации обоснована авторской трактовкой процесса интеграции коммуникаций. Проведенный анализ показал, что в методах составления ESG-рейтингов набор критериев оценки качества блока «G» ограничен показателями кодексов корпоративного управления. Поэтому авторы предлагают расширить этот набор, используя метрики оценки эффективности управления интегрированными коммуникациями, взятые из систем «корпоративный менеджмент» и «коммуникационный менеджмент». **Практическое значение** работы состоит в возможности привлечь внимание стейкхолдеров к проблеме интегрированных коммуникаций и расширить горизонт их восприятия в теории и на практике. **Дальнейшие направления исследований** могут быть связаны с рассмотрением особенностей российских практик коммуникаций в деловой среде. Эффективные интегрированные коммуникации способны исполнить ключевую роль в развитии устойчивого корпоративного управления в России.

Ключевые слова: интегрированные коммуникации; интегрированные маркетинговые коммуникации; стейкхолдеры; стейкхолдерский подход к коммуникации; устойчивое развитие; устойчивое корпоративное управление; KCO; ESG-политика

Для цитирования: Лопухин А. В., Плаксенков Е. А. Влияние интегрированных деловых коммуникаций на успешность предприятий и организаций. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):41-52. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-41-52

ORIGINAL PAPER

The impact of Integrated Business Communications on the Success of Enterprises and Organizations

A.V. Lopukhin^a, E.A. Plaksenkov^b^a Independent researcher, Moscow, Russia;^b Moscow School of Management SKOLKOVO, Moscow, Russia**ABSTRACT**

This paper evaluates the impact of business communications on the performance of companies and organizations and briefly outlines the history of the formation of the conceptual apparatus in the process of integrating integrated communications. Their role in corporate governance, as well as in the implementation of the ESG agenda in Russia, is considered. **The relevance** of the study is determined by the accelerated changes in the concepts of communication integration, the constant updating of forms, methods, tools and technologies, as well as the ambiguity of interpretations and the insufficient development of methodological approaches, which requires a new understanding of their content and implementation possibilities. The similarities and differences between integrated marketing communications and integrated communications are analyzed, the uncertainty in the use of these concepts is shown, as well as the distinctive features of the latter, which interact with all groups of stakeholders. **The subject** of the study is the system of relations in the process of interaction of companies and organizations with all groups of stakeholders. **The purpose** of the article is to show the advantages and possibilities of practical application of integrated communications, as well as new approaches to management strategizing. The article uses such research methods as content analysis of scientific periodicals, comparative analysis of semantic constructions of terms, study of practical experience in managing communications of companies and organizations, criteria and indicators for assessing their quality. The current trends in the development of integrated communications and their growing influence on the performance of companies and organizations are shown. **The scientific novelty** of the publication is justified by the author's interpretation of the process of communication integration. The analysis showed that in the methods for compiling ESG ratings, the set of criteria for assessing the quality of block "G" is limited to the indicators of corporate governance codes. Therefore, the authors propose to expand this set using metrics for assessing the effectiveness of integrated communications management taken from the "corporate management" and "communications management" systems. The practical significance of the work is the opportunity to attract the attention of stakeholders to the problem of integrated communications and expand the horizon of their perception in theory and practice. **Further directions of research** may be related to the consideration of the characteristics of Russian communications practices in the business environment. Effective integrated communications can play a key role in the development of sustainable corporate governance in Russia.

Keywords: integrated communications; integrated marketing communications; stakeholders; stakeholder approach to communication; sustainable development; sustainable corporate governance; CSR; ESG policy

For citation: Lopukhin A.V., Plaksenkov E.A. The impact of integrated business communications on the success of enterprises and organizations. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):41-52. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-41-52

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время во всех сферах деловой жизни происходят значительные изменения. В первую очередь это связано с появлением новых технологий. В практике управления передовых компаний главенствующим стратегическим ресурсом развития стали коммуникации между людьми, а информация и знания — основными факторами, влияющими на эффективность предприятий и бизнес-проектов.

Авторы этой статьи, имеющие опыт делового общения с акционерами, членами советов директоров, менеджерами среднего и высшего уровня, отмечают, что многие успешные руководители ком-

паний рассматривают коммуникации, которые стали играть ведущую роль в процессе управленческой деятельности, как важнейшую составляющую своего капитала.

Термин «коммуникация» происходит от латинского слова «communicatio» (делать общим, связывать, общаться). В XIX в. коммуникациями называли средства связи и пути сообщения: дороги, телефон и т.д. В прошлом веке они в большей степени изучались как межличностный процесс, а затем — как процесс социального общения, в том числе делового [1, с. 261].

Дать точное и всеобъемлющее определение понятию «коммуникация» на фоне множества существ-

вующих вариантов практически невозможно — оно уже давно стало объектом исследования целого ряда наук: философии, социологии, экономики, кибернетики, лингвистики, психологии, политологии, культурологии и других гуманитарных, естественных и технических дисциплин.

Приведем лишь одно из множества определений: «коммуникация как процесс представляет собой обмен смысловой информацией между людьми, при котором сообщение или сигнал в виде скомпонованных определенным образом знаков или символов передается целенаправленно, принимается в соответствии с определенными правилами, независимо от того, приводит ли этот процесс к ожидаемому результату» [2].

В научной литературе есть **разные точки зрения** по поводу соотношения понятий «коммуникация» и «общение» — от абсолютного отождествления до полного противопоставления. Полагаем, можно согласиться с тем, что общение — одна из форм коммуникационной деятельности, помимо управления и подражания¹.

Во второй половине XX в. стало мейнстримом рассматривать все или почти все происходящее в обществе и экономике как коммуникации. Появилась «самостоятельная наука о коммуникации — коммуникативистика» [3].

Например, некоторые зарубежные авторы полагают, что это «средство, с помощью которого организации создаются, составляются, проектируются и поддерживаются» [4].

Таким образом, компании и организации возникают благодаря коммуникациям в результате общения и выступают их субъектами. Разумеется, это авторское преувеличение, но с большой долей истины.

Американские экономисты и теоретики менеджмента М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури провели опрос, который показал, что «73% американских, 63% английских и 85% японских руководителей считают коммуникации главным препятствием на пути достижения эффективности их организациями. Согласно еще одному опросу примерно 250 тыс. работников 2 тыс. самых разных компаний, обмен информацией представляет одну из самых сложных проблем в организациях. Эти опросы показывают, что неэффективные коммуникации — одна из главных сфер возникновения проблем» [5].

В исследовании крупнейшей в мире некоммерческой профессиональной членской ассоциации в сфере управления проектами «Институт управления проектами» (Project Management Institute, PMI) подчеркивается: «В контексте управления организационными проектами и программами коммуникация является основной компетенцией, которая при правильном выполнении связывает каждого члена проектной команды с общим набором стратегий, целей и действий. Если эти компоненты не будут эффективно распределены между руководителями проектов и поняты заинтересованными сторонами, результаты проекта будут поставлены под угрозу, а бюджеты подвергнутся ненужному риску...

Исследование «Пульс профессии» в области коммуникаций PMI показало, что эффективные коммуникации ведут к более успешным проектам, позволяя организациям добиваться высоких результатов: они завершают в среднем 80% проектов вовремя, в рамках бюджета, и достигают первоначальные цели. Эти организации рискуют в 14 раз меньшим количеством долларов, нежели их менее эффективные коллеги...

Исследование PMI «Пульс профессии». «Основная роль коммуникаций» проведено в марте 2013 г. среди 742 практиков управления проектами с трехлетним и более опытом управления проектами, которые в настоящее время работают в области управления проектами полный рабочий день, а также среди 148 исполнительных спонсоров (старших руководителей — собственников проектов. — *Прим. авторов*) и 203 владельцев бизнеса, которые участвовали в крупных капитальных проектах с общим бюджетом 250 тыс. долл. США или более за последние три года и работают в организациях с минимум 1000 сотрудников по всему миру»².

Происходящие в последние годы стремительные перемены влияют на все стороны жизни. Например, на фоне новой непонятности и непредсказуемости многих событий в работе корпоративных систем коммуникаций и их руководителей резко возрастает востребованность такого качества, как гибкость. В данном случае она проявляется в способности быстро менять стратегию и структуру взаимосвязей, а также способы воздействия на целевые аудитории, чтобы своевременно адаптироваться к непредвиденным ситуациям и оперативно разрешать разного рода конфликты.

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovye-izmereniya-ponyatiy-obschenie-i-kommunikatsiya>

² URL: <https://www.pmi.org/learning/library/en-2013-pulse-high-cost-low-performance-13512>

Прежде всего, внешняя среда меняется под влиянием новых технологий. По словам известного мыслителя и писателя Джона Кина, мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия [6].

При резком увеличении объемов часто навязанной нам информации и скорости ее распространения возникает угроза коммуникационного хаоса, когда окружающее пространство переполнено лживыми, отвлекающими, недостоверными, надоедливими, раздражающими и ничемными сообщениями.

Одновременно усиливается неопределенность восприятия смыслов и ценностей, создается ложный образ реальности. Всемирно известный английский социолог Энтони Гидденс характеризует подобное состояние как «ускользающий мир» (run away world) [7].

Разумная и оптимальная организация обмена информацией, ее производства и потребления становится весьма острой проблемой для руководителей многих предприятий и организаций. Частично на этот мощный вызов отвечает реализация идеи интеграции коммуникаций.

Успешные деловые коммуникации способствуют наращиванию нематериальных активов, укреплению гудвилла, повышению результатов интеллектуальной деятельности, развитию деловых связей и т.д.

Многозадачность и мультидисциплинарность системы современных коммуникаций объясняют отсутствие общепринятых подходов, концепций, определений и ясности понимания функций и ресурсов составляющих элементов этого разнонаправленного процесса.

Авторы рассматривают деловые коммуникации как важный элемент ESG-политики компаний и организаций, связанной с реализацией ряда целей устойчивого развития (ЦУР), одобренных Генеральной Ассамблеей ООН.

В данной работе речь идет лишь о тенденциях происходящих в этой сфере изменений, успешных и ошибочных практиках коммуникаций, что влияет на эффективность управления организации и ее перспективы.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙНОГО РАЗНООБРАЗИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ КОММУНИКАЦИЙ

Развитие интегрированных коммуникаций в управлении компаниями в основном связано с эволюцией маркетинга.

Сама идея интеграции отнюдь не нова: более 100 лет назад известный в США экономист Льюис Хейни опубликовал статью на тему «интеграция в маркетинге», но широкого отклика она тогда не получила [8, с. 528].

Потребность в разработке различных концепций развития бизнеса, в том числе маркетинговых, заметно возросла в США и позднее в Западной Европе после Второй мировой войны, когда начался бум потребления. Маркетинг в то время ограничивался в основном рекламой в медиа.

Термин «медиа» авторы статьи понимают как совокупность различных информационных каналов и форматов контента (текст, музыка, видео, изображения и т.д.), необходимых для коммуникации с целевыми аудиториями (ЦА).

По мере внедрения новых технологий, усиления конкуренции и в результате изменений потребностей, мотивов, ценностных ориентаций и поведения потребителей вновь проявился интерес к интегрированному подходу в маркетинговых коммуникациях.

Одним из важных шагов в этом направлении считается создание в 1953 г. компании Burson-Marsteller в результате объединения чикагского рекламного агентства Marsteller с нью-йоркским агентством Burson по связям с общественностью (от англ. Public Relations, PR — паблик рилейшнз) [9, с. 473].

Тогда же появились термины «тотальный маркетинг» и «тотальные коммуникации», но в 60–70-е гг. XX в. они не получили широкого распространения.

В то же время процесс интеграции в маркетинге продолжался в виде попыток координации деятельности, ограниченной медийной активностью, которая становилась все более затратной и менее эффективной. В конце 80-х гг. прошлого века завершился этап революционного перехода к интегрированным маркетинговым коммуникациям (ИМК).

Эволюция интеграции шла в двух направлениях: как организационное объединение функций [прямой маркетинг, реклама, связи с общественностью (СО), продвижение, а также репутационные, имиджевые, брендинговые и кризисные коммуникации с важными ЦА и т.д.] и как усиление процесса координации медийных инструментов и маркетинговых технологий.

В данном случае интеграция не сводится к простому сложению действующих видов коммуникаций с их плюсами и минусами, поскольку подразумевает создание цельной структуры взаимодействия, синхронизации и координации.

ИМК по-прежнему активно обсуждаются в научной и прикладной литературе и достаточно широко применяются в практической деятельности компаний и организаций. Этот термин продолжает эволюционировать, хотя определенность и ясность в его понимании пока не достигнуты.

В середине 90-х гг. прошлого века произошел значительный рывок, связанный с появлением термина «интегрированные коммуникации» (ИК), которые, наконец, в гораздо большей степени, по сравнению с ИМК, вышли за рамки маркетинга.

Интеграция коммуникаций начиналась с медиа и затем перешла к организационному объединению и координации самого процесса с акцентом на комплексный подход и растущую зависимость от заинтересованных сторон и восприятия целевыми аудиториями.

ИМК и ИК объединяет то, что они рассматривают интеграцию коммуникаций как результат восприятия сообщений их реципиентами (reception approach). Из этого следует вывод о том, что интеграцией коммуникаций управляет не компания или организация, а реципиенты (целевые аудитории), поскольку от последних зависит восприятие содержания сообщений: насколько одинаково они понимают их смысл [10, с. 190].

Одно из главных различий ИМК и ИК состоит в том, что фокус коммуникаций первых направлен на потребителей и партнеров, тогда как вторые взаимодействуют со всеми группами заинтересованных сторон (стейкхолдеров), интересы которых в той или иной степени затрагиваются или могут быть затронуты деятельностью компаний и организаций.

Если ИМК нацелены в основном на внешние коммуникации, то ИК применяются и в работе внутри компаний и организаций.

Упомянутое выше исследование PMI показало, что наиболее важным фактором успеха в управлении различными проектами является эффективная коммуникация со всеми стейкхолдерами. В сложном и конкурентном деловом климате компании и организации не могут позволить себе игнорировать эту ключевую компетенцию³.

Термин «стейкхолдер» (stakeholder — заинтересованное лицо, заинтересованная сторона и др.) в российской научной и менеджериальной литературе также употребляется в смысле «причаст-

ная сторона», «группа влияния». При различных трактовках понятия «стейкхолдеры» и вариантах их состава можно выделить ряд общих категорий физических или юридических лиц: акционеры, инвесторы, клиенты, поставщики, наемные работники, правительственные и регулирующие органы, медиа, профсоюзы, научные сообщества, наднациональные институты и т.д., которые оказывают влияние на решения и действия компании или на которых эти решения и действия сказываются (активная и пассивная стороны).

Стейкхолдер-ориентированная модель предлагает менеджерам и сотрудникам компаний выйти за рамки традиционных интересов акционеров, чтобы понять ценности, ожидания, потребности и требования всех других заинтересованных сторон, ранее воспринимаемых как внешние по отношению к компании [11, с. 52].

Доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ «Высшая школа экономики» Нелли Бачурина определяет ИК следующим образом: «Это мультидисциплинарная стратегия вариативной медиа и структурной координации коммуникаций со стейкхолдерами, влияющая на восприятие ими всей информации об организации как целом» [12, с. 32]. ИК также включают в себя маркетинг, внутрикорпоративные коммуникации, СО, корпоративную культуру, корпоративный дизайн и т.д.

Применение стейкхолдерского подхода существенно увеличивает число субъектов коммуникаций и участников корпоративных отношений. При этом все направления коммуникаций со стейкхолдерами взаимно интегрированы под руководством единого центра управления.

Выделяются несколько подходов к определению ИК:

- управленческий (включающий передачу распоряжений и их объяснение);
- функциональный (который обеспечивает взаимодействие элементов системы);
- культурологический (как способ выражения корпоративной культуры);
- гуманистический (как фактор развития человеческого потенциала);
- маркетинговый (как процесс установления связи с потребителями для стабильной прибыльной работы на рынке)⁴.

Интегрированными коммуникациями можно назвать понимание и практику согласования

³ URL: <https://www.pmi.org/learning/library/en-2013-pulse-high-cost-low-performance-13512>

⁴ URL: <https://sovman.ru/article/0902>

символов, сообщений, процедур и моделей поведения, необходимых для того, чтобы организация последовательно и непрерывно общалась в своих рамках и через официальные организационные границы [13].

Одно из отличий ИК от ИМК состоит в том, что первые обеспечивают повышенный эффект синергии благодаря более широкой сети коммуникационных каналов и целевых аудиторий, что повышает уровень их работоспособности и экономической эффективности.

ИК дают более широкое видение ситуации, позволяют оценивать проблемы с разных сторон и получать полное представление о происходящем внутри и вовне компаний или организаций.

Понятия ИМК и ИК часто используются как синонимы, но авторы данной статьи считают это контрпродуктивным, поскольку при этом затушевываются преимущества мультидисциплинарности последних и их возможности решения более широкого круга проблем управления, что обедняет теорию и снижает их практическую эффективность.

До сих пор некоторыми руководителями коммуникация рассматривается как одностороннее смысловое воздействие на реципиентов, хотя в рамках деятельностного подхода субъекты ИМК и ИК уже давно считаются равноправными партнерами в информационном процессе.

Дело в том, что любое сообщение обращено к человеку, говорящему и слушающему (Homo Loquens) — смыслопонимающему и смыслотворяющему. Именно он осуществляет выбор конкретных форм выражения значимого смысла из потенциально возможного множества и творит тем самым новую реальность — текст, который, в свою очередь, трансформируясь, начинает самостоятельное существование в мире [14].

Нечто похожее происходит в результате «эффекта фрейминга» (framing effect, от англ. frame — рамка, обрамление), когда реципиент информации создает свой собственный подтекст, дополняет реальность, смещает акценты и т.д. Тем самым он искажает содержание и смысл полученного сообщения своими ментальными фильтрами в виде смысловых рамок (убеждений, ожиданий, социальных установок, собственных моделей реальности и т.д.).

К этому надо добавить ограниченные возможности человеческого восприятия, которые снижают эффективность коммуникаций. Например, установлено, что в среднем при передаче услышанного

сообщения от одного испытуемого другому теряется 36% информации [15, с. 4].

Главный способ добиться понимания смысла передаваемых реципиенту сообщений — создать эффективную систему принятия управленческих решений на основе отлаженных коммуникаций, включающую в себя плотную сеть корректирующих обратных связей, информирующих отправителя о том, насколько точно воспринято его сообщение.

Результатом коммуникации становится взаимопонимание или его отсутствие, что определяет перспективу возможного взаимодействия и влияет на ее эффективность, как и всей организации в целом.

Концепции интеграции коммуникаций продолжают обновляться, меняется понимание их содержания и возможностей внедрения различных инструментов и новых технологий.

ИК обеспечивают выполнение всех основных функций управленческой деятельности предприятий и бизнес-проектов. Они делают возможным не только обмен информацией, но и улучшают настройку рабочих процессов и согласованность действий работников и подразделений, повышают качество управленческих решений, снижают нефинансовые риски, создают атмосферу общности интересов в коллективе и благоприятно влияют на внешнюю среду.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СПОСОБОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА И УПРАВЛЕНИЯ

Проблема координации коммуникаций со стейкхолдерами стала актуальной в связи с бурным ростом влияния на бизнес политики корпоративной социальной ответственности (КСО) на основе идеи общих ценностей и (позднее) ESG-повестки, вытекающей из общепринятой на международном уровне концепции устойчивого развития.

В начале XXI в. стала весьма популярной связанная с ними стейкхолдерская модель устойчивого корпоративного управления, основанная на давней идее создания ценностей, значимых и для общества, и для бизнеса, которую многие считают важным инструментом повышения прибыльности и конкурентоспособности компании.

Термин «устойчивое корпоративное управление» (sustainable corporate governance) компании или организации трактуется как такая система корпоративного управления, которая основана на интеграции целей акционеров и ключевых заинтересованных сторон (стейкхолдеров), за-

щищающая интересы общества и окружающей среды в целом [16].

Сейчас устойчивое корпоративное управление понимается как корпоративное управление в контексте ESG [17].

На глобальном уровне различные структуры Организации Объединенных Наций (ООН) многие годы стремятся обеспечить активное участие и увеличение вклада всех соответствующих заинтересованных сторон в решение социально-экономических проблем. Важная роль стейкхолдеров в корпоративном управлении отмечена, например, в Принципах корпоративного управления (ПКУ) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2015 г., где говорится, что структура управления должна учитывать интересы заинтересованных лиц и их вклад в долгосрочный успех корпорации⁵.

В 2010 г. появился международный стандарт «Руководство по социальной ответственности» МС ISO 26000:2010, который определил роли стейкхолдеров касательно социальной ответственности во взаимодействии бизнеса и общества. На его основе в 2012 г. опубликован Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 26000–2012 под таким же названием.

В российском Кодексе корпоративного управления (ККУ) 2014 г. подтверждена рекомендация ОЭСР «признавать права заинтересованных сторон (например, работников обществ, кредиторов) и поощрять активное сотрудничество между обществами и ними» (принцип IV ПКУ ОЭСР).

ККУ также рекомендует учитывать нефинансовые факторы и риски, внедрять этические нормы и правила, публиковать информацию о нефинансовой деятельности и т.д.⁶

Европейский союз в 2020 г. выступил с инициативой по устойчивому корпоративному управлению, которое в том числе предусматривает систематическое взаимодействие и коммуникации со стейкхолдерами, а также участие руководителей разного уровня в процессе принятия решений.

Таким образом, происходит формирование нового понимания устойчивого корпоративного управления, фокус которого смещается с решения конфликта интересов между собственником и менеджментом на выполнение более комплексной

задачи по поиску баланса интересов всех ключевых стейкхолдеров компании [17, с. 14].

В деловой практике многих стран мира, в том числе и в России, бывают случаи, когда неэффективные коммуникации (или их отсутствие) с заинтересованными сторонами приводят к ущемлению интересов некоторых групп стейкхолдеров, что нередко доходит до конфликтов (вплоть до забастовок, бойкотов и т.д.), нарушающих нормальную деятельность компаний и организаций.

Там, где налажены эффективные коммуникации с заинтересованными лицами, возникает проблема нахождения баланса между интересами компаний и всеми группами стейкхолдеров. Поэтому первой задачей руководства выступает анализ интересов всех групп стейкхолдеров, которые необходимо учесть при разработке стратегических планов развития и в процессе управления разными каналами информационного обмена. Такая система управления подразумевает и единый центр финансирования, что в разы снижает затраты.

Процесс управления взаимодействием со стейкхолдерами строится на поэтапном анализе всех заинтересованных сторон с помощью матричного метода и построения карт заинтересованных сторон и графика коммуникаций. Он основан на оценке их интересов, потребностей и ожиданий, значимости, сферы полномочий, а также степени их возможного влияния, чтобы для каждой из групп выработать индивидуальную стратегию диалога, в том числе с точки зрения эффективного риск-менеджмента.

Теория и практика управления стейкхолдерами обсуждается в целом ряде публикаций, например в [18, с. 38].

Однако по мере развития ИК и стейкхолдерского подхода целесообразно в дальнейших исследованиях оценить растущую роль стейкхолдеров в управленческой и коммуникационной деятельности компаний и организаций.

Можно считать это преждевременным, но в то же время полезным для понимания этого важного направления эволюции интеграции деловых коммуникаций.

Эффективное взаимодействие со стейкхолдерами помогает снижать нефинансовые риски (репутационные, правового регулирования, социально-трудовые, политические, экологические и корпоративного управления) и выявлять новые возможности для развития компании [19, с. 166].

Интеграция существенно нивелирует многие противоречия между отдельными направления-

⁵ URL: <https://www.oecd.org/publications/g20-9789264252035-ru.htm>

⁶ URL: <http://iep.ru/files/text/trends/2014/Book.pdf>

ми информационного обмена и инструментами, формирует их в один общий посыл целевым аудиториям, обеспечивает согласованность действий, единый корпоративный подход и стиль общения, а также эффективность в изменяющихся условиях рынка.

При этом для каждой группы стейкхолдеров используются индивидуальные персонализированные сообщения в зависимости от характерных особенностей адресатов, т.е. вместо традиционного подхода «одного голоса» практикуется подход «множественного голоса».

Цитируемая выше Нелли Бачурина подчеркивает: «Принципиальным отличием подхода «множественного голоса» стал отказ от тактики копирования единого сообщения по нескольким каналам для разных аудиторий (подход «одного голоса») в пользу интерпретирования (адаптации) сообщения для разных аудиторий (подход «множественного голоса»)» [12, с. 27].

Возможности для этого неизмеримо расширились благодаря внедрению новых технологий и средств коммуникаций — это в том числе цифровизация всего и вся, искусственный интеллект, интернет-платформы, социальные сети, большие данные, дополненная реальность, голосовой поиск и т.д. С помощью нейросетей анализируются огромные объемы информации, получаемой от разных ЦА по обратной связи. Все это повышает эффективность коммуникаций со всеми стейкхолдерами.

Активные коммуникации в виде диалога руководителей компаний и организаций с заинтересованными сторонами не гарантируют выполнение всех пожеланий или требований стейкхолдеров, но обеспечивают их вовлеченность в обсуждение стратегии и тактики, рисков и последствий принимаемых решений, что повышает качество последних. Если интересы сторон не совпадают, следует продолжить конструктивный диалог для поиска взаимоприемлемых вариантов решений на основе партнерских отношений.

В современных условиях глубокого кризиса доверия, как в бизнесе, так и в обществе в целом, диалог компаний и общества стал необходимым.

Построение конструктивного диалога между компанией и стейкхолдерами позволяет гармонизировать их текущие и стратегические цели, продуктивно реагировать на внешние угрозы и внутренние изменения, гибко управлять рисками, снижать расходы компаний на разработку и совершенствование продуктов и услуг, укреплять

доверие общества к бизнесу, решать социально значимые проблемы.

Социальные сети и новые инструменты коммуникаций изменили взаимоотношения между отправителями и получателями информации. Если раньше все ограничивалось общением с заинтересованными сторонами по разным поводам, то теперь задача состоит в том, чтобы превратить реципиентов в распространителей идей отправителей. Правда, это может быть сопряжено с разного рода злоупотреблениями и манипуляциями в неконкурентных целях.

Если раньше менеджеры и специалисты по коммуникациям фокусировались на том общении, которое происходило на официальных форумах и по официальным каналам, то стратегический поворот влечет за собой включение неформального общения как внутри организации, так и за ее пределами. Эта сфера ранее ускользала от внимания руководства, а теперь считается актуальной и важной.

Благодаря новым инструментам коммуникаций (социальные сети и т.д.) возросла роль такого неформального внутрикорпоративного общения, как «тайный телеграф» (аналог российского сарафанного радио).

Зарубежные исследователи отмечают, что передаваемая таким образом информация отличается достоверностью и, как правило, посвящена организационным проблемам. Около 80% обсуждаемых тем так или иначе связаны с бизнесом и не имеют ничего общего со сплетнями, более того, 70–90% сведений подтверждаются [20, с. 34].

Поэтому «тайный телеграф» может быть полезен (только не в кризисные моменты), поскольку способствует более адекватному восприятию ситуации сотрудниками, особенно внутри компаний с информационным вакуумом⁷.

Современная наука отмечает появление новых требований к менеджменту, в том числе к управлению коммуникациями. Традиционный подход к процессу управления, основанный на административно-командной модели, с его незыблемой организационной вертикалью, жестким контролем, строгим разделением труда, узкой специализацией и т.д. расширяется в результате предъявления быстро меняющейся реальностью новых требований к методам руководства и способам принятия решений, а также к знаниям, навыкам и компетенциям менеджеров.

⁷ Ньюстром Дж.В., Кейт Дэвис. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. СПб.: Питер; 2000.

ИК В РАМКАХ ESG-ПОВЕСТКИ УСТОЙЧИВОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Одним из самых распространенных на Западе направлений коммуникаций с большинством групп стейкхолдеров с середины прошлого века стала добровольная политика бизнеса, называемая «корпоративная социальная ответственность» (КСО), удовлетворяющая интересы целого ряда заинтересованных сторон, но во многом носящая декларативный характер.

Практически во всех странах, в том числе и в России, приняты и практикуются стандарты в области экологической и социальной ответственности.

В последние годы крупные инвесторы, корпорации, центральные банки и правительства развитых стран, а также международные экономические организации ООН активно внедряют в деловую практику основанные на целях устойчивого развития (ЦУР ООН) ESG-принципы:

- ответственного отношения к окружающей среде (E — Environmental);
- высокой социальной ответственности (S — Social);
- высококачественного управления (G — Governance).

На практике термины «устойчивое развитие» и «ESG» иногда используются как взаимозаменяемые, однако устойчивое развитие — это курс и образ результата, к которому движется компания, а ESG — это практический инструмент, который помогает его достичь⁸.

Быстро возросшая в науке и практике популярность ESG-политики привела к тому, что в мире и в России появилось более 70 стандартов ESG и более 600 агентств, оценивающих деятельность компаний и организаций в этом направлении. Поскольку каждое рейтинговое агентство имеет свою методику, их оценки слабо коррелируют друг с другом, и одни и те же компании могут хорошо выглядеть в одних рейтингах и плохо — в других.

Многие рейтинговые агентства не раскрывают свои методологии оценки, и это дает возможность субъективного выбора показателей и манипулирования результатами.

Требуется разработка единой и прозрачной методики, процедуры и правил аудита и рейтингования

компаний и организаций на предмет соответствия их деятельности ESG-принципам [21, с. 49].

Обращает на себя внимание появление в ESG-концепции третьего блока «G», который часто переводят как «корпоративное управление» (КУ). Это объясняется тем, что его содержание повторяет многие положения российского и международных кодексов КУ: права акционеров, независимость совета директоров, раскрытие информации (прозрачность), стратегия и структура управления, риск-менеджмент и др. В добавление к этому методология некоторых рейтинговых агентств предусматривает оценку взаимодействия со стейкхолдерами, но только на предмет наличия стратегии и плана работы в этом направлении.

Таким образом, при анализе качества КУ и составлении рейтингов и рэнкингов в области ESG-политики отсутствует оценка важного основополагающего фактора — эффективности управления интегрированными деловыми коммуникациями.

Авторы статьи предлагают исправить этот недочет, выйти за рамки ККУ и включить в блок «G» актуальные метрики: показатели эффективности управления интегрированными коммуникациями, решающим образом влияющие на качество устойчивого корпоративного управления, основанного на стейкхолдерском подходе. Для этого необходимо расширить методологию проведения коммуникационного аудита и составления нефинансовой отчетности.

Например, можно разработать легко измеряемые критерии на основе более широкой по содержанию системы «корпоративный менеджмент», а также ее составной части «коммуникационный менеджмент».

Национальный стандарт РФ «Менеджмент качества. Качество организации» ГОСТ Р ИСО 9004–2019 содержит руководство по достижению устойчивого успеха организации в сложной, взыскательной и постоянно меняющейся среде.

Его применение вместе с системой менеджмента качества национального стандарта ГОСТ Р ИСО 9001–2015 может создать основу для ценностей и стратегий организации. Полезно также применение стандарта ИСО 9001:2008 «Руководство по концепции, содержанию и использованию процессного подхода для систем менеджмента»⁹.

Эти национальные стандарты способны расширить набор критериев оценки и рейтингования менеджмента качества управленческих процессов

⁸ URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/korporativnoe-upravlenie-i-esg-transformaciya-rossijskih-kompanij/>

⁹ URL: <https://www.iso.org/obp/ui#search>

и взаимосвязей между ними, а также менеджмента ресурсов, в первую очередь человеческих и зна- ниевых.

Включение ЦУР ООН и ESG-принципов в биз- нес-процессы компаний требует от них существ- венной перестройки стратегии и менеджмента, непредвиденного роста расходов на экологическую, социальную и управленческую политику. Такая до- полнительная нагрузка отразится на потребителях в виде повышения цен на товары и услуги.

Продиктованная развитыми странами, такая повестка стала обязательной, в том числе и для Рос- сии, где быстрыми темпами растет число компаний и банков, следующих ESG-принципам.

Это предполагает перестройку бизнес-моделей, расширение нефинансовой отчетности, дополни- тельную организационную, коммуникационную и финансовую нагрузку, что влияет на поведение всех заинтересованных сторон.

Построение эффективной системы ИК со всеми группами стейкхолдеров в рамках ESG-политики и концепции устойчивого развития стало важным фактором успеха в деятельности компаний и ор- ганизаций. Это позитивно влияет на все аспекты КПЭ и обеспечивает устойчивое корпоративное управление.

ВЫВОДЫ

ИК становятся важным фактором успешного управления компаниями и организациями, они повышают вовлеченность персонала и эффектив- ность совместной работы, усиливают роль всех групп стейкхолдеров и наращивают нефинансо- вые активы, что повышает инвестиционную при- влекательность.

Интегральный подход к организации ком- муникаций получает все большее распростра- нение в передовых компаниях и организациях. ИК обеспечивают внедрение инновационных стратегий, новых инструментов и способов, по-

вышают эффективность коммуникаций на основе цифровизации.

Успешная практика внедрения ИК обеспечива- ется организацией системной работы не только по созданию персонализированных смыслов со- общений, адекватных интересам и статусу ЦА, но и по их разъяснению каждой группе реципиентов.

Важнейшее нововведение ИК — переход от од- нонаправленных коммуникаций к двустороннему диалогу не только с потребителями при помощи индивидуального подхода, но и со всеми стейкхол- дерами на основе разветвленной системы обрат- ных связей и долгосрочных отношений. Это важно учитывать для лучшего понимания современных тенденций интеграции коммуникаций.

В рамках концепции устойчивого развития ESG- повестка, нацеливающая компании и организации на участие в реализации ЦУР ООН, продолжает развиваться. Для дальнейшей ее конкретизации авторы предлагают считать эффективность управ- ления интегрированными коммуникациями одним из ключевых показателей блока «G» и включить его в методологию составления рейтингов и рэнкингов ESG-политики компаний и организаций.

Адекватные коммуникации со всеми группами стейкхолдеров в рамках ESG-политики снижают нефинансовые риски: корпоративные, управлен- ческие, социальные, политические, экологические и т.д.

Понимание содержательных особенностей ИК, их оргструктуры, инструментария и принципов управления остаются дискуссионными. Методы их анализа и рейтингования нуждаются в дальнейшей разработке.

Проведенное исследование может быть полез- ным для экспертов и практиков деловых коммуни- каций для оценки эффективности и развития ИК.

Процесс интеграции коммуникаций продол- жается, и эту устоявшуюся тенденцию нельзя не учитывать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якупов П. В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры. *Вестник ГУУ*. 2016;(10):261–266.
2. Коваленко М. Ю. Теория коммуникации. М.: Юрайт; 2016.
3. Демина И. Н. Экономическая коммуникация в терминологии коммуникативистики. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2012;(1):34–45.
4. Коорен Ф., Кун Т., Корнелиссен Дж. П. и Кларк Т. Коммуникация, организация и самоорганизация: об- зор и введение в специальный выпуск. *Исследования организации*. 2011;32(9):1149–1170.
5. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Перевод с англ. М.: Издательство «Дело»; 1997.

6. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2015. 312 с.
7. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир; 2004. 120 с.
8. Haney L. Integration in marketing. *American Economic Review*. 1920;(X):528–545.
9. Newsom D. Public Relations and Integrated Communication. In book: *Integrated Approach to Communication Theory and Research*. New York: Routledge; 2009.
10. Torp S. Integrated communications: from one look to normative. *Corporate Communications: An International Journal*. 2009;(2):190–206.
11. Дуденков Д.А. Стейкхолдер-ориентированная модель компании в теории корпоративного управления. *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2014;(1):50–53.
12. Бачурина Н.С. Основания теории интегрированных коммуникаций: определение и подходы. *Информационное общество*. 2014;(4):26–34.
13. Christensen L. T., Firat A. F., Torp S. The organisation of integrated communications: Toward flexible integration. *European Journal of Marketing*. 2008;42(3–4):423–452.
14. Чувакин А.А. Текст как объект и предмет лингвистики. Теория текста. М.: Наука; 2010.
15. Иванченко В.Н., Плотникова Е.С. Искажение информации и возникновение слуха. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72812>
16. Allais R., Roucoules L., Reyes T. Governance Maturity Grid: A Transition Method for Integrating Sustainability into Companies. *Journal of Cleaner Production*. 2017;(140):213–226.
17. Киселева Е.В., Загидуллин Ж.К., Журавлев А.В. Корпоративное управление в контексте ESG: новое понимание устойчивости. URL: <http://corptransparency.ru/documents/corporate-governance-in-the-context-of-esg.pdf>
18. Ильяк В.В. Методологический подход к управлению стейкхолдерами инновационных проектов. *Организатор производства*. 2016;4(71):38–55.
19. Щербаченко П.С. Управление взаимодействием со стейкхолдерами в российских компаниях. *Вестник ГУУ*. 2018;(5):155–161.
20. Torp S. *The Strategic Turn in Communication Science: On the History and Role of Strategy in Communication Science from Ancient Greece Until the Present Day*. New York: Routledge; 2015.
21. Ведерин И.В., Головшинский К.И., Давыдов М.И., Петько Б.Б., Сабирова М.С., Терсков С.В., Шишкин Е.А. ESG: три буквы, которые меняют мир. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2022. 138 с.

REFERENCES

1. Yakupov P.V. Communication: definition of the concept, types of communication and its barriers. *Vestnik GUU = GUU Bulletin*. 2016;(10):261–266. (In Russ.).
2. Kovalenko M.Y. Theory of communication. Moscow: Yurait; 2016. (In Russ.).
3. Demina I.N. Economic communication in the terminology of communication studies. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory and practice of journalism*. 2012;(1):34–45. (In Russ.).
4. Kooren F., Kuhn T., Cornelissen J.P., and Clark T. Communication, Organization, and Self-organization: A Review and Introduction to the special issue. *Issledovaniya organizacii = Organization research*. 2011;32(9):1149–1170. (In Russ.).
5. Mescon M., Albert M., Khedouri F. Fundamentals of management. Translated from the English by Moscow: Izdatel'stvo "Delo"; 1997. (In Russ.).
6. Keen J. Democracy and decadence of media. Translated from English. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki; 2015. 312 p. (In Russ.).
7. Giddens E. An elusive world. How globalization is changing our lives. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p. (In Russ.).
8. Haney L. Integration in marketing: *American Economic Review*. 1920;(X):528–545.
9. Newsom D. Public Relations and Integrated Communication. In book: *Integrated Approach to Communication Theory and Research*. New York: Routledge; 2009.
10. Torp S. Integrated communications: from one look to normative. *Corporate Communications: An International Journal*. 2009;(2):190–206.
11. Dudenkov D.A. Stakeholder-oriented company model in the theory of corporate governance. *Industry: economics, management, technology*. 2014;(1):50–53. (In Russ.).

12. Bachurina N. S. The foundations of the theory of integrated communications: definition and approaches. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii = The Information Society*. 2014;(4):26–34. (In Russ.).
13. Christensen L. T., Firat A. F., Torp S. The organisation of integrated communications: Toward flexible integration. *European Journal of Marketing*. 2008;42(3–4):423–452.
14. Chuvakin A. A. Text as an object and subject of linguistics. *Text Theory*. Moscow: Nauka; 2010. (In Russ.).
15. Ivanchenko V. N., Plotnikova E. S. Distortion of information and the occurrence of hearing. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72812> (In Russ.).
16. Allais R., Roucoules L., Reyes T. Governance Maturity Grid: A Transition Method for Integrating Sustainability into Companies. *Journal of Cleaner Production*. 2017; (140):213–226.
17. Kiseleva E. V., Zagidullin J. K., Zhuravlev A. V. Corporate governance in the context of ESG: a new understanding of sustainability. URL: <http://corptransparency.ru/documents/corporate-governance-in-the-context-of-esg.pdf> (In Russ.).
18. Pilyuk V. V. Methodological approach to managing stakeholders of innovative projects. *Organizator proizvodstva = The organizer of the production*. 2016;4(71):38–55. (In Russ.).
19. Shcherbachenko P. S. Managing interaction with stakeholders in Russian companies. *Vestnik GUU = Bulletin of the GUU*. 2018;(5):155–161. (In Russ.).
20. Torp S. *The Strategic Turn in Communication Science: On the History and Role of Strategy in Communication Science from Ancient Greece Until the Present Day*. New York: Routledge; 2015.
21. Vederin I. V., Golovshchinsky K. I., Davydov M. I., Petko B. B., Sabirova M. S., Terskov S. V., Shishkin E. A. ESG: three letters that change the world. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki; 2022. 138 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Владимирович Лопухин — независимый исследователь, фрилансер, Москва, Россия
Alexander V. Lopukhin — independent researcher, freelancer, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8360-3541>
alopukhin@yandex.ru

Евгений Анатольевич Плаксенков — PhD SKEMA Business School, профессор Московской школы управления СКОЛКОВО, Москва, Россия
Evgeny A. Plaksenkov — PhD SKEMA Business School, Professor of the Moscow School of Management SKOLKOVO, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2196-9059>
evgeny_plaksenkov@skolkovo.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.10.2023; после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 02.10.2023; revised on 30.10.2023 and accepted for publication on 15.11.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-53-64
УДК 332.1(045)
JEL O38

Инновации в российской и белорусской экономиках: сравнительный аспект, точки пересечения и роста

А.Б. Николаева^а, Т.А. Сахнович^б, К.В. Чугунов^с, С.В. Юдина^д

^{а, с, д} Казанский национальный технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия;
^б Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

АННОТАЦИЯ

Интернациональный авторский коллектив на основе статистического анализа общих и частных показателей, входящих в Глобальный индекс инноваций, зафиксировал актуальные для текущей ситуации сильные и слабые стороны инновационного развития экономик Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ), точки их реального пересечения и имеющиеся резервы кооперации. Проведенный анализ, результаты которого публикуются в настоящей статье, позволил выявить схожие черты двух экономик – высокий научно-образовательный потенциал. При этом зафиксированы сферы, где явными являются преимущества одной из анализируемых экономик: в РФ – это инвестиции и рыночная среда, а в РБ – инфокоммуникационные технологии и оптимальность отраслевой экономики, что было основной **целью исследования**. Изыскания будут продолжены в области разработки и уточнения направлений дальнейшего сотрудничества двух стран. Обмен опытом в сфере общего и высшего инженерного образования, высокотехнологического сектора и НИОКР позволит России использовать позитивный опыт белорусских партнеров уже сегодня. **Ключевые слова:** политика в области инноваций; Глобальный индекс инноваций; статистика инноваций; расходы на НИОКР; инфокоммуникационные технологии

Для цитирования: Николаева А.Б., Сахнович Т.А., Чугунов К.В., Юдина С.В. Инновации в российской и белорусской экономиках: сравнительный аспект, точки пересечения и роста. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):53-64. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-53-64

ORIGINAL PAPER

Innovations in the Russian and Belarusian Economies: Comparative Aspect, Cross Points and Growth

A.B. Nikolaeva^а, T.A. Sakhnovich^б, K.V. Chugunov^с, S.V. Yudina^д

^{а, с, д} Kazan National Technical University named after A.N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia;
^б Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

ABSTRACT

The international authors' crew has recorded the weaknesses and strengths of the innovative development of the economies of the Russian Federation (RF) and the Republic of Belarus (RB), the points of their real intersection and the existing reserves of cooperation, that are relevant for the current situation having used analytical tools. The results of analysis in these materials helped define similar features of the two economies as a high scientific and educational potential. The study aimed to identify areas where the advantages of one economy under study are clear. The authors found that the RF economy excels in investments and the market environment, while RB excels in infocommunication technologies and the optimality of the branches' economics. The research will continue to develop and clarifying ways for further cooperation between the two countries. The experience exchange and higher engineering education, high-tech sector and R&D will enable RF to use the positive experience of Belarusian partners today. **Keywords:** innovation politics; Global Innovation Index; innovation statistics; R&D expenses; infocommunication technologies

For citation: Nikolaeva A.B., Sakhnovich T.A., Chugunov K.V., Yudina S.V. Innovations in the Russian and Belarusian economies: Comparative aspect, cross points and growth. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):53-64. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-53-64

© Николаева А.Б., Сахнович Т.А., Чугунов К.В., Юдина С.В., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Инновации играют важную роль в экономике и существенно влияют на ее развитие. Они способны стимулировать рост производства и увеличение производительности труда, способствовать созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни людей. Кроме этих эффектов следует отметить улучшение качества человеческих ресурсов, что в долгосрочной перспективе может существенно превышать все остальные эффекты, вместе взятые. Следует отметить, что инновации:

- являются силой, позволяющей расширять производство и увеличивать общие размеры экономики. Новые технологии, продукты и услуги стимулируют рост производительности, улучшают конкурентоспособность и возможности экономики выпускать больше товаров и услуг;
- позволяют создавать новые рынки и ниши. Когда компании разрабатывают новейшие продукты или услуги, открываются возможности для потребителей и развиваются новые отрасли, что приводит к появлению новых рабочих мест и росту экономики в целом;
- обобщают передовой опыт и научные достижения и способствуют совершенствованию производственных процессов. В результате растет эффективность использования ресурсов, сокращается время производства и масштабируются операции. Благодаря этому компании могут снизить издержки производства и улучшить качество своей продукции, что положительно сказывается на экономическом росте;
- помогают компаниям обеспечить преимущество на рынке и сохранить свою конкурентоспособность, предлагая новые и улучшенные продукты и услуги, что позволяет привлекать большее количество клиентов. Кроме того, инновации способствуют разработке современных стратегий маркетинга, улучшению логистики и оптимизации внутренних процессов компании;
- требуют инвестиций в исследования и разработки. Рост инвестиций в инновации способствует развитию науки, технологий и технического прогресса в целом.

ГИПОТЕЗА И ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на очевидность позиционирования инноваций как драйвера социально-экономического развития, в исследовании данного явления остается множество «серых зон». Это касается потребностей человека создавать новое, особенностей материаль-

ного стимулирования рационализаторской деятельности, оптимизации инвестиций в инновации и методического обеспечения социальных эффектов от инноваций. Авторы предполагают, что с помощью аналитических инструментов можно фиксировать сильные и слабые стороны инновационного развития двух дружественных экономик, точки их реального пересечения и имеющиеся резервы кооперации. Для этого было проведено сравнительное исследование инновационной активности в экономиках Российской Федерации и Республики Беларусь.

Для современной международной ситуации как никогда актуально исследование диффузии (взаимопроникновения) так называемых «национальных» инноваций, возникающих в одной стране и продолжающих свое развитие в другой. При каких условиях происходит взаимообогащение нескольких национальных инновационных сфер, помогающее более масштабному их развитию, а при каких для этого возникают препятствия? Ответы на подобные вопросы позволили бы разработать конкретные программы максимизации целевой функции — экономического богатства общества. Но дать их можно, только поняв механизм взаимодействия двух сфер.

Цель исследования состоит в выявлении резервов инновационного развития национальных экономик Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ) в рамках сотрудничества двух государств с использованием достоверно зафиксированных преимуществ каждой из них на основе сравнительного анализа.

Поиском возможностей для интеграции и вопросами формирования единого инновационного пространства занимались такие авторы, как Р. Абрамов [1], Е. Дорина [2], П. Витязь, К. Гулин [3], С. Дедков [4], О. Молчанова, А. Корнеев, А. Караткевич [5], В. Котилко, Ю. Головин, В. Антонов, Н. Богдан [6], В. Гончаров, В. Антонов, Т. Буховец, В. Герасенко, И. Русак [7] и др. Очевидно, что данная тема представляет научный интерес.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Уровень инновационной активности может быть рассчитан с использованием различных показателей. Мы полагаем, что инновации в российской и белорусской экономиках влияют друг на друга. Существует количественное воплощение связи двух экономик и потенциал для дальнейшего развития, но для получения ощутимого синергетического эффекта необходимо усилить координацию инновационной деятельности.

Российские и белорусские органы статистики и международные аналитические агентства используют

различные методы и подходы для оценки инновационной активности в стране.

Один из самых распространенных показателей — это расходы на научно-исследовательскую деятельность, включающую исследования, разработку новых технологий и инновационных продуктов. Подсчет этих расходов может быть выполнен как в абсолютных значениях, так и в отношении к общему объему ВВП. Данный параметр может быть полезным для сравнения инновационной активности в разных странах. Еще одним показателем выступает количество заявок на патенты и число выданных патентов — чем их больше, тем выше инновационная активность в стране. Также оценивается уровень внедрения новых технологий в различные отрасли экономики, сотрудничество между университетами и предприятиями, инвестиции в стартапы и инновационные проекты.

Методики расчета показателей инновационной активности в российской и белорусской государственной статистике могут иметь некоторые отличия, поскольку каждая страна имеет свои особенности, структуру экономики и подходы к отслеживанию и анализу инноваций. Основные различия в методах расчета связаны с использованием разных классификаций и определений, например, инноваций и инновационных процессов. Также могут отличаться подходы к учету затрат на НИРД и оценке инновационной активности различных отраслей экономики. Точные методы расчета показателей инновационной активности в российской и белорусской экономиках содержатся в соответствующих официальных источниках, опубликованных статистическими органами каждой страны. Важно отметить, что расчет уровня инновационной активности — это достаточно сложная задача, и оценка зависит от выбранных показателей и методологии. Поэтому важно принимать во внимание всю комплексную информацию.

Сравнительная межстрановая оценка инновационной активности часто проводится с учетом международных стандартов и методик, таких как индекс инноваций Global Innovation Index (GII) [8] и European Innovation Scoreboard (EIS). Эти индексы объединяют несколько показателей, включая инвестиции в научные исследования и разработки, количество патентов, активность бизнес-сектора и др.

Глобальный индекс инноваций (GII) рассчитывается совместными усилиями Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Института INSEAD и Корнелльского университета в сотрудничестве с другими партнерами. Расчет GII основан на ряде ключевых показателей, которые характеризуют

инновационную активность и возможности каждой страны. Вот некоторые из основных параметров, учитываемых при расчете GII: инвестиции в исследования и разработки, уровень участия в научных публикациях, патентная активность, доступность высокоскоростного интернета, качество образования, развитие транспортной сети, инвестиции в стартапы и высокотехнологичные предприятия, доступ к финансированию, культура предпринимательства, уровень образования, наличие высокотехнологичных секторов и научнотехнической экспертизы. Расчет GII осуществляется с помощью сложной методологии, которая включает статистический анализ данных, опросы исследователей и другие методы сбора информации. Оценка проводится по более чем 130 странам мира.

В настоящем исследовании была использована классическая методика сравнительного статистического анализа — определялись абсолютные отклонения значений показателей либо по объектам исследования, либо за 2 периода. Методический алгоритм выглядел следующим образом:

1. Отсортированы показатели — выбраны наиболее значимые (обобщающие и фигурирующие в национальных системах государственной статистики) и оцениваемые с наибольшей достоверностью.
2. Зафиксированы значения показателей в 2022 г. (последнем оцененном) по отобранным показателям.
3. Оценено преимущество (более высокий ранг в рейтинге) национальных экономик по каждому показателю.
4. Зафиксированы значения показателей в 2021 г. (предыдущем по отношению к 2022 г.) по отобранным показателям.
5. Оценена динамика за 2 года по каждой экономике отдельно и отмечены строки с абсолютным отклонением более 5 позиций.
6. Определен перечень показателей, по которым фиксируется существенное абсолютное отклонение, и отмечены строки с отклонением от 20 позиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таблица 1 демонстрирует полученные результаты по вышеприведенной методике.

Интегральный (совокупный) индекс в 2022 г. ранжирует экономики стран в диапазоне от 1-го до 132-х, меньшее значение индекса свидетельствует о более высоком ранге (месте). Значение интегрального индекса инноваций в 2022 г. говорит о попадании РФ в 50 инновационных экономик мира, в то время как РФ находится на 77-м месте, потеряв с 2021 г. 15 позиций.

РФ и РБ обеспечивают свое место в рейтинге преимущественно за счет показателей группы «Человеческий капитал и исследования». При этом средне-серые индикаторные поля (в отличие от светло- и темно-серых) свидетельствуют об устойчивом высоком качестве научно-образовательной компоненты, характерном для обеих экономик. РБ имеет серьезные преимущества в области образования, в частности по показателям средних общих (текущих, капитальных и трансфертных) расходов сектора государственного управления на одного учащегося на уровне средней школы, выраженным в процентах от ВВП на душу населения и соотношению учеников и учителей (доступности учителя для учащихся). В области высшего образования РБ опережает РФ как за счет более высокого охвата населения высшим образованием и входящей мобильности, так и за счет существенно более высокой доли выпускников высших учебных заведений в области естественных наук, математики, статистики, информации и технологий, производства, инженерного дела и строительства в процентах от всех выпускников высших учебных заведений. В области исследований и разработок по учитываемым в индексе показателям лучше выглядит РФ, особенно по среднему рейтингу QS трех лучших университетов страны.

В этой связи интересно углубить исследование и искать успешные и уже реализуемые (реализованные) управленческие решения одной национальной системы государственного управления с целью возможного их внедрения в практику управления второй страны в рамках Договора о создании Союзного государства. Поэтому для Российской Федерации может быть интересен опыт Республики Беларусь в области управления общим образованием.

В ноябре 2021 г. в РБ принята Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года. Сохранение социальной направленности государственной политики на протяжении нулевых и 10-х гг. текущего столетия позволило, в том числе, довести уровень грамотности взрослого населения до 99,7%, а охват базовым, общим средним и профессиональным образованием занятого населения — до 98%¹. Республика Беларусь входит в группу 30 наиболее развитых стран мира по показателям в сфере образования согласно Отчету ПРООН о человеческом развитии — 2019. По показателю «Ожидаемая продолжительность обучения», который в стране составляет

15,4 г., Беларусь занимает 27-е место среди 189 стран, по показателю «Средняя продолжительность обучения» (12,3 г.) — 10-е место. В целом качество общего среднего образования в Республике Беларусь оценивается как высокое. Согласно результатам исследования PISA-2018², белорусские учащиеся продемонстрировали более высокие (выше средних) результаты по сравнению с учащимися из стран Европы и Центральной Азии с аналогичным уровнем дохода.

Есть данные, свидетельствующие о том, что на одного учителя в Беларуси в среднем приходится 10 учеников. В городских школах на одного учителя приходилось 12 учеников, в сельских — 5. Всего же в системе общего среднего образования задействовано более 105 тыс. учителей, а численность обучающихся — 1085,6 тыс. чел. В Российской Федерации на 17745,0 тыс. учащихся школ приходится 1348,5 тыс. учителей. Официальная статистика фиксирует в среднем 14,9 учеников на 1 учителя (в городе — 18,4 чел., в сельской местности — 9,9 чел.)³. Проведенная в РФ так называемая «оптимизация» системы образования определенно не способствовала повышению качества преподавания, избыточно нагружая педагогических работников, что отмечается в многочисленных исследованиях⁴.

Более мягкий переход белорусской экономики к рынку на рубеже тысячелетий позволил сохранить отраслевую структуру, ориентированную на высококвалифицированные кадры для промышленности, области естественных наук, математики и информатики. В этом смысле «разворот» российского высшего образования уже происходит. В течение последних лет отмечается растущий интерес студентов к инженерной науке и техническим дисциплинам. Существует несколько факторов, которые способствуют этому тренду:

1. *Перспективы карьерного роста.* Инженеры востребованы в различных отраслях, таких как машиностроение, энергетика, информационные технологии, транспорт, строительство и др. Развитие новых технологий и инноваций создает дополнительные

² Постановление Совета министров Республики Беларусь от 30.11.2021 № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года», Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 02.12.2021, 5/49678.

³ Портал Организации экономического сотрудничества и развития «Education in the Western Balkans, Eastern Europe and Central Asia». URL: <https://pisabyregion.oecd.org/belarus/#section-2> (дата обращения: 11.08.2023).

⁴ Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8> (дата обращения: 28.09.2023).

¹ Глобальный инновационный индекс: официальный сайт. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-comparison> (дата обращения: 27.07.2023).

Таблица 1 / Table 1

Результаты обработки и анализа данных / Results of data processing and analysis

Показатель	РФ 2022	РБ 2022	РФ 2021	РБ 2021	Сравнение 2022	РФ динамика	РБ динамика	Значимый «разрыв» (более 20 позиций)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ГЛОБАЛЬНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ИНДЕКС								
Общий	47	77	45	62	РФ			
Субиндекс вклада в инновации	46	86	43	68	РФ			
Субиндекс инновационной продукции	50	63	52	62	РФ			
УЧРЕЖДЕНИЯ								
Общий	89	130	67	85	РФ			
Бизнес-среда	101	130	45	58	РФ			
Политика и культура предпринимательства	56	73	52	68	РФ			
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИССЛЕДОВАНИЯ								
Общий	27	35	29	38	РФ			
Образование	58	16	40	16	РБ			
Высшее образование	16	8	14	7	РБ			
Выпускники в области науки и техники, %	14	8	13	11	РБ			
Исследования и разработки (НИОКР)	29	57	32	64	РФ			
Валовые расходы на НИОКР, % ВВП	38	56	38	57	РФ			
Глобальные корпоративные инвесторы в НИОКР, топ-3, млн долл. США	36	38	40	41	РФ			
Рейтинг университетов QS, топ-3	22	56	21	58	РФ			
ИНФРАСТРУКТУРА								
Общий	62	67	63	59	РФ			
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	34	52	36	44	РФ			
доступ к ИКТ	65	48	54	16	РБ			
использование ИКТ	31	27	39	33	РБ			
Общая инфраструктура	51	74	64	74	РФ			
Выработка электроэнергии, ГВтч/млн населения	25	53	26	55	РФ			
Логистическая производительность	74	97	74	99	РФ			
Валовое накопление капитала, % ВВП	63	49	59	37	РБ			
ВВП на единицу энергопотребления	122	103	117	103	РБ			
РАЗВИТИЕ РЫНКА								
Общий	48	96	61	101	РФ			
Инвестиции	77	109	116	112	РФ			
Рыночная капитализация, % ВВП	40	80	71	77	РФ			
Венчурные инвесторы, сделок/млрд ВВП по ППС\$	72	89	38	0	РФ		0	
Диверсификация отечественной промышленности	42	41	44	41	РБ			
Масштаб внутреннего рынка, млрд ППС\$	1	68	6	67	РФ			
БИЗНЕС-ИЗЫСКАНОСТЬ								
Общий	44	72	44	69	РФ			
Работники умственного труда	43	39	46	28	РБ			
Наукоемкая занятость, %	20	30	18	26	РФ			
НИОКР, финансируемые бизнесом, %	61	35	60	34	РБ			
Сотрудничество между университетами и промышленностью в области НИОКР	56	0	58	0	РФ		0	
НИОКР, финансируемые из-за рубежа, % ВВП	64	41	63	44	РБ			

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

Показатель	РФ 2022	РБ 2022	РФ 2021	РБ 2021	Сравнение 2022	РФ динамика	РБ динамика	Значимый «разрыв» (более 20 позиций)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Высокотехнологичный импорт, % от общего объема торговли	44	103	43	91	РФ			
Импорт услуг ИКТ, % от общего объема торговли	49	81	60	81	РФ			
Исследовательский талант, % в бизнесе	30	0	28	0	РФ		0	
ЗНАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ								
Общий	51	40	48	37	РБ			
Научно-технические статьи/млрд ППС\$ ВВП	85	104	80	102	РФ			
Цитируемые документы Н-индекс	25	75	23	72	РФ			
Рост производительности труда, %	35	30	44	38	РБ			
Расходы на ПО, % ВВП	39	104	43	103	РФ			
Высокотехнологичное производство, %	56	45	48	44	РБ			
Сложность производства и экспорта	52	31	64	29	РБ			
Высокотехнологичный экспорт, % от общего объема торговли	60	56	52	62	РБ			
Экспорт услуг ИКТ, % от общего объема торговли	70	10	71	11	РБ			
ТВОРЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ								
Общий	48	91	56	93	РФ			
Нематериальные активы	35	107	50	129	РФ			
Мировая стоимость бренда, топ-5000, % ВВП	35	77	67	52	РФ			
Креативные товары и услуги	80	83	81	100	РФ			
Экспорт культурных и творческих услуг, % от общего объема торговли	27	55	27	56	РФ			
Экспорт креативных товаров, % от общего объема торговли	67	53	68	62	РБ			
Интернет-творчество	43	30	47	26	РБ			
Создание мобильных приложений/млрд ВВП по ППС в долларах	26	2	25	1	РБ			

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

возможности для инженеров и стимулирует интерес к этим специальностям.

2. *Зарплатные перспективы.* Инженеры в России зачастую имеют привлекательные заработные платы, особенно в регионах с высоким спросом на их специализацию.

3. *Инновации и технологический прогресс.* Быстрое развитие информационных технологий, цифровизация отраслей и внедрение инноваций способствуют проявлению интереса к углубленному изучению инженерных дисциплин для подготовки новых специалистов.

4. *Поддержка государства.* Государственная политика в области развития науки и технологий, включая программы поддержки образования и исследовательской деятельности, также стимулирует рост популярности инженерных специальностей.

Мониторингом качества приема в вузы России занимается НИУ ВШЭ, обеспечивая экспертное сообщество достоверной информацией. Согласно статистике приема⁵, исследовательская команда НИУ ВШЭ констатирует: «На сегодняшний день массовые представления об успешной карьере связаны с ИТ, математикой и здравоохранением». Что же касается инженерных специальностей, то рост интереса к ним у абитуриентов фиксируется с 2022 г. Очевидно, еще очень рано говорить об устойчивом тренде, несмотря на большой спрос на инженеров на рынке труда. Одна из причин — консерватизм домохозяйств, принимаю-

⁵ Пресс-релиз НИУ ВШЭ второй части Мониторинга качества приема на бюджетные и платные места российских вузов в 2021 году. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/567758140.html> (дата обращения: 11.08.2023).

щих решение о профессиональной карьере молодых людей и нежелание их самих преодолевать естественные трудности при обучении в техническом вузе. «Триада» экономики, менеджмента и юриспруденции сохраняет свою популярность.

Что же касается рейтингов университетов, то, как известно, в последние годы у университетского сообщества и представителей государственного управления появилось много вопросов к международным рейтингам. При этом в Республике Беларусь при принятии государственных управленческих решений в большей степени руководствовались соображениями национальной целесообразности.

Группа показателей «Знания и технологии» также вносит существенный вклад в формирование интегрального индекса и места экономик двух стран в глобальном инновационном рейтинге. При этом по данной группе показателей РБ является лидером, опережая РФ и в 2021, и в 2022 гг. на 11 позиций. Кроме того, за последний год РФ заметно потеряла позиции в доле высокотехнологичного производства и экспорта. Наиболее существенное опережение белорусской экономики фиксируется по индексу сложности производства, который представляет собой рейтинг, основанный на разнообразии и сложности экспортной корзины. Страны с высокой степенью сложности обладают целым рядом специализированных мощностей и поэтому способны производить весьма диверсифицированный набор сложных продуктов. Возможности, которыми обладает страна, проявляются не только в абсолютном количестве продуктов, которые она производит, но и в распространении этих продуктов (имеется в виду число стран, которые импортируют эти продукты). Ну и абсолютно несопоставимыми оказались экономики РФ и РБ по экспорту услуг ИКТ в процентах от общего объема торговли (в 2022 г. — 70-е и 10-е места, соответственно). Данный показатель рассчитывается на основе Расширенной классификации услуг платежного баланса ЕВOPS издания Руководства Международного валютного фонда по платежному балансу и международной инвестиционной позиции, а также по данным платежного баланса страны. В равной мере низкими у обеих стран являются места в рейтинге по количеству научно-технических статей на млрд долл. США по ППС ВВП. Самый же большой разрыв в данной группе показателей наблюдается в расходах на программное обеспечение в процентах к ВВП: РФ опережает РБ на 65 позиций. Расходы на компьютерное программное обеспечение включают общую стоимость приобретенного или арендованного ПО, такого как операционные системы, системы баз

данных, инструменты программирования, утилиты и приложения. Сюда не включены расходы на внутреннюю разработку программного обеспечения и разработку программного обеспечения на заказ, иначе РБ превосходила бы РФ, так как значение рассчитывается в процентах от ВВП.

Отрасль ИКТ — одно из ключевых направлений инновационного развития услуг Республики Беларусь. По итогам 2021 г., экспорт компьютерных, телекоммуникационных и информационных услуг увеличился на 19,2% и составил 3,2 млрд долл.⁶ На протяжении последних лет он стабильно увеличивается. Очень важный факт: наибольшую долю в этом показателе занимают компьютерные услуги. В данную ситуацию значительный вклад вносит прогрессивный налогово-правовой режим, инфраструктура белорусской ИТ-индустрии и высокий уровень подготовки ИТ-специалистов в вузах. Импульсом к развитию ИКТ-сферы в РБ стал Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 «О Парке высоких технологий». А Декрет Президента Республики Беларусь от 21.2.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики»⁷, который продлил действие специального налогово-правового режима Парка высоких технологий (ПВТ) до 2049 г., расширил перечень видов деятельности, а также предоставил гарантии отсутствия необоснованного вмешательства контролирующих органов в деятельность его резидентов. В отличие от России, где иногда можно наблюдать пустующие этажи ИТ-парков, Беларуси удалось создать работающие механизмы преференций для айтишников и самое главное — сформировать у них определенный имидж страны, где стоит развивать ИТ-бизнес. Вот несколько цифр и фактов. В 2020–2021 гг. в Парк вступили 417 компаний, в 2022 г. — еще 101. Сегодня в ПВТ — более 1000 резидентов и 60 тыс. работников. В Парке сосредоточены более 100 центров разработки иностранных корпораций. Более 35% резидентов Парка — компании с зарубежным капиталом. Сумма прямых иностранных инвестиций в 2022 г. составила около 400 млн долл. В 2022 г. экспорт Парка достиг 2,7 млрд долл. — около 30% всего экспорта услуг Беларуси. Внешнеторговое сальдо ПВТ в 2022 г. составило 2,4 млрд долл. — это 4% ВВП страны. За 2021 г. резиденты ПВТ создали более 8 тыс. новых рабочих мест. И если в экономике России объемы экспорта услуг

⁶ Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/sfera-uslug/informacionnye-uslugi> (дата обращения: 16.08.2023).

⁷ Декрет от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 16.08.2023).

ИКТ выросли за последние годы до 8,5 млрд долл.⁸, то это происходит преимущественно за счет ограниченного круга крупных игроков — представителей известных брендов. В масштабах всей торговли (особенно — энергоресурсами) это не особенно впечатляет. Хотя в данной сфере в 2023 г. наметились позитивные тенденции — наращивать экспорт ИКТ-услуг Россия планирует за счет поставок в дружественные страны и на новые рынки.

Заметные различия экономик фиксируются по группам «Развитие рынка» и «Творческие результаты».

В показателях группы «Развитие рынка» заметны преимущества экономики РФ. При этом, по международной методологии оценки, низкая инвестиционная активность отмечается в обеих странах. Ожидаемо наибольший разрыв в пользу экономики РФ наблюдается по масштабу внутреннего рынка (в 2022 г. — 1-е место против 68-го у РБ), который измеряется как ВВП страны по ППС в текущих международных долларах (миллиардах). В 2022 г. ВВП по ППС России составлял 5327 млрд долл.⁹ (или 4771 млрд долл.¹⁰), а Беларуси — 208 млрд долл. При этом ВВП по ППС на душу населения в России только в 1,5 раза выше, чем в РБ.

Шаткое преимущество экономики РБ отмечается по показателю «Диверсификация отечественной промышленности», который оценивается индексом Херфиндаля-Хиршмана (НИ) и представляет собой сумму квадратов долей подотраслей в общем объеме промышленного производства. Страна с идеально диверсифицированной промышленной системой будет иметь индекс, близкий к «нулю», а активная только в одном промышленном подсекторе (наименее диверсифицированная) — равный «единице». В 2022 г. РФ занимала 72-е место (в 2021 г. — 38-е) «по венчурным инвестициям», по данным Refinitiv¹¹ [19] о сделках прямых инвестиций (среднее число за три предыдущих года).

По группе «Творческие результаты» самое существенное отклонение наблюдается как в интегральном

показателе (48-е место у РФ против 91-го у РБ в 2022 г.), так и по нематериальным активам (35-е место у РФ и 107-е у РБ в 2022 г.). Экономике РФ преимущество обеспечивает показатель зарегистрированных за анализируемый период товарных знаков. Он основан на подсчете количества классов товаров и услуг, указанных в заявках на регистрацию товарных знаков-резидентов, (данные приведены к ВВП по ППС). При этом фиксируется лидерство экономики РБ по объемам экспорта креативных товаров в процентах от общего объема торговли. Экспорт творческих товаров оценивается на основе Рамочной программы ЮНЕСКО по статистике культуры¹² [20]. Белорусское интернет-творчество также имеет устойчивое преимущество (в 2022 г. — 30-е место против 43-го у РФ и в 2021 г. 26-е против 47-го, соответственно). Самый значительный вклад в данный показатель вносит количество созданных мобильных приложений. Глобальные загрузки мобильных приложений учитываются по месту расположения штаб-квартиры разработчика/фирмы и масштабируются по ВВП в долл. США по ППС. Глобальные загрузки собираются с помощью data.ia¹³ [21], общедоступных источников данных и моделей прогнозирования на основе данных из Google Play Store и iOS App Store в каждой стране. В 2022 г., по данным data.ia¹⁴ [22], объем мирового рынка мобильных приложений сократился на 2%, а расходы населения на использование — на 19%. Официальной статистики по РФ нет, но специалисты отмечают, что российский мобильный рынок при относительно низких барьерах для входа определяют крупные игроки (Яндекс, Телеграм, ВК, Сбер), конкурировать с которыми непросто и по объемам инвестиций, и по человеческому капиталу, и по лоббистским ресурсам. Также росту рынка не способствует блокировка оплаты на Google Play Store и iOS App Store с начала 2022 г. В том же отчете data.ia отмечается, что белорусские разработчики мобильных приложений в 2022 г. опять попали в топ-10 по числу скачиваний по всему миру и в игровом сегменте, и в сегменте «Здоровье».

⁸ Экспорт ПО из России / TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 28.08.2023).

⁹ GDP based on purchasing-power-parity (PPP) per capita (англ.). Всемирный банк (29 июня 2023). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 29.08.2023).

¹⁰ GDP based on purchasing-power-parity (PPP) per capita (англ.). МВФ (20 мая 2023). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/weo-report> (дата обращения: 29.08.2023).

¹¹ Википедия. Статья «Refinitiv». URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Refinitiv> (дата обращения: 30.08.2023).

¹² Рамки ЮНЕСКО для статистики культуры. Published in 2009 by: UNESCO Institute for Statistics. — Montreal, Quebec, Canada. 2009. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-en_0.pdf (дата обращения: 30.08.2023).

¹³ Официальный сайт проекта data.ia. URL: <https://www.data.ai/ru/> (дата обращения: 02.09.2023).

¹⁴ Состояние мобильных устройств в 2023 году: как вести себя в этом неопределенном году. Отчет проекта data.ia. URL: <https://www.data.ai/en/go/state-of-mobile-2023> (дата обращения: 02.09.2023).

Таблица 2 / Table 2

Выявленные в результате анализа направления возможного сотрудничества экономик РФ и РБ в области инновационного развития (фрагмент) / Areas of possible cooperation between the economies of RF and RB in innovative development identified as the analysis result (fragment)

Параметр (показатель) сравнения	Результаты анализа и их интерпретация	Направления сотрудничества
1	2	3
Общее и высшее образование (госрасходы, доступность учителей, доля выпускников естественно-научных, математических и инженерных специальностей)	РБ демонстрирует лучшие показатели, чем РФ. Сохранение традиционной «советской» школы, отсутствие радикальных реформ позволили РБ не допустить дисбалансов между государственными интересами, отраслевым запросом и частным потребительским спросом	Нормирование численности работников образования. Приоритизация «горячих» направлений подготовки и специальностей. Методический обмен в областях, где у сторон произошли потери в последние десятилетия
Знание и технологии (доля высокотехнологичного сектора в ряде макроэкономических объемных показателей, сложность производства, экспорт услуг ИКТ и ПО)	РБ демонстрирует лучшие показатели, чем РФ. Создание действенных механизмов, открытие работающих институтов развития, налоговые режимы при условии жесткого контроля результата и эффективности позволили РБ в конце 2010-х гг. стать восточноевропейской меккой для ИТ-бизнеса	Расширение неналоговых преференций для предприятий ИТ-сектора, прежде всего, не относящихся к крупным игрокам. Наращивание качества подготовки ИТ-специалистов в вузах через нормирование высокой доли непрофанированной практической подготовки. Создание особого правового режима и поддержка инвестиционного климата для зарубежных ИТ-компаний из дружественных стран
Диверсификация экономики (индекс Херфиндала-Хиршмана)	РБ демонстрирует лучшие показатели, чем РФ. В отсутствие «нефтяного и газового проклятия» экономика РБ сохраняет более сбалансированную отраслевую структуру, одновременно наращивая долю легкой промышленности, сельского хозяйства и высокотехнологичного сектора	Развитие высокотехнологичного сектора (см. выше). Повышение требований к результатам (в том числе финансовым) программ поддержки инноваций. Развитие экспортно ориентированных перерабатывающих отраслей (пищевой, легкой, деревообрабатывающей)
Творчество (экспорт мобильных приложений)	См. п. 2	
Развитие бизнеса (расходы предприятий на НИОКР, расходы из-за рубежа на НИОКР)	РБ демонстрирует лучшие показатели, чем РФ. Высокотехнологичный сектор, став определяющим в экономике РБ в конце 10-х гг., является также наукоёмким и требующим качественных и результативных НИОКР	Расширение программ кооперации и государственно-частного партнерства. Укрепление связей в научно-технической и технологической сферах с надежными странами-партнерами (БРИКС и т.п.), а не только в энергетической и оборонно-промышленной сферах. Актуализация междисциплинарных исследований, в которых стороны имеют серьезный научный «задел» по областям

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

В группе показателей «Бизнес-изысканности», которая отражает уровень развития бизнеса, способствующий инновационной деятельности, заметны разрывы, и в равной мере фрагментами наблюдается лидерство обеих экономик. Более высокий ранг экономики РФ по интегральному показателю обеспечивается сотрудничеством между университетами и промышленностью в области НИОКР, объемами высокотехнологичного импорта и импорта ИКТ, а также исследовательскими талантами (первый и четвертый параметры в приведенном перечне по экономике РБ в 2021 и 2022 гг. не определялись). Сотрудничество

между университетами и промышленностью в области НИОКР оценивают по результатам опросов экспертов, а под исследовательским талантом (доля в бизнесе, в%) подразумевается доля исследователей в секторе коммерческих предприятий в эквиваленте полной занятости (разработка концепции или создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление этими проектами). Большой разрыв в пользу экономики РБ зафиксирован по показателям внутренних расходов на НИОКР, финансируемых бизнесом и из-за рубежа. Валовые расходы на НИОКР, финансируемые предприятиями,

в процентах от общих валовых расходов на НИОКР в 2022 г. в белорусской экономике были на 35-м месте, а в РФ — на 61-м. Доля валовых расходов на НИОКР, финансируемых из-за рубежа, т.е. с иностранным финансированием в процентах от ВВП, в экономике РБ на 41-й позиции, а в России — на 64-й.

В группе показателей «Инфраструктура» наблюдается меньше всего различий. Там оцениваются информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), общая инфраструктура и экологическая устойчивость. Обе экономики почти по всем показателям этой группы находятся в середине глобального рейтинга. Серьезное отставание (ниже 100-го места) экономик РФ и РБ от медианных значений фиксируется по показателю ВВП на единицу энергопотребления: отношение объема ВВП по ППС к общему объему поставок энергии (TES). ВВП/TES — показатель энергетической производительности, следовательно, низкий ранг в рейтинге говорит об относительно низкой энергоэффективности (отдачи от потребляемой энергии) национальной экономики. Наибольшее абсолютное отклонение в пользу РФ отмечается по показателям выработки ГВтч электроэнергии на млн чел. населения и логистической производительности, представляющей многомерную оценку эффективности логистики и включающей в себя качественные и количественные оценки эффективности таможи, качества логистической инфраструктуры и своевременности поставок. Изучению энергоэффективности экономик России

и Беларуси посвящено в последние годы большое количество противоречивых исследований, результаты которых находятся в широком диапазоне от «все пропало» до «можем себе позволить». Так или иначе, везде фиксируется позитивная динамика энергопотребления в экономике.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫВОДЫ

Результаты анализа представлены в *табл. 2*.

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты проведенного экспресс-исследования, можно подвести следующие итоги.

Экономика Российской Федерации — большая по размеру, более волатильная и склонная к риску, а экономика Республики Беларусь — взвешеннее, но с дефицитом ресурсов. В результате исследования зафиксированы сферы, где явными являются преимущества одной из исследуемых экономик: у РФ — это инвестиции и рыночная среда, а у РБ — инфокоммуникационные технологии и отраслевая экономика. Безусловно, исследование требует продолжения и углубления не только в части поиска первопричин выявленных явлений и тенденций, но и в целях разработки и уточнения направлений дальнейшего сотрудничества. Сотрудничество в области развития образования, высокотехнологического сектора и НИОКР позволит России использовать позитивный опыт белорусских партнеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Р.А. Развитие межрегионального сотрудничества России и Беларуси в образовательной сфере в условиях формирования единого экономического пространства союзного государства. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2020;(15–2):495–497.
2. Дорина Е.Б. Взаимодействие Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере повышения инновационного потенциала регионов: финансовый аспект. *Региональная экономика: проблемы и перспективы развития в современных условиях: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Невинномысск, 10 декабря 2015 г.)*. Невинномысск: НГТИ; 2016:300–308.
3. Гулин К.А., Дедков С.М., Усков В.С. Интеграция в формате Союзного государства как стратегия укрепления безопасности России и Беларуси. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2013;(4):32–42.
4. Гусаков В.Г., Дайнеко А.Е., Гончаров В.В., Грибоедова И.А., Дедков С.М. Беларусь 2020: наука и экономика. Концепция комплексного прогноза научно-технического прогресса и приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь на период до 2020 года. Минск: Беларуская навука; 2015. 220 с.
5. Короткевич А.И., Шпарун Д.В., Лапко Б.В., Куриленок К.Л. Совершенствование инструментария прогнозирования, планирования и анализа развития национальной экономической системы Беларуси. Минск: Изд. центр БГУ; 2019. 245 с.
6. Богдан Н.И. Страны ЕАЭС в контексте мирового инновационного развития. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. 2019;(12):25–33.

7. Буховец Т.В., Русак И.Н. Рейтинг регионов Республики Беларусь по уровню привлечения прямых иностранных инвестиций. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: мат. XV Междунар. науч. конф. (Минск, 23–24 октября 2014 г.). В 3-х т. Т. 3. Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь; 2014:169–171.
8. Логинов Д.М., Яковлев И.А. Кадры, нагрузка, качество, взаимодействие (общее образование в оценках учителей). *Народное образование*. 2020;(3):15–23.

REFERENCES

1. Abramov R. A. Development of interregional cooperation between Russia and Belarus in the educational sphere in the context of the formation of a single economic space of the union state. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2020;(15–2):495–497. (In Russ.).
2. Dorina E. B. Interaction between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of increasing the innovative potential of regions: Financial aspect. In: Regional economy: Problems and prospects for development in modern conditions. Proc. Int. sci.-pract. conf. (Nevinnomyssk, December 10, 2015). Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute; 2016:300–308. (In Russ.).
3. Gulin K. A., Dedkov S. M., Uskov V. S. Integration in the framework of the Union State as the strategy for enhancing Russia and Belarus's security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2013(4):27–36. (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2013;(4):32–42.).
4. Gusakov V. G., Daineko A. E., Goncharov V. V., Griboedova I. A., Dedkov S. M. Belarus 2020: Science and economics. The concept of a comprehensive forecast of scientific and technological progress and priority areas of scientific and technical activity in the Republic of Belarus for the period until 2020. Minsk: Belaruskaya navuka; 2015. 220 p. (In Russ.).
5. Korotkevich A. I., Shparun D. V., Lapko B. V., Kurilenok K. L. Improving the tools for forecasting, planning and analyzing the development of the national economic system of Belarus. Minsk: Belarusian State University Publ.; 2019. 245 p. (In Russ.).
6. Bogdan N. I. EAEU countries in the context of global innovative development. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2019;(12):25–33. (In Russ.).
7. Bukhovets T. V., Rusak I. N. Rating of regions of the Republic of Belarus by the level of attracting foreign direct investment. In: Problems of forecasting and state regulation of socio-economic development. Proc. 15th Int. sci. conf. (Minsk, October 23–24, 2014). In 3 vols. Vol. 3. Minsk: Scientific Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus; 2014:169–171. (In Russ.).
8. Loginov D. M., Yakovlev I. A. Personnel, load, quality, interaction. General education in teacher ratings. *Narodnoe obrazovanie = School Technologies*. 2020;(3):15–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анна Борисовна Николаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЭиУП, Казанский национальный технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия
Anna B. Nikolaeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Management and Management, Kazan National Technical University named after. A. N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4145-4661>
 ABNikolaeva@kai.ru

Татьяна Александровна Сахнович — кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Инженерная экономика» машиностроительного факультета, Белорусский национальный технический университет — БНТУ, Минск, Республика Беларусь
Tatyana A. Sakhnovich — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Department of Engineering Economics, Faculty of Mechanical Engineering, Belarusian National Technical University — BNTU, Minsk, Republic of Belarus
<http://orcid.org/0000-0001-7774-9843>
 Sahnovich@bntu.by

Кирилл Владимирович Чугунов — старший преподаватель кафедры ЭТиУР, Казанский национальный технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия

Kirill V. Chugunov — Senior Lecturer, Department of E&UR, Kazan National Technical University named after. A.N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia

<http://orcid.org/0009-0007-7546-2655>

KVChugunov@kai.ru

Светлана Валентиновна Юдина — доктор экономических наук, профессор кафедры ЭТиУР, Казанский национальный технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия

Svetlana V. Yudina — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of E&UR, Kazan National Technical University named after. A.N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-7774-9843>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

SVYudina@kai.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Б. Николаева — обработка и интерпретация результатов исследования.

Т.А. Сахнович — обработка и интерпретация результатов исследования.

К.В. Чугунов — сбор и анализ данных.

С.В. Юдина — разработка общей концепции и методики исследования.

Author's declared contribution:

A.B. Nikolaeva — processing and interpretation of the research results.

T.A. Sakhnovich — processing and interpretation of the research results.

K.V. Chugunov — data collection and analysis.

S.V. Yudina — development of the major concept and research methodology.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.08.2023; после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.08.2023; revised on 13.09.2023 and accepted for publication on 30.09.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78
УДК 336.143(045)
JEL E62, H50, H61

Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста

И.А. Соколов^а, Е.О. Матвеев^б

^а Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Согласно Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025–2026 годов ожидается значительный рост расходов всех бюджетов бюджетной системы России. При этом существенно меняется структура расходов: ожидается ее смещение в сторону «силовых» расходов на фоне некоторого сокращения вложений в человеческий капитал, социальную политику и развитие национальной экономики. Для обеспечения требуемой законодательством бюджетной сбалансированности прогнозируется и рост налоговой нагрузки в ближайшие три года. В настоящей статье предпринята попытка оценить воздействие этих изменений на динамику ВВП. **Методы.** Для оценки изменений в бюджетно-налоговой политике были рассчитаны мультипликаторы налогов и бюджетных расходов, в том числе в разрезе ключевых функциональных разделов бюджетной классификации, на основе импульсных откликов структурной VAR модели российской экономики. Модель оценивалась на данных за 2004–2021 гг. Для расчета среднеразмерной модели (10 показателей) был использован байесовский метод оценивания. **Результаты.** Рассчитанные финансовые мультипликаторы подтверждают наличие значимого эффекта бюджетно-налоговой политики на ВВП, наибольший стимулирующий эффект демонстрируют расходы на социальную политику и национальную экономику.

Ключевые слова: финансовый мультипликатор; бюджетно-налоговая политика; эффективность бюджетных расходов; экономический рост; бюджетная консолидация

Для цитирования: Соколов И.А., Матвеев Е.О. Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):65-78. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78

ORIGINAL PAPER

Assessing the Impact of Fiscal Policy on Economic Growth Rates

I.A. Sokolov^а, E.O. Matveev^б

^а Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Relevance. The Guidelines for Budget, Tax and Customs Tariff Policy for 2024 and for the planning period 2025–2026 show that there will be a significant increase in expenditures for all funds of the Russian budget system. The expenses' structure is changing significantly: it is expected to shift towards power expenses against the backdrop of a slight reduction in investments in human capital, social policy and the national economy growth. To ensure the budgetary balance required by law, the state predicted an increase in the tax burden in the next three years. This paper attempts to assess the impact of these changes on GDP dynamics. The authors calculated multipliers, including in key functional sections of the budget classification, to assess changes in fiscal policy, tax, and budget expenditure. **Methods.** We based these calculations on the impulse responses of the structural VAR model of the Russian economy. Also, the authors assessed the model on data for 2004–2021 to reckon the average-sized model (10 indicators) involved having used the Bayesian estimation method. **Results.** The calculated financial multipliers confirm a significant effect of fiscal policy on GDP; expenditures on social policy and the national economy showed the greatest stimulating effect.

Keywords: financial multiplier; fiscal policy; budget expenditures efficiency; economic growth; fiscal consolidation

For citation: Sokolov I.A., Matveev E.O. Assessing the impact of fiscal policy on economic growth rates. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):65-78. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78

© Соколов И.А., Матвеев Е.О., 2023

ВВЕДЕНИЕ

В конце сентября 2023 г. в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект «О федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» с сопутствующими материалами, в том числе включающими Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на тот же период (также далее — ОНБНТП). Ожидается, что в 2024 г. расходы всех бюджетов бюджетной системы вырастут до 38,2% ВВП, что является довольно высоким уровнем для перераспределяемого через бюджет валового внутреннего продукта (за последние два десятилетия объем совокупных расходов был зафиксирован выше только дважды — в кризисные 2009 и 2020 гг. с показателями 41,4 и 39,5% ВВП соответственно).

Однако обращает на себя внимание не столько запланированный рост расходов или избыточный оптимизм с наполнением бюджета¹, сколько беспрецедентное наращивание расходов на национальную оборону (до 6,0% ВВП против 2,6% ВВП в 2021 г.) на фоне некоторого сокращения вложений в человеческий капитал, социальную политику и развитие национальной экономики. И хотя бюджетные ограничения были несколько расширены благодаря нетипично оптимистичному прогнозированию бюджетных доходов, данный «маневр», обусловленный вполне объективными обстоятельствами в виде необходимости продолжения СВО в условиях серьезного геополитического давления, может в среднесрочной перспективе означать снижение стимулирующего влияния бюджета на долгосрочные темпы экономического роста вследствие сокращения доли наиболее производительных трат [1].

К последним традиционно относят инвестиции в человеческий и физический капитал, расходы на фундаментальные исследования и др. [2]. При этом условно непроизводительные расходы, включающие в первую очередь финансирование государственного управления, национальной обороны и правоохранительной деятельности (хотя ряд авторов еще к ним относят расходы на социальную политику и культуру [3]), также нужны для выполнения общественных функций и оказания государственных услуг, однако

¹ Дефицит бюджета расширенного правительства (включает федеральный бюджет, региональные и местные бюджеты, бюджеты государственных внебюджетных фондов) в предстоящем году не должен превысить 1,1% ВВП в то время, как в указанные годы пиковых трат отрицательное бюджетное сальдо было более существенным — 6,3 и 4,0% ВВП соответственно.

их увеличение сверх оправданных для текущего состояния развития государства уровней неизбежно приводит к отвлечению ограниченных бюджетных ресурсов на их осуществление. Что в конечном счете отрицательно влияет на темпы экономического роста.

Очевидно, что в условиях усиления рисков снижения доходов бюджетной системы из-за внешнего санкционного давления адаптационные изменения в структуре расходов бюджета расширенного правительства (БРП) могут еще более увеличить крен в сторону условно непроизводительных трат, что на фоне снижения темпов роста ВВП и, следовательно, сжатия доходной базы, будет ухудшать сбалансированность бюджета и приводить к ускоренному наращиванию долговой нагрузки.

В этой связи в настоящей статье предпринята попытка оценить воздействие проводимой в текущее время бюджетно-налоговой политики на экономику и выявить риски снижения вклада бюджета в динамику ВВП.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ БЮДЖЕТА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Поступления в БРП, несмотря на довольно высокую долю сырьевых, а значит, конъюнктурных доходов, после 2009 г. колеблются в относительно небольшом диапазоне 32–37% ВВП (рис. 1). Средний уровень доходов за последние 20 лет составил 35,4% ВВП.

Динамика расходов БРП в рассматриваемом периоде демонстрирует заметно более глубокие колебания — от 27–32% ВВП в 2004–2006 гг. до 39–41% — в кризисные годы (2009, 2020 гг.), при среднем значении ВВП — около 35%.

Изменившиеся макроэкономические условия после кризиса 2008–2009 гг. заметно повлияли на сбалансированность БРП: положительное бюджетное сальдо (его средний размер составил 1,5% ВВП) было зафиксировано 5 раз (2011–2012, 2018–2019, 2021 гг.), в то время как дефицит БРП (его средний размер составил 2,5% ВВП) наблюдался в остальные годы периода.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление динамики основных параметров БРП с темпами экономического роста (рис. 1). В период 2004–2008 гг., который отличался высокими налоговыми изъятиями и относительно низкими бюджетными расходами, темпы роста ВВП не опускались ниже 6% в год. Напротив, начиная с 2009 г., когда совокупные расходы имели выраженный контрциклический характер,

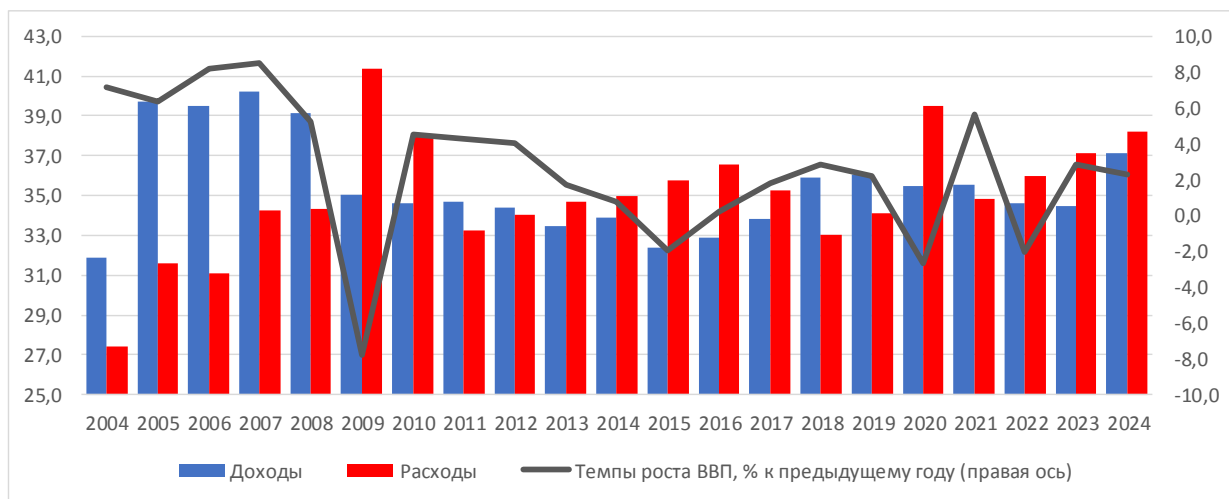

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика доходов и расходов бюджета расширенного правительства в 2004–2024 гг., % ВВП / Dynamics of the General Government Budget (GGB) revenues and expenditures in 2004–2024, % of GDP

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: данные за 2023 г. – оценка; данные за 2024 г. – план / 2023 data – assessment; data for 2024 – planning.

а объем бюджетных доходов снизился — подобное сочетание факторов традиционно должно оказывать стимулирующее воздействие на экономику — среднегодовые темпы роста ВВП составляли порядка 1%. На основании этих наблюдений невольно напрашивается вывод о том, что бюджетно-налоговая политика последних десятилетий не оказывала определяющего влияния на темпы экономического роста. Подтвердить или опровергнуть данную гипотезу нам и предстоит посредством вычисления фискальных мультипликаторов бюджета, которые позволяют количественно оценить изменение совокупного выпуска, вызванное изменением государственных расходов или налоговых поступлений [4].

Пока же обратим внимание еще на одну специфическую черту в поведении параметров БРП в последние два десятилетия. Очевидно, что общая растущая динамика доходов и расходов в постоянных ценах (рис. 2) была обусловлена их «следованием» за приростом физического объема ВВП, который увеличился за период с 2004 по 2023 г. в 1,53 раза. При этом доходы БРП в реальном выражении (в ценах 2021 г.) выросли на 80% — с 26,4 трлн руб. в 2004 г. до 47,6 трлн руб. в 2023 г., в то время как расходы БРП увеличились на 125% — с 22,7 до 51,3 трлн руб. соответственно. Другими словами, оба показателя заметно опередили накопленный прирост ВВП за рассматриваемый период: доходы — на 18%, расходы — на 48%. Кроме того, следует признать, что действие бюджетных правил, как для федерального бюджета, так и для бюджетов субъектов Федерации

и местных бюджетов, сдерживало динамику расходов, не позволяя им еще больше «оторваться» от доходов.

Следует отдельно остановиться на сбалансированности БРП. Визуально заметное на рис. 2 превышение расходов над доходами, характерное для большей части временного периода 2004–2024 гг., указывает на тенденцию к исполнению БРП с хроническим дефицитом, которая стала формироваться после кризиса 2009 г. На фоне растущей динамики расходов после 2009 г. локальные минимумы в реальном выражении наблюдались в 2011 и 2018 гг. (39,1 и 42,5 трлн руб. в ценах 2021 г.). Эти годы могут быть рассмотрены в качестве условных ориентиров структуры расходов при возможной бюджетной консолидации, без проведения которой переломить тренд к наращиванию государственного долга в условиях растущей демографической нагрузки (проблема старения населения) и устойчивого снижения нефтегазовых доходов едва ли возможно.

Представляется целесообразным проанализировать структуру расходов БРП в годы локальных минимумов, сравнив их с наиболее близким к текущему моменту времени некризисным годом. В частности, 2011 г. стал первым посткризисным годом, по итогам которого сокращение расходов относительно предыдущего года составило 4,7 п.п. ВВП до 33,3%. В 2018 г. удалось реализовать программу консолидации расходов, позволившую сократить их на 2,3 п.п. ВВП до минимального с 2007 г. объема в 33% ВВП. В качестве базы сравнения уместно взять 2021 г., когда антикризисная повестка уже начала активно

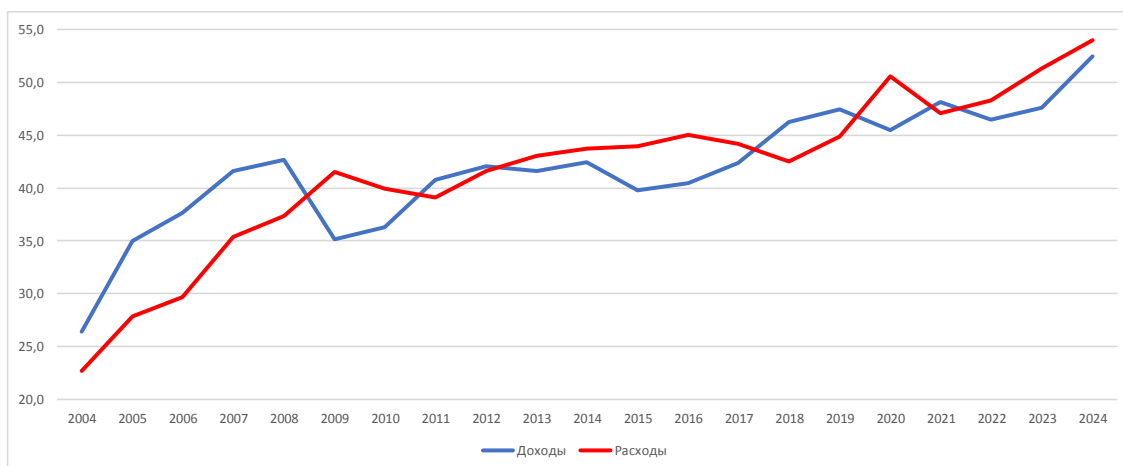

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика доходов и расходов бюджета расширенного правительства в 2004–2024 гг., трлн руб. в ценах 2021 г. / Dynamics of GGB revenues and expenditures in 2004–2024, trillion rubles in prices of 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: – данные за 2023 г. – оценка; данные за 2024 г. – план / 2023 data – assessment; data for 2024 – planning.

сворачиваться, национальные проекты продолжали реализовываться, а эффекты от СВО еще не оказали воздействие на структуру расходов БРП.

Анализ функциональной структуры расходов БРП (табл. 1) выявил, что по сравнению с 2021 г. основными «недофинансированными» статьями были национальная экономика (5,3% ВВП в 2021 г. против 4,3% в 2018 г. и 4,6% в 2011 г.) и здравоохранение (3,8% ВВП в 2021 г. против 3,2% в 2011 и 2018 гг.). С учетом реализации национальных проектов рост данных направлений расходов в 2021 г. по сравнению с 2011 и 2018 гг. представляется вполне логичным, однако в случае необходимости форсированной консолидации расходов некоторый потенциал сокращения инвестиционных расходов по данным функциональным разделам сохраняется.

В то же время на фоне растущего тренда расходов и текущих повышенных потребностей в бюджетном финансировании государственных приоритетов возврат к уровням 2011 или 2018 гг. (33–33,5% ВВП) представляется малореалистичным. По нашим оценкам, потенциал оптимизации по таким направлениям, как национальная экономика и здравоохранение, суммарно не превышает 0,5–0,7% ВВП от уровня 2021 г. По остальным функциональным разделам возможности оптимизации еще более ограничены без возврата к практике «нефинансируемых мандатов». Отдельно заметим, что долевая структура расходов сохраняла стабильность в рассматриваемые годы: доминировали расходы социального характера (56–60%), а силовые расходы,

вложения в развитие экономики и прочие имели вес в среднем 13–15%.

На протяжении 2010-х гг. бюджетная консолидация использовалась не только в рассматриваемые выше годы минимальных расходов. Так, в 2015 г. расходы на ряд социальных выплат были проиндексированы ниже уровня инфляции, а также осуществлен пропуск индексации расходов на оплату труда военнослужащих. При формировании бюджета 2016 г. расходы по страховой части трудовой пенсии и социальной пенсии были проиндексированы на 4,0%, что ниже прогнозируемого уровня инфляции в 6,4%. Данный подход (отстающая индексация) может быть использован при высоком уровне инфляции. Минусом такого подхода являются риски снижения покупательской активности домохозяйств, основным источником доходов которых являются пособия, и активности организаций, чья деятельность связана с государственными поставками.

В рамках фронтального подхода к бюджетной консолидации осуществляется «резка» расходов по всем «незащищенным» статьям на определенный уровень в процентах от утвержденных годовых объемов. В последний раз это использовалось при формировании проекта федерального бюджета на 2016 г. При реализации данного подхода оценивается целесообразность/обоснованность действующих обязательств, мероприятий государственных программ и рассматривается возможность «переноса вправо» части инвестиционных расходов (в первую очередь незапущенных инвестиционных проектов или име-

Таблица 1 / Table 1

**Структура расходов БРП в функциональном разрезе /
The structure of GGB expenditures in the functional specification**

Показатель	2011 г.		2018 г.		2021 г.	
	в % ВВП	в общем объеме расходов, %	в % ВВП	в общем объеме расходов, %	в % ВВП	в общем объеме расходов, %
Всего расходов, в том числе по основным направлениям / ФКР	33,3	100,0	33,0	100,0	34,8	100,0
1. «Силловые» расходы, в том числе:	5,1	15,2	4,7	14,2	4,5	12,9
Национальная оборона	2,6	7,7	2,7	8,2	2,6	7,5
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2,5	7,6	2	6,1	1,9	5,5
2. Развитие человеческого потенциала, в том числе:	7,7	23,3	7,7	23,3	8,1	23,3
Образование	3,7	11,2	3,7	11,2	3,5	10,1
Здравоохранение	3,2	9,7	3,2	9,7	3,8	10,9
Культура	0,5	1,6	0,5	1,5	0,5	1,4
Физическая культура и спорт	0,3	0,8	0,3	0,9	0,3	0,9
3. Социальная политика	10,8	32,6	11,9	36,1	11,8	33,9
4. Национальная экономика	4,6	14,0	4,3	13,0	5,3	15,2
5. Прочие	5,0	15,1	4,4	13,3	5,1	14,7

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ющих возможность быть законсервированными без существенных потерь).

Также можно использовать подход с точечной консолидацией неприоритетных расходов — в первую очередь стимулирующих субсидий организациям, не относимым к стратегически значимым. Он вполне успешно применяется каждый раз при составлении проекта бюджета на следующий финансовый год.

Следует отметить, что общим негативным следствием всех подходов является уменьшение доли расходов производительного характера (табл. 2).

В рамках бюджетной консолидации 2011 и 2018 гг. доля производительных расходов составила около 32% от общего объема непроцентных расходов или чуть более 10% ВВП против 34,2% и 11,6% в 2021 г. соответственно (максимальный уровень с 2010 г.). В рамках бюджетной консолидации 2011 и 2018 гг. сокращению подверглись в основном производительные расходы по функциональным разделам

«Национальная экономика» и «Здравоохранение». Далее мы постараемся выяснить, как подобная оптимизация сказывается на динамике бюджетных мультипликаторов.

ПОДХОДЫ К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ БЮДЖЕТА

Как уже отмечалось, один из общепринятых способов оценки влияния бюджетно-налоговой политики на экономический рост — расчет бюджетных и налоговых мультипликаторов. В качестве наиболее популярных подходов к оценке величины фискальных мультипликаторов можно выделить динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE) [5–7] и модели векторной авторегрессии (VAR) [8–11]. Они оба обладают своими достоинствами и недостатками.

В частности, DSGE-модели в первую очередь опираются на экономическую теорию и для их

Таблица 2 / Table 2

**Структура производительных расходов бюджета расширенного правительства,
в % ВВП / The structure of GGB productive expenditures, % of GDP**

Показатель	2011 г.	2018 г.	2021 г.
Всего непроцентных расходов, в том числе	32,7	32,1	33,9
производительные расходы по основным направлениям / ФКР	10,4	10,3	11,6
Национальная оборона. Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	0,3	0,3	0,3
Образование	3,7	3,7	3,5
Здравоохранение	3,2	3,2	3,8
Национальная экономика	2,7	2,6	3,3
Прочие	0,5	0,5	0,7
Доля производительных расходов в общем объеме непроцентных расходов бюджета, %	31,8	32,1	34,2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

построения важно задать правильные теоретические предпосылки. В условиях быстроменяющихся и усложняющихся экономических процессов DSGE-модели часто не успевают адаптироваться, что, например, приводит к снижению их прогнозной силы по сравнению с неструктурными методами [12].

VAR-модели относятся к классу неструктурных моделей и при оценивании фискальных мультипликаторов в большей мере опираются на статистические данные, нежели на конкретные теоретические модели, что позволяет более точно описывать актуальные экономические процессы. С другой стороны, возникает проблема неустойчивости кросс-корреляционных взаимосвязей при изменении режима экономической политики (так называемая критика Лукаса).

Как показывает обзор литературы, в современных исследованиях, посвященных оценке фискальных мультипликаторов, большее распространение получили именно неструктурные модели, а их развитие главным образом происходит в направлении более точной идентификации экзогенных фискальных шоков [13–15].

Для оценки мультипликаторов с помощью VAR-моделей используют коэффициенты импульсных функций отклика (ИФО), которые позволяют определить реакцию одних показателей на шоки других. При этом, если показатели измерены по логарифмической шкале, полученные мультипликаторы будут иметь интерпретацию эластичностей.

Ключевые эмпирические трудности, с которыми сталкиваются исследователи при оценке фискальных мультипликаторов с использованием VAR-моделей, заключаются в необходимости идентификации шоков фискальной политики, а также в подборе большого количества наблюдений для оценивания. Для решения первой проблемы необходимо связать между собой ошибки модели в приведенной форме (которой выступает VAR-модель) и структурные независимые шоки показателей. В российских (и во многих зарубежных) исследованиях применяют так называемый технический подход к идентификации шоков: например, в работах [9, 10, 16] используется разложение Холецкого. Применяя данный метод, необходимо сделать предположения о скорости распространения шоков различных показателей в модели и расположить их в определенном порядке, предполагая, что шок первого показателя влияет на все прочие, шок второго — на все, кроме первого и т.д.

В ряде российских исследований можно встретить результаты оценивания с помощью VAR-моделей значений фискальных мультипликаторов (табл. 3).

В работах [16, 17] также вычислялись значения мультипликаторов в разрезе функциональных разделов бюджетных расходов.

Общими недостатками рассмотренных российских исследований и большинства зарубежных

Таблица 3 / Table 3

Оценки фискальных мультипликаторов в отдельных российских исследованиях /
Assessments of fiscal multipliers in selected Russian researches

Работа	Показатели VAR-модели	Тип мультипликатора	Значение мультипликатора	
			совокупных налогов	совокупных расходов
Кудрин, Кнобель (2017 г.)	ВВП, расходы, цена на нефть	Моментное значение ИФО, эластичность	Не рассчитывался	0,91
Власов, Дерюгина (2018 г.)	ВВП, расходы, доходы, ставка по кредитам нефин. орг., дефлятор, ВВП Евросоюз, цена на нефть	Пиковое значение кумулятивной ИФО, эластичность	-0,75	0,28
Зяблицкий (2020 г.)	ВВП, расходы, доходы, ставка MIACR, цена на нефть	Кумулятивное значение ИФО за 4 квартала, в денежных единицах	-0,38	0,42

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

является ограниченное число показателей VAR-модели и малая глубина (редко превышающая 3 лага). При этом пропуск существенных переменных может приводить к проблеме эндогенности даже в случае успешной идентификации шоков, а малая глубина модели не позволяет учесть динамические эффекты взаимного влияния показателей. Эти недостатки вызваны необходимостью производить большое количество наблюдений для оценивания более размерных VAR-моделей.

Одним из возможных решений выступает использование панельных данных, как это было сделано в работе [10]. Однако такой подход не позволяет рассчитать специфические мультипликаторы для конкретной страны. Еще один вариант решения — использование байесовских методов оценки [18]. В работе [11] на основе российских данных как раз рассматривается байесовская VAR-(BVAR) модель российской экономики для расчета фискальных мультипликаторов, что позволяет учесть большее количество показателей.

В настоящем исследовании также применены байесовские методы оценивания VAR-модели для расчета фискальных мультипликаторов. Благодаря увеличению количества показателей в модели и ее глубины, а также использованию более длинного временного ряда показателей были уточнены существующие в литературе оценки значений фискальных мультипликаторов в условиях российской экономики.

Оцениваемая в рамках данного исследования модель представляет собой следующую векторную авторегрессию:

$$Y_t = c + \sum_{i=1}^p B_i L_i Y_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где Y_t — вектор-столбец описанных ранее 10 макроэкономических показателей в момент времени t ; p — глубина лага модели; B_i — матрица коэффициентов для лага порядка i ; L_i — лаговый оператор порядка i ; ε_t — вектор-столбец ошибок регрессии в приведенной форме.

Для оценки коэффициентов модели применялось априорное распределение Миннесота. Для априорной ковариационной матрицы коэффициентов использовались стандартные для эмпирической литературы значения гиперпараметров: $\lambda_1 = 0,1$; $\lambda_2 = 0,5$; $\lambda_3 = 1$; $\lambda_4 = 100$. Для априорного распределения ковариационной матрицы ошибок модели — обратное гамма-распределение [19].

Модель оценивалась с помощью алгоритма Гиббса [20].

Идентификация структурных шоков проводилась с помощью разложения Холецкого.

Согласно информационным критериям наиболее подходящей для модели является глубина в 5 лагов.

В связи с тем, что переменные модели были в форме логарифмов, мультипликаторы представляют собой процентное изменение выпуска в ответ на фискальный шок в размере 1%.

Модель оценивалась как для совокупных расходов², так и отдельно для функциональных

² Здесь и далее речь идет о совокупных непроцентных расходах, т.е. общих расходах бюджета расширенного правительства за вычетом расходов на обслуживание государственного и муниципального долга.

разделов бюджета. В последнем случае показатель совокупных расходов в модели менялся на соответствующую категорию (направление) расходов.

На основе обзора литературы для оценки BVAR-модели был сформирован следующий набор переменных: индекс волатильности на мировых финансовых рынках VIX, цена на нефть марки Brent (в долл. США за баррель), сумма объемов экспорта и импорта (млрд руб.), государственные расходы (млрд руб.), налоговые доходы (млрд руб.), ВВП (млрд руб.), дефлятор ВВП (индекс, 2016 = 100), уровень безработицы (% от трудоспособного населения в возрасте от 15 до 74 лет), средневзвешенная фактическая ставка по кредитам, которые предоставляются московскими банками на срок до 1 дня (MIACR, п. п.), среднее значение номинального обменного курса рубля к доллару США. Данные по государственным расходам также собраны в разрезе функциональных направлений.

Данные по каждому показателю взяты в квартальном выражении за временной период с I квартала 2004 по IV квартал 2021 г.

Все показатели в стоимостном выражении были переведены в цены 2016 г. с помощью дефлятора ВВП. Для показателей, имеющих выраженную сезонную динамику, было проведено сглаживание с помощью процедуры X-13ARIMA-SEATS. Все переменные (кроме ставок) были взяты в логарифмах уровней, что позволяет интерпретировать изменения показателей как процентные.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ФИСКАЛЬНЫХ МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ BVAR МОДЕЛИ

На рис. 3 представлены результаты оценивания модели с совокупными государственными расходами и налоговыми поступлениями.

Согласно полученным данным, значимый отклик на фискальные шоки наблюдается в первые 3–4 квартала после шока, далее он становится незначимым. Это справедливо как для шока государственных расходов, так и для шока налоговых поступлений.

На основе полученных импульсных откликов были рассчитаны показатели, отражающие влияние фискальных шоков на совокупный выпуск. В случае отсутствия статистической значимости значение импульсных откликов предполагается равным нулю (табл. 4).

Согласно данным табл. 4, при дополнительном³ росте государственных расходов на 1% увеличение ВВП в первый год после шока составит в среднем 0,087% ежеквартально. Совокупный прирост ВВП за первый год — 0,384%. Со временем эффект шока государственных расходов ослабевает. Таким образом, итоговый кумулятивный прирост ВВП в результате шока государственных расходов будет 0,584%, он достигается в VIII квартале после шока (спустя 2 года). Значения импульсных откликов после этого периода являются статистически незначимыми.

Отклик совокупного выпуска на внеплановое изменение совокупных налоговых поступлений демонстрирует схожую динамику и амплитуду. Так, среднеквартальное падение ВВП в первый год после положительного шока налоговых поступлений составляет 0,115%. В итоге, совокупное падение ВВП за первый год — 0,457%. Со временем эффект рассматриваемого шока ослабевает.

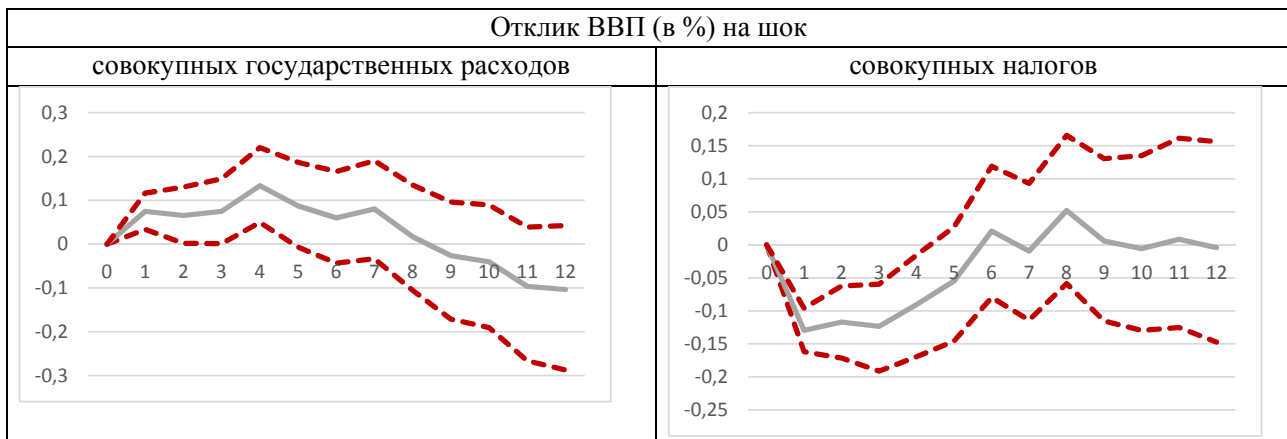
Полученные значения мультипликаторов соответствуют существующим исследованиям, в частности, в работе [11] также используют байесовские методы оценивания и получают сопоставимые результаты.

Для более детальной спецификации бюджетно-налоговой политики рассмотрим эффекты государственных расходов в разрезе функциональных разделов.

В табл. 5 представлены результаты расчетов соответствующих бюджетных мультипликаторов.

По результатам оценки (табл. 5) статистическая значимость эффекта шока государственных расходов на национальную экономику на ВВП в краткосрочной перспективе оказывается низкой. Значимый эффект обнаруживается, начиная с VI квартала после шока. Средний прирост совокупного выпуска в первые 3 года после шока составляет 0,153% ежеквартально. Совокупный прирост выпуска за 3 года в результате единовременного увеличения государственных расходов на 1% — 1,922%. Таким образом, расходы на национальную экономику имеют слабый статистически незначимый краткосрочный эффект, их влияние нарастает в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это соответствует экономической логике и существующим исследованиям, так как расходы на национальную экономику относятся в основном к инвестиционным государственным расходам, чей мультипликатор выше в долгосрочной перспективе [9].

³ «Шоковым», внеплановом, в терминах бюджетного процесса можно описать как вследствие поправок в первоначальную версию закона о бюджете.

*Рис. 3 / Fig. 3. Импульсные функции отклика ВВП на фискальный шок в размере 1% /
Impulse functions of the GDP response to a fiscal shock of 1%*

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: – пунктирные линии – границы 90%-ного доверительного интервала / dotted lines are the boundaries of the 90% confidence interval.

Таблица 4 / Table 4

**Мультипликаторы совокупных государственных расходов и налоговых поступлений, % /
Multipliers of total government expenditures and tax revenues, %**

Показатель	Среднеквартальный отклик		Пиковый квартальный отклик за 3 года	Кумулятивный отклик	
	за 1-й год	за 3 года		за 1-й год	за 3 года
Совокупные государственные расходы	0,087*	0,049*	0,133*	0,348*	0,584*
Совокупные налоговые поступления	-0,115*	-0,045*	-0,129*	-0,457*	-0,509*

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – показатель значим на 10%-ном уровне / the indicator is significant at the 10% level.

Динамика совокупного выпуска в ответ на шок «силовых» государственных расходов схожа с реакцией выпуска на шок расходов на национальную экономику, однако амплитуда этого эффекта ниже.

Мультипликатор государственных расходов на развитие человеческого капитала является статистически незначимым на любом горизонте. Отсутствие статистически значимого влияния рассматриваемого шока может объясняться долгосрочностью эффекта от расходов этого типа. Видимо, ввиду недостаточной глубины модели эта зависимость не обнаруживается. В любом случае краткосрочное и среднесрочное стимулирование экономики через государственные расходы этого типа оказывает крайне ограниченный эффект.

Шок расходов на социальную политику имеет наиболее выраженный краткосрочный эффект среди всех функциональных разделов бюджетных расходов. Средний прирост совокупного выпуска в первый год после рассматриваемого шока составляет 0,363% ежеквартально. Итоговый совокупный прирост ВВП за первый год после шока оценивается в 1,354%. Однако после IV квартала эффект шока затухает, статистически значимого среднесрочного эффекта не обнаруживается. Высокое значение краткосрочного мультипликатора данной категории расходов соответствует экономической теории. Расходы на социальную политику прежде всего нацелены на поддержку наименее защищенных и обеспеченных слоев населения, часто имеющих высокую предель-

Таблица 5 / Table 5

Мультипликаторы государственных расходов в разрезе функциональных разделов, % /
Multipliers of government expenditures by functional categories, %

Показатель	Среднеквартальный отклик		Пиковый квартальный отклик за 3 года	Кумулятивный отклик	
	за 1-й год (1 st year)	за 3 года (for 3 years)		за 1-й год (1 st year)	за 3 года (for 3 years)
Расходы на национальную экономику	0,057	0,153*	0,284*	0,234	1,922*
«Силловые» расходы	0,023	0,127*	0,281*	0,114	1,457*
Расходы на развитие человеческого капитала	0,008	0,005	0,019	0,033	0,058
Расходы на социальную политику	0,363*	0,249	0,488*	1,354*	2,956
Прочие расходы	0,073	0,064	0,129	0,292	0,730

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – показатель значим на 10%-ном уровне / the indicator is significant at the 10% level.

ную склонность к потреблению из располагаемого дохода. При этом следует понимать, что расходы на социальную политику составляют порядка трети всех государственных расходов, в связи с чем мультипликатор совокупных расходов в заметной степени зависит от влияния именно социальных расходов на ВВП. В то же время значение мультипликатора совокупных расходов в краткосрочной перспективе меньше, чем у мультипликатора расходов на социальную политику, так как он учитывает умеренное (или даже незначительное) влияние других направлений государственного финансирования.

Мультипликатор прочих расходов, которые включают расходы на общегосударственные вопросы, ЖКХ, охрану окружающей среды и СМИ, не является статистически значимым. К этой категории традиционно относятся наименее производительные расходы.

Таким образом, государственные расходы на социальную политику наилучшим образом подходят для краткосрочного (в течение года) стимулирования экономики. В среднесрочной перспективе наблюдается статистически значимое влияние расходов на национальную экономику и «силловых» расходов. При этом эффективность расходов на национальную экономику с точки зрения стимулирования совокупного выпуска оказывается выше.

ВЫЯВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ДИНАМИКУ ВВП

Используя рассчитанные финансовые мультипликаторы, можно довольно условно оценить влияние изменений бюджетно-налоговой политики (в том числе в части изменения структуры расходов бюджета расширенного правительства) на динамику ВВП.

С момента начала СВО в 2022 г. и нарастания санкционного давления государственный бюджет начал адаптироваться к новым вызовам и приоритетам, определенным руководством страны. Преимущественно это коснулось расходной части, в особенности касательно наращивания «силловых» расходов за счет роста совокупных расходов и перераспределения структуры бюджета. Трансформация же налоговой базы зависит от изменения структуры ВВП, и для ее адаптации требуется гораздо больше времени. Принципиальные пиковые изменения структуры бюджета прогнозируются Минфином России на 2024 г. В связи с этим имеет смысл выяснить, как эти изменения (по сравнению с докризисным 2021 г.) повлияют на динамику совокупного выпуска.

Таблица 6 / Table 6

Изменение структуры БРП / GGB structure modification

Показатель	2021		2024		
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб. 2021 г.	% ВВП	прирост к 2021 г.
Доходы, всего	48 082	35,5%	51 335	37,1%	6,8%
Непроцентные расходы, всего	45 875	33,9%	51 058	36,8%	11,3%
в том числе:					
«Силовые» расходы	6079	4,5%	11 070	8,1%	82,1%
Развитие человеческого потенциала	10 982	8,1%	11 485	8,2%	4,6%
Социальная политика	15 960	11,8%	15 912	11,5%	-0,3%
Национальная экономика	7236	5,3%	6780	4,9%	-6,3%
Прочие	5618	4,2%	5811	4,1%	3,4%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В табл. 6 представлено изменение показателей БРП на 2024 г. согласно ОНБНТГП.

Согласно табличным данным, в 2024 г. рост непроцентных расходов бюджета расширенного правительства составит 11,3% в реальном выражении по сравнению с 2021 г., на фоне прироста доходов на 6,8%. Структура расходов бюджета при этом существенно смещается в сторону «силовых» трат как за счет выделения дополнительного финансирования, так и вследствие сокращения в реальном выражении расходов на национальную экономику и социальную политику. В этом смысле изменение структуры бюджета частично соответствует типичному для России сценарию направлений бюджетной консолидации, рассмотренному в первой части настоящей работы, характерному, например, для 2011 и 2018 гг.

Так как рассматриваются годовые изменения, в качестве мультипликатора бюджетных расходов будем использовать значения столбца «кумулятивный отклик за 1-й год» из табл. 4, 5. Расчет соответствующих изменений реального ВВП представлен в табл. 7.

В первой части табл. 7 представлены расчеты изменений совокупного выпуска, вызванные исключительно изменениями в объеме совокупных

расходов и доходов бюджета. То есть в этих расчетах структура БРП предполагается неизменной на уровне 2021 г. Согласно данным результатам, наращивание совокупных государственных расходов в 2024 г., по сравнению с 2021 г., приведет к росту ВВП на 3,93%. Сопутствующий рост доходов, который при расчетах интерпретируется как рост именно налоговой нагрузки, снизит ВВП на 3,11%. Таким образом, совокупное изменение выпуска составит 0,82%.

Если же учесть изменение структуры расходов бюджета (нижняя часть табл. 7), стимулирующий эффект государственных расходов существенно сокращается — с 3,93% без учета изменения структуры до 1,72% прироста ВВП, т.е. в 2,3 раза. Это в первую очередь связано с недофинансированием национальной экономики. Как отмечалось ранее, по результатам оценки «силовые» расходы являются менее производительными, чем расходы на национальную экономику. С учетом отрицательного эффекта роста доходов (-3,11% ВВП) совокупный эффект БНП из-за изменения структуры расходов становится отрицательным и приводит к снижению выпуска на 1,39%.

Стоит отметить, что в сценарии Минфина России предполагается, что в 2024 г., по сравнению с 2021 г., доходы вырастут меньше, чем расходы, т.е. дефицит

**Оценка влияния изменений бюджетно-налоговой политики на совокупный выпуск /
The assessment of the modification impact in fiscal policy on aggregate output**

Показатель	Изменение 2024 к 2021
Изменения ВВП без учета изменения структуры расходов	
Совокупное изменение реального ВВП	0,82%
В том числе вызванное изменениями в объеме:	
– совокупных реальных доходов	–3,11%
– совокупных реальных расходов	3,93%
Изменения ВВП с учетом изменения структуры расходов	
Изменение реального ВВП, вызванное изменениями в объеме совокупных реальных расходов	1,72%
В том числе вызванное изменениями в объеме:	
– расходов на национальную экономику	–0,20%
– «силовых» расходов	2,04%
– расходов на социальную политику	–0,13%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

бюджета усугубится. В связи с этим велика вероятность, что консолидация бюджета будет носить более жесткий характер, что в условиях новых вызовов выразится в еще большем урезании «незащищенных» расходов.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что перераспределение структуры бюджета в сторону менее производительных расходов снижает их стимулирующий потенциал для экономики. С учетом необходимости изыскания финансирования для этих расходов влияние подобного бюджетного маневра на динамику ВВП может оказаться негативным.

ВЫВОДЫ

VAR-моделирование имеет ряд ограничений, связанных в основном с тем, что модель строится на исторических данных и учитывает присущие им закономерности. В случае существенного изменения экономической конъюнктуры, которая меняет характер наблюдаемых ранее закономерностей, значения рассчитываемых на основе такой модели мультипликаторов могут также измениться. Одно из возможных решений этой проблемы — оценка модели с переключающимися режимами, в зависимости от стадии экономического цикла. В этой области находится потенциал будущих исследований.

Кроме того, прогнозируемые VAR-моделью импульсные отклики, которые лежат в основе расчета мультипликаторов, имеют вероятностный характер, т.е. при расчетах используется лишь наиболее вероятное (медианное) значение мультипликатора. Для увеличения уверенности в полученных значениях необходимо рассматривать более длинные ряды данных, что для современной российской истории не представляется возможным.

Однако даже на основе использованной методологии применения VAR-моделирования на российских данных видно, какие фискальные мультипликаторы были характерны для БРП до начала мобилизационной трансформации бюджета. В частности, рассчитанные с использованием BVAR-модели на данных 2004–2021 гг. мультипликаторы совокупных налогов и непроцентных расходов подтверждают наличие значимого влияния бюджетно-налоговой политики на ВВП. При этом мультипликаторы государственных расходов на развитие человеческого капитала и прочих расходов — статистически не значимы. Государственные расходы на социальную политику наилучшим образом подходят для краткосрочного стимулирования экономики. В среднесрочной перспективе наблюдается статистически значимое положительное влияние «силовых» расходов и расходов на национальную

экономику, при этом эффективность последних оказывается заметно выше.

Расчетным путем было установлено, что запланированные изменения объема и структуры БРП в 2024 г., по сравнению с 2021 г., могут привести к снижению совокупного выпуска на 1,39%. Нарастание государственных расходов, безусловно, стимулирует выпуск, однако изменение их структуры вследствие смещения в сторону менее производительных снижает данный эффект в 2,3 раза, что с учетом растущих налоговых изъятий из экономики может привести к итоговому негативному эффекту на совокупный выпуск. Иначе говоря, подтверждается гипотеза о том, что перераспределение структуры бюджета в сторону менее производительных расходов снижает их стимулирующий потенциал для экономики, причем не важно, в каких экономико-

политических условиях это происходит — в условиях СВО и санкций или в периоды бюджетной консолидации.

Таким образом, с учетом нарастающей потребности государства изыскивать дополнительное финансирование посредством увеличения налоговой нагрузки, ожидаемое изменение бюджетных параметров в 2024 г. может негативным образом сказаться на вкладе бюджетно-налоговой политики в динамику темпов роста ВВП в России. Безусловно, данные изменения вызваны объективными внешнеполитическими факторами, однако следует учитывать возможность дальнейшего снижения роли бюджета как фактора стимулирования совокупного выпуска в случае продолжительного сохранения или ухудшения подобной структуры.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

REFERENCES

1. Ke-young Chu, Gupta S., Clements B., Hewitt D., Lugaresi S., Schiff J, Schuknecht L., Schwartz G. Unproductive public expenditures: A pragmatic approach to policy analysis. IMF Pamphlet Series. 1995;(48). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/pam/pam48/pam4801.htm>
2. Kudrin A., Sokolov I. Fiscal maneuver and restructuring the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(9):5–27. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2017–9–5–27
3. Kneller R., Bleaney M.F., Gemell N. Fiscal policy and growth: Evidence from OECD countries. *Journal of Public Economics*. 1999;74(2):171–190. DOI: 10.1016/S 0047–2727(99)00022–5
4. Ramey V.A. Ten years after the financial crisis: What have we learned from the renaissance in fiscal research? *Journal of Economic Perspectives*. 2019;33(2):89–114. DOI: 10.1257/jep.33.2.89
5. Zubairy S. On fiscal multipliers: Estimates from a medium scale DSGE model. *International Economic Review*. 2014;55(1):169–195. DOI: 10.1111/iere.12045
6. Christiano L., Eichenbaum M., Rebelo S. When is the government spending multiplier large? *Journal of Political Economy*. 2011;119(1):78–121. DOI: 10.1086/659312
7. Christiano L.J., Eichenbaum M., Evans C.L. Nominal rigidities and the dynamic shock to monetary policy. *Journal of Political Economy*. 2005;113(1):1–45. DOI: 10.1086/426038
8. Blanchard O., Perotti R. An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output. *The Quarterly Journal of Economics*. 2002;117(4):1329–1368. DOI: 10.1162/003355302320935043
9. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the output responses to fiscal policy. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2002;4(2):1–27. DOI: 10.1257/pol.4.2.1
10. Ilzetzki E., Mendoza E.G., Végh C.A. How big (small?) are fiscal multipliers? *Journal of Monetary Economics*. 2013;60(2):239–254. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2012.10.011
11. Vlasov S., Derugina E. Fiscal multipliers in Russia. Bank Rossii. Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniakh. 2018;(28). URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/33264/wp28.pdf> (In Russ.).

12. Nelson C.R. The prediction performance of the FRB-MIT-PENN model of the US economy. *The American Economic Review*. 1972;62(5):902–917.
13. Romer C.D., Romer D.H. The macroeconomic effects of tax changes: Estimates based on a new measure of fiscal shocks. *The American Economic Review*. 2010;100(3):763–801. DOI: 10.1257/aer.100.3.763
14. Ramey V.A. Identifying government spending shocks: It's all in the timing. *The Quarterly Journal of Economics*. 2011;126(1):1–50. DOI: 10.1093/qje/qjq008
15. Ramey V.A., Zubairy S. Government spending multipliers in good times and in bad: Evidence from US historical data. *Journal of Political Economy*. 2018;126(2):850–901. DOI: 10.1086/696277
16. Kudrin A., Knobel A., Fiscal policy as a source of economic growth. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):5–26. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2017–10–5–26
17. Zyablitskiy I., Estimating fiscal multipliers in Russian economy. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = The HSE Economic Journal*. 2020;24(2):268–294. DOI: 10.17323/1813–8691–2020–24–2–268–294
18. Bańbura M., Giannone D., Reichlin L. Large Bayesian vector auto regressions. *Journal of Applied Econometrics*. 2010;25(1):71–92. DOI: 10.1002/jae.1137
19. Kadiyala K.R., Karlsson S. Numerical methods for estimation and inference in Bayesian VAR models. *Journal of Applied Econometrics*. 1997;12(2):99–132. DOI: 10.1002/(SICI)1099–1255(199703)12:2<99::AID-JAE 429>3.0.CO;2-A
20. Blake A., Mumtaz H. Applied Bayesian econometrics for central bankers. London: Bank of England; 2012. 222 p. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/ccbs/resources/applied-bayesian-econometrics-for-central-bankers-updated-2017.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илья Александрович Соколов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
Ilya A. Sokolov — Leader Research Assoc., Financial University, Moscow, Russia; Research Assoc., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-0431-4993>
 sokolov@iep.ru

Евгений Олегович Матвеев — младший научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
Evgeniy O. Matveev — Junior Research Assoc., Financial University, Moscow, Russia; Research Assoc., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2727-6192>
 Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 Matveev@iep.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.10.2023; после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 16.10.2023; revised on 05.11.2023 and accepted for publication on 20.11.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-79-86
УДК 338(045)
JEL F10

Антиинфляционная политика в России и меры, направленные на снижение волатильности инфляции

В.Н. Засько, О.И. Донцова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ инфляционных процессов в России и факторов, влияющих на их динамику; определение перспектив и тенденций снижения инфляции; исследование комплекса мер, направленных на регулирование инфляционных процессов в Российской Федерации. Авторы пишут о том, что РФ необходимо уделить внимание антиинфляционной политике; при этом учитывать не только монетарные, но и немонетарные рычаги и следовать современным тенденциям [1, 2]. Этого можно достичь с помощью слаженной работы органов государственной власти и их сотрудничества с кредитными организациями, соблюдения принципа простоты и публичности, повышения финансовой грамотности населения и принятия во внимание всех доступных возможностей информационного общества. Реализуя данные меры, государство способно более эффективно влиять на проведение антиинфляционной политики. Материалы научного исследования могут быть полезны специалистам в экономической сфере, ученым, аспирантам, магистрантам.

Ключевые слова: промышленность; экономический рост; макроэкономика; волатильность; инфляция; безработица

Для цитирования: Засько В.Н., Донцова О.И. Антиинфляционная политика в России и меры, направленные на снижение волатильности инфляции. 2023;17(4):79-86. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-79-86

ORIGINAL PAPER

Anti-inflationary Policy in Russia and Steps for Reducing the Volatility of Inflation

V.N. Zas'ko, O.I. Dontsova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Inflation as a process of monetary depreciation is a debatable issue for many theorists. It is formed under the influence of various reasons: monetary emission, increased government spending, global crises, budget deficit, monopoly of big companies on price determination, trade union monopoly, and others. There are many types of inflation, which are classified depending on a specific feature (the rate of price growth, the nature of the flow, causes, etc.). The paper concludes the need to focus more attention on anti-inflationary policy, while considering not just monetary levers but also non-monetary levers, follow modern trends and look for better mechanisms. The results caused actions of a well-coordinated mechanism of public authorities and their cooperation with credit organizations, the principle of simplicity and publicity, improving financial literacy of the population and considering all available opportunities in the information society. By implementing these steps, the state can more effectively influence to bring about anti-inflationary policy. The materials of scientific research can be useful to specialists in the economic field, scientists, postgraduates, undergraduates.

Keywords: industry; economic growth; macroeconomics; volatility; inflation; unemployment

For citation: Zas'ko V.N., Dontsova O.I. Anti-inflationary policy in Russia and steps for reducing inflation volatility. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):79-86. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-79-86

ВВЕДЕНИЕ

Инфляция, несомненно, считается негативным явлением, а ее последствия могут носить как экономический, так и социальный характер. Она становится причиной разрушения функционирования хозяйственных связей, дезорганизует экономические процессы. Капиталы переходят из сферы производства в сферу обращения, активизируется спекуляция, возникает коррупция и теневая экономика. Более того, появляются существенные проблемы в функционировании кредитно-денежной системы. Это происходит потому, что люди предпочитают вкладывать свои накопления в недвижимость и товары из-за обесценивания национальной валюты. Появляется вероятность, что выплаченная заемщиком через определенное количество лет сумма будет иметь меньшую ценность, чем выданный кредит. Также ухудшаются товарно-денежные отношения, актуализируются бартерные сделки и прямой обмен продуктами. Как следствие, деньги начинают утрачивать функцию накопления. Более того, международные экономические отношения также испытывают на себе отрицательные последствия инфляции. Снижается конкурентоспособность и вывоз национальных товаров, уменьшается приток иностранного капитала и увеличивается импорт товаров из-за рубежа.

Рассматривая социальные последствия инфляции, следует выделить следующие. Во-первых, значительно падает уровень жизни, так как доходы остаются прежними, а вследствие подорожания товаров и услуг люди не могут позволить себе приобрести такое же количество благ. Помимо этого, обесцениваются уже существующие денежные сбережения населения, растет уровень безработицы. У населения снижается мотивация к эффективной рабочей деятельности, растет разрыв между богатыми и бедными, усиливается социальное напряжение в обществе.

В единичных случаях инфляция может сказаться на экономике не только в негативном, но и в положительном ключе, — главным фактором здесь является то, на чьей стороне находится субъект экономических отношений, и с какой скоростью происходят изменения. К примеру, для части населения, имеющей в распоряжении материальные активы, оцениваемые в валюте (собственность, складские товары), некоторые инфляционные процессы обернутся позитивно, так как они повысят цену их активов, которые могут быть реализованы

по более высокому курсу. В то же время покупатели этих активов воспринимают инфляцию крайне негативно, так как они вынуждены заплатить больше за товар прежнего качества.

Оптимальный уровень инфляции зачастую приветствуется для того, чтобы в некоторой степени стимулировать свои расходы, а не сбережения, так как, если покупательная способность денег постепенно снижается, следует тратить их в ближайшее время, а не откладывать на долгий срок. Данная деятельность является стимулом экономической активности в государстве. Такой сбалансированный подход поможет поддержать уровень инфляции в приемлемом диапазоне.

Что касается высоких темпов инфляции, они, безусловно, сказываются крайне негативно на экономике страны. Экономические субъекты должны принимать во внимание последствия инфляции, чтобы рационально планировать покупку или продажу активов. Естественно, это создает неопределенность, так как высока вероятность определить будущий уровень инфляции ошибочно [3].

Все ресурсы, требующиеся соответствующим органам для исследования и оценки экономического поведения, на которое влияет ожидаемое повышение уровня цен, характеризуются значимыми издержками. Когда в экономику приходят новые деньги, которыми распоряжаются организации или домохозяйства, и процесс корректировки ценового уровня продолжается, цены на товары растут неравномерно. Соответственно, экономическое равновесие нарушается, что является причиной циклов спада в экономике.

Таким образом, инфляция может стать причиной серьезных экономических издержек с точки зрения эффективного функционирования механизма обмена, так как возможно появление неверных стимулов к накоплению сбережений, инвестированию, изменению объемов производства. Государство обязано следить за текущим уровнем инфляции и делать все возможное, чтобы попытки снизить ее темпы не обернулись экономическим спадом. Ни одно государство не застраховано от инфляции, — она может быть спровоцирована не зависящими от страны факторами.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СНИЖЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ В РОССИИ

Разработка прогнозирования инфляции — одна из главных задач Министерства экономического развития РФ. Страна, несомненно, имеет нужные

Таблица / Table

**Прогнозы темпов инфляции по моделям Eco-1 и Web-1 /
Inflation rate forecasts based on Eco-1 and Web-1 models**

Прогнозный период	Фактический темп инфляции	Прогноз темпов инфляции	
		по модели Eco-1	по модели Web-1
Ноябрь 2017	0,22	0,1567	0,2269
Декабрь 2017	0,42	0,3174	0,4265
Январь 2018	0,31	0,0065	0,3141
Средняя ошибка аппроксимации прогноза, %	-	50,4	2,0

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ресурсы для того, чтобы достичь соответствующих показателей, ежегодно увеличивать объем инвестиций в экономику, повышать уровень заработной платы, преумножать имеющиеся накопления, но это возможно только при низком уровне инфляционных темпов. Более того, у РФ уже есть положительный опыт снижения инфляции в 2016 г.

Для совершенствования системы прогнозирования необходимо:

1. Четкое и структурированное взаимодействие органов государственной власти и Банка России.

2. Принятие во внимание принципа демократичности и простоты в регулировании, обеспечение доступности и прозрачности методов для населения (например, осуществление открытых опросов в экономическом секторе с целью анализа фактической ситуации в экономике и выявления скрытых угроз).

3. Гарантия доступных кредитов для организаций. Здесь следует обратить внимание на упрощение схем одобрения кредитов и запуск кредитных линий с низкими процентными ставками. У большинства предприятий отсутствуют нужные объемы финансирования, а спрос на производимую ими продукцию высок.

4. Своевременное планирование и прогноз не только инфляционных, но и дефляционных процессов. Важно учитывать зарубежный опыт и, в случае необходимости, сотрудничать с экспертным сообществом.

5. Повышение уровня финансовой грамотности населения. Граждане, безусловно, несут ответственность за личное планирование и инвестирование, от их финансовых решений могут зависеть экономические процессы. К примеру, при низкой

инфляции население способно увеличить свои доходы при помощи накопления денежных средств. При снижении ставок по ипотечному кредитованию возможно инвестировать накопления в недвижимость. Также в последнее время большинство людей предпочитают краткосрочные займы, но часть из них не справляется со своевременным погашением обязательств ввиду недостаточной финансовой грамотности, что создает трудности для государства. Те, кто открывает банковские вклады, выступая в роли инвестора для регулятора, имеют представление о финансовой грамотности и поддерживают государство.

Современным способом прогнозирования инфляции становятся не только традиционные, но и нейросетевые методы [4]. Так, с помощью программы RStudio была создана нейронная сеть Web-1, эффективность которой доказана в сравнении с другой эконометрической моделью — Eco-1 (см. таблицу). Данную модель следует изучать подробнее и уделять ей должное внимание.

Таким образом, чтобы прогнозы становились точнее, следует использовать разнообразные теоретические подходы к моделированию ценовой динамики и принимать своевременные решения. Также важно учитывать политический курс, от которого зависит уровень национальной конкурентоспособности, и обеспечивать совокупное влияние вышеперечисленных факторов, чтобы сдерживать инфляцию и общий уровень цен. Однако нужно понимать, что инфляция является не до конца изученным явлением, она сложно контролируема и зависит от всех диспропорций в социальной и экономической сфере, поэтому для ее успешного прогнозирования и регулирования необходимо сосредоточиться на всех необходимых аспектах.

Основываясь на недавнем опросе Банка России, можно сделать вывод, что аналитики существенно ухудшили свои прогнозы о темпах инфляции в текущем году вследствие сложной политической обстановки и влияния санкций на реальный сектор. Российская экономика переживает тяжелые времена и сокращается на рекордную со времен СССР величину в объеме — более 9% ВВП. В 2023 г. ожидается понижение медианного прогноза до 7,6%, а в 2024 г. — до 5%¹.

Совокупное применение вышеперечисленных мер способно сдерживать инфляцию. Однако, учитывая текущую политическую обстановку и уменьшение темпов роста экономики, следует понимать, что оценки преодоления социально-экономических последствий инфляции в настоящее время весьма пессимистичные, поэтому важно сосредоточиться на корректировке параметров макроэкономического прогноза.

МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА СНИЖЕНИЕ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ИНФЛЯЦИИ

Инфляция характеризуется достаточно высокой волатильностью, то есть изменчивостью, которая негативно воздействует на макроэкономические показатели по двум основным причинам. Во-первых, она приводит к нерациональным решениям экономических агентов, так как обладает высокой неопределенностью. Во-вторых, волатильность влияет на нарушение ценообразования, которое отрицательно воздействует на распределение ресурсов. С 2000 г. в экономике была зафиксирована тенденция к понижению волатильности, 2008–2009 и 2015 гг. характеризуются периодами ее повышения, а в 2016–2017 гг. колебания сократились [5]. Важно отметить, что волатильность инфляции в большей степени связана с различием и колебанием цен на продовольственные товары, однако следует рассмотреть все сегменты, где необходимо применять меры по ее снижению.

СОКРАЩЕНИЕ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ

Волатильность цен на продукты питания происходит вследствие влияния немонетарных факторов. Здесь важно принимать меры, способствующие укреплению устойчивости предложения, улучшению качества продукции, чтобы снизить

¹ Макроэкономический опрос Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 20.05.2023).

возможные потери и увеличить сроки хранения, влияя таким образом на сферу производства и логистики. Несмотря на то что сегодня существуют и развиваются различные программы государственной поддержки агропромышленной сферы², следует сделать акцент на строительстве различных хранилищ для улучшения объема поставок и привлечения местных производителей из сферы сельского хозяйства и оптово-распределительных центров, которые могут способствовать развитию логистики и переработки сырья. Данные объекты позволят минимизировать отрицательные влияния сезонного характера и сохранить поставки и в урожайные, и в неурожайные периоды. Также следует выделять средства на поддержку проектов объектами инфраструктуры и актуализировать возможность применения налоговых льгот.

МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЦЕН НА НЕПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ

Одним из факторов, влияющих на волатильность цен на непродовольственные товары, выступает динамика курса отечественной валюты. Волатильность рубля объясняется зависимостью от экспорта, большую часть которого составляют энергетические товары. Должный метод, положительно воздействующий на курс рубля, — использование производных финансовых инструментов (ПФИ), но ими важно эффективно управлять. ЦБ РФ работает над сокращением издержек обеспечения ПФИ (учитывая уровень конкуренции), повышением их предложения. В данный момент особенно актуально предоставлять данные услуги с помощью современных мобильных технологий, чтобы облегчить связь потребителей и организаций. Всевозможные способы улучшения системы доступа к ПФИ должны повлиять на их востребованность в обществе [6].

МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЦЕН НА УСЛУГИ

ЖКХ, несомненно, играет важную роль, если говорить об уровне потребительских цен, — по нему можно судить о волатильности инфляции в сфере услуг. Далее следует рассматривать рынок туризма, так как в этом случае акцент делается на динамике

² Доклад Центрального банка. О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности. URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/25502/nfi.pdf> (дата обращения: 09.06.2023).

курса рубля. Говоря о волатильности цен на услуги, нужно рассматривать меры по улучшению функционирования механизма естественных монополий, в особенности в части того, что касается прозрачности и публичности их деятельности. Также необходимо предусмотреть меры по взысканию просроченных сумм долга организаций перед поставщиками жилищно-коммунальных услуг, чтобы повлиять на прибыльность предприятий [7, 8].

МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВЛИЯНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Несовершенная конкуренция — достаточно важный немонетарный фактор, от которого также зависит повышение общего уровня цен. Уже с 2015 г. субъекты РФ занимаются воплощением в жизнь ключевых пунктов положения Стандарта о конкуренции. В настоящее время Банк России заинтересован в сотрудничестве с Правительством и Федеральной антимонопольной службой для улучшения мониторинга влияния несовершенной конкуренции на инфляцию и другие макроэкономические процессы.

В широком смысле всю антиинфляционную политику государства можно охарактеризовать как особый комплекс мер. Важно отметить, что первоначальным шагом в условиях кризиса является определение природы инфляции и ее истоков.

Существуют модели антиинфляционной политики, различающиеся в виду разных методов регулирования, применяемых инструментов, ожидаемых результатов и других факторов. ЦБ РФ отталкивается от совокупности обстоятельств, выбирая тот или иной метод. Наиболее распространенными считаются следующие виды антиинфляционной политики:

1. Дефляционная политика, подразумевающая процесс ограничения спроса массы денег для повышения доходов бюджета и сокращения покупательной способности.

Во-первых, государство не допускает поступление новых денег в экономику, увеличивая процентную ставку с учетом резкого падения курса рубля. Однако данный метод замедляет экономический рост. Во-вторых, ЦБ имеет право менять норму обязательных резервов: при ее увеличении уменьшается ссудный потенциал банковской системы, что отрицательно воздействует на совокупный объем денежной массы. В-третьих, Банк России проводит операции на открытом рынке, чтобы влиять на денежную массу: продажа ценных бумаг уменьшает объем средств в экономике, а их покупка, наоборот,

увеличивает резервы коммерческих банков, т.е. увеличивает кредит и предложение денег. Таким образом, борьба с инфляцией напрямую связана с политикой «дорогих» денег, которая направлена на сокращение их предложения. Несмотря на то что данные меры способствуют снижению инфляции, могут сократиться и совокупные расходы, — в этом случае падает реальный доход и растет уровень безработицы. Опасность «дорогих» денег заключается в возможности возникновения стагфляции, когда падают доходы и растет безработица.

Важно уделить внимание совершенствованию налоговой системы — модернизации процесса взимания налогов; контролю налоговых платежей, включенных в производственные затраты и влияющих на рост цен; улучшению техники налогообложения.

2. Политика доходов, направленная против инфляции издержек, когда государство следит за оплатой труда граждан и контролирует возрастание цен, регулируя цены на товары, которые социально значимы для общества, с помощью субсидий, государственных закупок, займов, эмбарго. Также государство контролирует соотношение темпов роста цен и заработных плат с помощью соглашений с предпринимателями, иногда используется «замораживание» заработных плат.

3. Политика стабилизации курса отечественной валюты в целях сохранения доверия населения. В РФ данный метод борьбы с инфляцией очень распространен, так как страна достаточно сильно зависит от экспорта. Благодаря закреплению курса на определенном уровне возможность его падения снижается. Правительство оказывает влияние на инвесторов, важных игроков рынка.

4. Денежные реформы — достаточно жесткие меры, применяемые вместе с другими методами антиинфляционной политики. Они подразумевают под собой ввод новой валюты и вывод старой, пострадавшей от обесценения, из обращения и могут проявляться в виде девальвации и ревальвации.

5. Политика индексации, направленная на улучшение благосостояния граждан и осуществляемая с помощью индексации пенсий, пособий, заработных плат, носящая адаптивный и приспособленческий характер.

Наиболее эффективными мерами по борьбе с инфляцией в России являются следующие: укрепление отечественной валюты, создание плавного роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги, сни-

жение цен на нефтепродукты для промышленных производств, контроль за осуществлением честной конкуренции на рынке товаров и услуг для роста объема предложения и снижения цен, увеличение пошлин на импортные товары для повышения спроса на отечественные. Чтобы конкретнее описать применяемые в РФ антиинфляционные механизмы, следует проанализировать их в соответствии с периодами инфляции.

В Российской Федерации для преодоления инфляции в 90-е гг. XX в. использовались следующие методы: ограничения на рост денежной массы, продажа государственных ценных бумаг, завышение курса отечественной валюты. Однако в те времена данные меры использовались для решения других проблем. К примеру, из-за массовых невыплат зарплат сократилась налоговая база в государстве. Также увеличился уровень безработицы, — в 1998 г. он был больше 13%. В то время Банк России проводил политику, направленную на усовершенствование работы банковской системы.

В 2004 г. в РФ была создана антимонопольная служба, которая играла важную роль в борьбе с инфляцией, если ее порождал монополизм. Более того, вследствие продажи нефти и газа Правительство стремилось предотвратить рост массы денег. Также в 2004 г. был сформирован Стабилизационный фонд, который позже стал называться Фондом национального благосостояния, способный оказать поддержку в случае неожиданного падения отечественной валюты. Кроме того, в стране осуществлялись программы по стимулированию предложения, которые включали в себя развитие сельского хозяйства и промышленности.

В 2008 г., после изменения ситуации в экономике вследствие мирового финансового кризиса, была осуществлена постепенная девальвация рубля. Антиинфляционная политика, проводимая вплоть до 2009 г., помогла снизить темпы инфляции после тяжелого периода 90-х гг., так как правительство приняло во внимание ошибки, совершенные в прошлом. В последующие годы применяются те же методы — Банк России продолжает наблюдать за уровнем инфляционных ожиданий, опрашивая население.

На современном этапе в комплекс антиинфляционных мер Правительства РФ включается: проведение валютных операций Банком России на финансовых рынках; регулирование уровня процентных ставок рефинансирования; осуществление на межбанковском уровне валютных ин-

тервенций для того, чтобы удержать курс рубля, не допуская превышения темпов роста инфляции девальвацией.

Рассматривая влияние инфляционного таргетирования в РФ в период пандемии, нужно отметить, что впервые такой режим был введен Банком России в 2015 г., когда таргетом была установлена величина инфляции в размере 4%. Как итог, уже в 2017 г. ее темпы снизились до 2,52% (что явилось рекордом), а в 2018 г. она достигла величины таргета. В 2019 г. Банк России проводил жесткую монетарную политику. Следует уделить внимание мерам, проводимым государством в период пандемии: так, в 2019–2020 гг. наблюдается снижение ключевой ставки ЦБ РФ в целях поддержания экономики в период кризиса [9, 10]. В 2020 г. Банк России в первый раз заявил о стимулирующей денежно-кредитной политике, ключевая ставка была понижена до 4,25%. Таким образом в течение 2020 г. инфляция не вышла за пределы таргета³.

Однако данных мер недостаточно для того, чтобы побороть рост инфляции в 2023 г. Следует внедрить дополнительные механизмы — использовать значения реальной процентной ставки для определения промежуточных целей антиинфляционных мер. Государству же необходимо оказывать помощь коммерческим банкам в сфере кредитования реального сектора национальной экономики и проводить более точное прогнозирование [11]. В нынешней ситуации, когда инвестиционный климат значительно ухудшился и упал платежеспособный спрос населения, ЦБ решил понизить ставку до 7,5% в целях замедления темпов инфляции и укрепления отечественной валюты.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то что главный эмиссионный орган страны активно использует достаточное количество механизмов влияния на масштабы денежного обращения и стоимость денег, доказывая свою способность противостоять инфляции, нельзя говорить об отсутствии деструктивности в экономике. Банк России не может в одиночку контролировать инфляцию, кредитно-денежная политика напрямую связана с иными видами экономической политики и экономическим состоянием го-

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/87362/on_2019\(2020–2021\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/87362/on_2019(2020–2021).pdf)

сударства, поэтому важно уделять внимание дополнительным антиинфляционным мерам, таким как: обобщение существующих механизмов, использование значения реальной ставки процента, предоставление финансовой помощи коммерческим банкам с целью облегчения кредитования реального экономического сектора и др. Несмотря на то что каждое государство самостоятельно принимает решение о целесообразности проведения той или иной антиинфляционной политики, не существует таких совершенных методов регулирования темпов инфляции, которые бы полностью избавили экономику от всех негативных последствий.

Ответственным лицам необходимо совершенствовать уже существующие механизмы регулирования инфляции: контролировать слаженную работу государственных органов, основываясь на принципе

демократичности; своевременно прогнозировать инфляционные и дефляционные процессы; повышать финансовую грамотность населения; использовать нейронные методы; улучшать механизмы логистики; регулировать применение ПФИ; модернизировать взаимодействие с ФАС и другими органами власти. Для того чтобы стабилизировать в стране ситуацию с инфляцией, следует четко определять антиинфляционную политику, основываясь на причинах возникновения и факторах данного явления. Универсального способа справиться с инфляцией не существует. При разработке совокупности антиинфляционных механизмов правительство должно уделять внимание специфике инфляции в государстве, его экономическому развитию на данном и предыдущих этапах, так как политика, подходящая одной стране, может оказаться неэффективной для другой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зиннатов А. А. Монетарные и немонетарные факторы инфляции в Российской Федерации. *Современные научные исследования и разработки*. 2019;(1):456–458.
2. Зубайдуллина Д. В., Файзуллина Д. Д. Особенности современного регулирования инфляции в России. *Colloquium-journal*. 2019;(26–9):158–159.
3. Вострикова А. С., Ашурова Г. Б., Минина Ю. В. Тенденции развития инфляции в Российской Федерации. *Вестник современных исследований*. 2020;(7–4):10–14.
4. Балацкий Е. В., Юревич М. А. Использование нейронных сетей для прогнозирования инфляции: новые возможности. *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2018;17(5):823–838. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.5.037
5. Кыйгасова А. Н. Инфляция в России: монетарные и немонетарные факторы. *Научно-практические исследования*. 2020;(3–3):33–35.
6. Лионов А. Ю. Особенности инфляции в Российской Федерации. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2020;(5–1):184–187.
7. Кодзасова О. М. Инфляция: сущность, первопричины и виды. *Вестник научной мысли*. 2021;(3):23–29. DOI: 10.34983/DTPB.2021.11.56.001
8. Примышев И. Н. Основные этапы российской инфляции: их характеристика и особенности. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2020;(11):133–140. DOI: 10.26425/1816–4277–2020–11–133–140
9. Григорьева Е. В. Таргетирование инфляции в России: проблемы и противоречия. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку*. 2016;(4):70–76.
10. Карнафель А. А. Инфляция в России: специфика, инфляция в период пандемии коронавируса, прогнозы. *Материалы Ивановских чтений*. 2020;(3):94–105.
11. Качанова Л. С., Ветвинская А. И. Повышение эффективности системы минимизации инфляционных рисков при обеспечении финансовой безопасности Российской Федерации. *Инновационная наука*. 2021;(11–1):49–51.

REFERENCES

1. Zinnatov A. A. Monetary and non-monetary factors of inflation in the Russian Federation. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 2019;(1):456–458. (In Russ.).
2. Zubaydullina D. V., Fayzullina D. D. Features of modern inflation regulation in Russia. *Colloquium-journal*. 2019;(26–9):158–159. (In Russ.).

3. Vostrikova A. S., Ashurova G. B., Minina Yu. V. Trends in the development of inflation in the Russian Federation. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 2020;(7–4):10–14. (In Russ.).
4. Balatskiy E. V., Yurevich M. A. Application of neural networks for forecasting inflation: New opportunities. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. 2018;17(5):823–838. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.5.037
5. Kyigasova A. N. Inflation in Russia: Monetary and non-monetary factors. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*. 2020;(3–3):33–35. (In Russ.).
6. Lionov A. Yu. Features of inflation in the Russian Federation. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki = Sciff. Issues of Students' Science*. 2020;(5–1):184–187. (In Russ.).
7. Kodzasova O. M. Inflation: Essence, first causes and kinds. *Vestnik nauchnoi mysli = Bulletin of Scientific Thought*. 2021;(3):23–29. (In Russ.). DOI: 10.34983/DIIPB.2021.11.56.001
8. Primyshev I. N. Main stages of Russian inflation: Their characteristics and features. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2020;(11):133–140. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2020–11–133–140
9. Grigor'eva E. V. Inflation targeting in Russia: Problems and contradictions. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku = The REU Bulletin. Introduction. The Road to Science*. 2016;(4):70–76. (In Russ.).
10. Karnafel A. A. Inflation in Russia: specifics, inflation during the coronavirus pandemic, forecasts. *Materialy Ivanovskikh chtenii*. 2020;(3):94–105. (In Russ.).
11. Kachanova L. S., Vetvinskaya A. I. Increasing the efficiency of the system for minimizing inflation risks while ensuring the financial security of the Russian Federation. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*. 2021;(11–1):49–51. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вадим Николаевич Засько — доктор экономических наук, профессор, декан факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия
Vadim N. Zas'ko — Dr. Sci (Econ.), Prof., Dean of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0901-9720>
Vadim_zasko@mail.ru

Олеся Игоревна Донцова — кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента экономической теории; ведущий научный сотрудник Института финансово-промышленной политики факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Olesya I. Dontsova — Cand. Sci (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Economic Theory Department; Leading Researcher at the Institute of Financial and Industrial Policy, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7924-2111>
Автор для корреспонденции / Corresponding author:
OIDontsova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.07.2023; после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 20.09.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 13.07.2023; revised on 20.08.2023 and accepted for publication on 20.09.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-87-97
УДК 330.59(045)
JEL D31

Дифференциация регионов по уровню жизни населения

Р.В. Фаттахов^а, М.М. Низамутдинов^б, В.В. Орешников^с

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия;

^с Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность проведенной работы обуславливается важностью проблем повышения уровня жизни и благосостояния населения России, а также снижения бедности. Высокая степень дифференциации регионов страны также создает дополнительные риски, связанные с формированием нежелательных миграционных потоков как населения, так и бизнеса. Вместе с тем авторы показывают, что, являясь лидером в одном направлении, регион может существенно отставать в других. Поэтому требуется определить, насколько взаимосвязаны различные показатели уровня жизни в субъектах Российской Федерации. Методы исследования базируются на анализе показателей уровня жизни населения регионов России. В частности, проведен анализ текущих и ретроспективных значений, сопоставление значений показателей в различных регионах страны, корреляционный и кластерный анализы. Для расчетов сформированы интегральные показатели развития регионов по 5 направлениям, характеризующим уровень жизни населения. Результаты проведенного анализа показали, что между 22 выделенными частными показателями уровня жизни в подавляющем большинстве случаев отсутствует значимая линейная корреляция. Перспективы исследования заключаются в дальнейшем определении путей улучшения ситуации с учетом специфики соотношения различных показателей уровня жизни.

Ключевые слова: уровень жизни; регионы России; оценка; корреляционный анализ; кластерный анализ; дифференцированность развития; группировка; интегральный показатель

Для цитирования: Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Дифференциация регионов по уровню жизни населения. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):87-97. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-87-97

ORIGINAL PAPER

Differentiation of Regions According to the Standard of Living of the Population

R.V. Fattakhov^а, M.M. Nizamutdinov^б, V.V. Oreshnikov^с

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia;

^с Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ABSTRACT

The relevance of this work is determined by the important problems of improving living standards in Russia, increasing the welfare of the population, and reducing poverty. High differentiation of the country's regions also creates additional risks associated with forming undesirable migration flows of both population and business. Studies show that while being a leader in one area, a region may lag in other areas. It is necessary to determine how interrelated the various indicators of living standards in the subjects of the Russian Federation are. The research methods are based on the analysis of indicators of living standards of the population of Russian regions. In particular, the authors analyzed current and retrospective values, compared the values of indicators in different regions of the country, correlation and cluster analysis. The study formed integral indicators of regional development in five areas that characterize the population's living standard to carry out calculations. The analysis results showed that there is no significant linear correlation between 22 selected private indicators of living standards in the vast majority of cases. The prospects of the study lie in further identification of ways to improve the situation, considering the specifics of the ratio of various indicators of living standards.

© Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В., 2023

Keywords: living standards; Russian regions; assessment; correlation analysis; cluster analysis; differentiation of development; grouping; integral indicator

For citation: Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Differentiation of regions according to the standard of living of the population. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):87-97. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-87-97

ВВЕДЕНИЕ

Уровень жизни населения в регионах Российской Федерации определяется множеством разнородных факторов и может быть оценен с использованием различных показателей. В первую очередь к ним относят характеристики доходов населения. Вместе с тем частные финансовые показатели не могут в полной мере отразить все особенности развития региона [1]. Кроме того, следует понимать, что фактически уровень жизни населения определяется не столько величиной доходов как таковых, а тем набором благ, которые оно может себе позволить приобрести. В целом это согласуется с положениями А.К. Сена, выдвигавшего ряд доводов в пользу рассмотрения не только финансовых показателей [2]. Так, следует отметить использование антропометрических данных [3]; показателей потребления энергии [4], конкурентоспособности стран [5]; субъективных оценок [6] и т.д. Кроме того, измерение уровня жизни несколько различается в зависимости от того, кто или что является объектом управления — отдельный человек, регион или страна в целом [7].

В связи с этим требуется учитывать другие составляющие уровня жизни, включая структуру расходов, обеспеченность домохозяйств жильем, автомобилями, предметами долгосрочного использования, а также возможность реализации потребностей населения на данной территории [8]. Таким образом, актуальным является вопрос о том, в какой степени различные показатели, характеризующие уровень жизни населения региона, взаимосвязаны между собой и насколько однородны регионы России по совокупности данных параметров.

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Анализ параметров уровня жизни населения регионов Российской Федерации осуществлен на основе данных, представленных Федеральной службой государственной статистики¹. Ключевым

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.09.23).

показателем, используемым для характеристики уровня жизни населения, является величина среднемесячных денежных доходов. В целом по Российской Федерации за период с 2010 по 2021 г. данный показатель возрос в 2,12 раза. Следует отметить, что имело место существенное различие в темпах роста отдельных территорий страны. Так, если в Южном федеральном округе они увеличились в 2,31 раза, то в Уральском — только в 1,84 раза. При этом наибольший рост был зафиксирован в Магаданской области (в 2,91 раза). Но исследователи замечают, что «не стоит забывать, что с увеличением минимального размера оплаты, увеличиваются и цены на продукты питания, недвижимость, коммунальные услуги и прочее. Процент населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума также увеличивался с 2012 до 2017 г. [9]. Повышение уровня доходов отразилось на величине расходов населения. И здесь лидером также является Южный федеральный округ (2,67 раза), а аутсайдером — Уральский (2,11 раза). Вместе с тем на региональном уровне наибольший рост был зафиксирован в Республике Чечня (в 4,14 раза). Имеются различия в структуре потребления, которые являются «одним из показателей потребительского поведения населения» [10].

В свою очередь, это должно было отразиться на обеспеченности населения различными материальными благами. Однако, если брать показатель «количество легковых автомобилей на 1000 человек населения», мы видим, что наиболее существенный рост за указанный период наблюдался в Приволжском федеральном округе (1,62 раза), а лидером на региональном уровне стала Волгоградская область (2,15 раза). При этом по росту среднедушевых доходов и потребительских расходов она находилась в шестом десятке.

Аналогичные противоречия наблюдаются при анализе уровня развития регионов России, достигнутого в тот или иной период времени. Так, по состоянию на 2021 г. Рязанская область являлась лидером по уровню обеспеченности населения жильем (35,2 м²/чел.), в то время как по уровню доходов на душу населения данный субъект Рос-

сийской Федерации занимал лишь 48 позицию. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении прочих показателей социально-экономического развития регионов страны. Следует отметить, что и за рубежом подобные проблемы также присутствуют [11, 12]. Как отмечается исследователями, «в настоящее время по итогам работы международной комиссии Стиглица-Сена-Фитусси общепринятой стала точка зрения о недостаточности использования для измерения социального благополучия только эконометрических индикаторов, таких как среднедушевые показатели ВВП, национального дохода или государственных расходов на здравоохранение» [13].

Исходя из этих и других предпосылок, можно заключить, что уровень доходов населения, хоть и является важным показателем уровня жизни в регионе, нуждается в дополнении другими параметрами. Одним из них выступает величина расходов, отражающая фактическое использование населением финансовых ресурсов [14]. Анализ соотношения данных параметров показывает, что, по данным за 2021 г., величина денежных доходов в среднем на душу населения в месяц в Ставропольском крае лишь на 1,0 тыс. руб. превышает объем потребительских расходов, в Краснодарском крае — на 1,3 тыс. руб. При этом в Чукотском автономном округе аналогичный показатель — 67,1 тыс. руб., в Ненецком автономном округе — 52,7 тыс. руб., в Москве 25,7 тыс. руб. Парадоксальная ситуация складывается в Тюменской области. Так, в среднем по региону остаток составляет 15,9 тыс. руб., однако в Ямало-Ненецком автономном округе он достигает 56,7 тыс. руб., а в Тюменской области (без учета автономных округов) наблюдается отрицательное значение показателя: –1,5 тыс. руб., т.е. расходы превышают доходы. Фактически это говорит о том, что территории получения и использования дохода не совпадают. При этом коэффициент линейной корреляции Пирсона между величиной доходов и потребительских расходов в регионах России в 2021 г. составил 0,81. Так, несмотря на то, что Москва и Санкт-Петербург — одни из лидеров по величине доходов, в данных регионах наблюдается существенное расслоение населения по данному критерию (оценка по таким показателям, как соотношение среднего и медианного дохода, коэффициент фондов, коэффициент Джини), а также отставание от среднероссийских показателей по уровню обеспеченности жильем.

Вместе с тем остается открытым вопрос: насколько изменение данного показателя коррелирует с динамикой других показателей, характеризующих уровень жизни населения?

Противоречивость позиций субъектов Российской Федерации в различных рейтингах отмечается и в рамках других исследований. Примером является индекс социального благополучия, формируемый Фондом развития гражданского общества. Величина данного показателя определяется как отношение средней заработной платы к стоимости «потребительской корзины». В соответствии с представленными данными по состоянию на III квартал 2022 г., лидеры рейтинга — Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра². В то же время данные регионы не являются лидерами по величине миграционного прироста, который отражает фактическое отношение населения к той или иной территории, уровню ее привлекательности с точки зрения проживания.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что, несмотря на наличие логической взаимосвязи между разнородными показателями, отражающими уровень жизни в регионах Российской Федерации, зачастую количественная оценка их динамики не совпадает. В рамках проведенного исследования были рассмотрены 22 показателя, отражающие уровень жизни населения с точки зрения наличия взаимосвязи между ними и взаимообусловленности их изменений (табл. 1).

Данное ранжирование демонстрирует колоссальную разницу в позициях, занимаемых одним и тем же регионом по различным показателям. Так, для одного и того же субъекта России в 2021 г. лучшая позиция в рейтинге находится на 72 пункта выше, чем худшая. При этом учтено, что для ряда показателей увеличение значений следует трактовать как ухудшение ситуации (например, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, коэффициент фондов и др.).

РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

В рамках проведенного исследования была сформирована корреляционная матрица на основе

² Индекс социального благополучия (III квартал 2022). URL: <http://civilfund.ru/mat/144> (дата обращения: 21.08.2023).

Таблица 1 / Table 1

Показатели, характеризующие уровень жизни населения /
Indicators characterizing the standard of living of the population

Обозначение	Наименование показателя
X_1	Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму
X_2	Отношение заработной платы к прожиточному минимуму
X_3	Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму
X_4	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума
X_5	Отношение потребительских расходов к прожиточному минимуму
X_6	Доля расходов населения на покупку товаров и оплату услуг
X_7	Потребление мяса и мясопродуктов
X_8	Удельный вес расходов населения на оплату ЖКХ
X_9	Численность профессорско-преподавательского состава на 1000 чел. населения
X_{10}	Численность врачей на 1000 чел. населения
X_{11}	Численность зрителей театров на 1000 чел. населения
X_{12}	Оборот розничной торговли на душу населения
X_{13}	Оборот общественного питания на душу населения
X_{14}	Число собственных легковых автомобилей
X_{15}	Число посудомоечных машин на 100 домохозяйств
X_{16}	Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств
X_{17}	Число телевизоров на 100 домохозяйств
X_{18}	Обеспеченность жильем
X_{19}	Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом
X_{20}	Соотношение среднего и медианного денежного дохода населения
X_{21}	Коэффициент фондов
X_{22}	Коэффициент Джини

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

данных по субъектам Российской Федерации в 2021 г. Из представленной таблицы видно, что коэффициент линейной корреляции Пирсона лишь в 11 случаях превышает отметку с 0,75 (табл. 2). При этом большинство случаев связаны с оценкой уровня неравенства доходов населения, т.е. относятся к одной группе. Во многом это определяется тем, что для формирования показателей X_{20} , X_{21} и X_{22} («Соотношение среднего и медианного денежного дохода населения», «Коэффициент фондов» и «Коэффициент Джини» соответственно) фактически используется общий набор исходных параметров и все они отражают схожую характеристику региона. Однако обращает на себя внимание тот факт, что иногда корреляция между указанными и иными показателями из представленной выборки различна. Например, взаимосвязь с таким параметром, как «Отноше-

ние среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму» колеблется от 0,81 до 0,83.

Исходя из анализа корреляционной матрицы, не представляется возможным исключить из дальнейшего исследования значимое число параметров, находящихся в функциональной зависимости или имеющих сильную корреляцию друг с другом. Схожие результаты были получены и другими исследователями. В частности, отмечается, что «выявление взаимосвязи между экономической динамикой и уровнем жизни населения путем проведения статистического и корреляционного анализ не дало однозначных результатов» [15]. В связи с этим дальнейшее исследование целесообразно проводить с учетом всей совокупности представленных показателей.

Выделенные показатели могут быть логически разделены на 5 укрупненных групп:

Таблица 2 / Table 2

Корреляционная матрица / Correlation matrix

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}	X_{11}	X_{12}	X_{13}	X_{14}	X_{15}	X_{16}	X_{17}	X_{18}	X_{19}	X_{20}	X_{21}	X_{22}
X_1	1,00	0,80	0,09	-0,83	0,69	-0,25	-0,13	0,20	0,19	0,48	0,32	0,78	0,64	0,15	0,60	0,23	0,43	0,16	0,45	0,82	0,83	0,81
X_2		1,00	0,02	-0,58	0,42	-0,37	-0,19	0,16	0,13	0,64	0,45	0,63	0,65	0,10	0,62	0,17	0,40	-0,05	0,28	0,68	0,68	0,66
X_3			1,00	-0,30	0,37	0,37	0,08	0,02	0,14	-0,15	0,07	-0,08	-0,43	0,27	-0,19	0,21	-0,02	0,48	0,16	-0,12	-0,13	-0,11
X_4				1,00	-0,75	-0,05	0,03	-0,38	-0,17	-0,33	-0,21	-0,77	-0,48	-0,36	-0,47	-0,46	-0,58	-0,50	-0,50	-0,49	-0,49	-0,49
X_5					1,00	0,51	0,17	0,14	0,38	0,18	0,27	0,80	0,15	0,36	0,38	0,27	0,26	0,43	0,37	0,48	0,48	0,50
X_6						1,00	0,28	-0,04	0,26	-0,34	0,04	0,15	-0,50	0,30	-0,18	0,19	-0,13	0,40	-0,03	-0,34	-0,36	-0,31
X_7							1,00	0,07	0,18	-0,15	-0,05	0,03	-0,36	0,21	-0,28	-0,12	-0,02	0,33	-0,05	-0,19	-0,20	-0,16
X_8								1,00	0,04	0,14	0,02	0,34	0,21	0,27	0,05	0,28	0,42	0,40	0,18	0,11	0,10	0,12
X_9									1,00	0,41	0,54	0,20	-0,08	0,04	0,27	0,14	0,06	0,05	0,18	0,13	0,13	0,14
X_{10}										1,00	0,53	0,39	0,54	-0,09	0,46	0,08	0,31	-0,16	0,30	0,44	0,44	0,44
X_{11}											1,00	0,23	0,28	0,02	0,35	0,23	0,07	-0,11	0,16	0,24	0,24	0,24
X_{12}												1,00	0,53	0,33	0,61	0,28	0,53	0,30	0,29	0,64	0,63	0,64
X_{13}													1,00	-0,12	0,60	0,14	0,47	-0,18	0,21	0,63	0,64	0,62
X_{14}														1,00	0,09	0,19	0,07	0,47	0,19	0,00	0,00	0,01
X_{15}															1,00	0,18	0,46	-0,14	0,24	0,49	0,50	0,46
X_{16}																1,00	0,34	0,32	0,13	0,12	0,12	0,13
X_{17}																	1,00	0,32	0,19	0,18	0,19	0,17
X_{18}																		1,00	0,08	-0,10	-0,11	-0,08
X_{19}																			1,00	0,21	0,22	0,20
X_{20}																				1,00	1,00	1,00
X_{21}																					1,00	0,99
X_{22}																						1,00

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

- Показатели доходов.
- Показатели расходов.
- Показатели развития социальной инфраструктуры.
- Показатели имущества.
- Показатели равномерности распределения благ.

Влияние отдельных из выделенных групп на те или иные составляющие уровня жизни и социальное развитие территории рассматривались и ранее [16], однако оценка комплексного воздействия требует дополнительного изучения. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что между указанными группами при исследовании всей совокупности выделенных показателей не прослеживается четкой статистической взаимосвязи. Вместе с тем это может быть связано с наличием регионов, отличающихся друг от друга по совокупности параметров. Для исследования данной

гипотезы представляется необходимым провести кластерный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Несмотря на то что кластерный анализ относится к многомерным методам, использование 22 показателей для его проведения представляется излишним, поскольку полученные результаты трудно логически интерпретировать из-за высокой вариации комплекса факторов. Столь значительное число переменных при наборе наблюдений, ограниченном количеством субъектов Российской Федерации, может привести к некорректному использованию данного метода. В связи с этим предварительно были определены интегральные оценки развития регионов с точки зрения уровня жизни населения по выделенным ранее группам.

В первую группу вошли показатели X_1, X_2, X_3, X_4 , во вторую — X_5, X_6, X_7, X_8 , в третью — X_9, X_{10}, X_{11} ,

Таблица 3 / Table 3

**Весовые характеристики показателей первой группы («Доходы населения») /
Weighting characteristics of the indicators of the first group (“Personal income”)**

Наименование показателя	Обозначение показателя	Весовая характеристика показателя
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму	X_1	0,681
Отношение заработной платы к прожиточному минимуму	X_2	0,601
Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму	X_3	0,352
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	X_4	0,678

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. / Fig. Вертикальная дендрограмма по регионам РФ /
Vertical dendrogram by regions of the Russian Federation

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

X_{12} , X_{13} , в четвертую — X_{14} , X_{15} , X_{16} , X_{17} , X_{18} , X_{19} , в пятую — X_{20} , X_{21} , X_{22} .

Для определения интегрального показателя по каждому из направлений были рассчитаны средневзвешенные значения частных показателей. Базой для определения весовых характеристик стали коэффициенты корреляции между ними. Непосредственно расчет значения показателя по направлению осуществляется с применением формулы (1).

$$L_i^k = \sum_{j=1}^1 Y_{ij} * m_j^k / \sum_{j=1}^1 Y_{ij} m_j^k, \quad (1)$$

где L_i^k — значение k -й группы показателей уровня жизни по i -му региону;

Y_{ij} — нормированное значение j -го показателя по i -му региону;

m_j^k — весовая характеристика j -го показателя в k -й группе.

Весовые значения для показателей первой группы в 2021 г. представлены в табл. 3. По остальным группам они определены аналогичным способом.

Таким образом, был сформирован комплекс из пяти интегральных показателей, характеризую-

Таблица 4 / Table 4

Состав и краткая характеристика кластеров / Composition and brief characterization of clusters

№ кластера	Регионы	Типовые характеристики
1	г. Москва (0,19), г. Санкт-Петербург (0,24), Тюменская (0,21), Магаданская (0,08) области, Ненецкий (0,15), Ханты-Мансийский (0,14), Ямало-Ненецкий (0,19), Чукотский (0,12) автономные округа	Имеет место высокий уровень доходов населения, а также высокий уровень обеспеченности имуществом долгосрочного использования. При этом наблюдается максимальная среди регионов России степень дифференцированности населения по доходам. Для ряда регионов (кроме городов федерального значения) также свойственны относительно низкие показатели расходов населения и наблюдается затруднение с доступом к объектам социальной инфраструктуры
2	Белгородская (0,09), Воронежская (0,05), Липецкая (0,08), Московская (0,08), Ростовская (0,06), Нижегородская (0,05), Свердловская (0,03), Новосибирская (0,09), Амурская (0,11), Сахалинская (0,09) области, Тюменская (без автономных округов) (0,08) области, Республики Адыгея (0,1), Башкортостан (0,03), Татарстан (0,08), Саха (Якутия) (0,13), Краснодарский (0,12), Пермский (0,05), Красноярский края (0,08)	Регионы данного кластера отстают от лидеров по величине доходов населения, однако данное отставание ниже, чем в большинстве других субъектов страны. При этом перераспределение доходов обеспечивает высокие позиции по объему расходов на душу населения и наличию имущества. Наблюдается средний уровень доступности социальной инфраструктуры (по этому показателю данный кластер уступает лишь 1 кластеру, в который входят г. Москва и Санкт-Петербург). Вместе с тем в регионах данной группы более высокая дифференциация населения, чем в регионах 3-го и 4-го кластеров
3	Брянская (0,08), Владимирская (0,08), Ивановская (0,02), Калужская (0,06), Костромская (0,09), Курская (0,07), Орловская (0,03), Рязанская (0,04), Смоленская (0,11), Тамбовская (0,02), Тверская (0,06), Тульская (0,06), Ярославская (0,06), Вологодская (0,04), Калининградская (0,06), Ленинградская (0,09), Мурманская (0,1), Новгородская (0,06), Псковская (0,06), Астраханская (0,06), Волгоградская (0,03), Кировская (0,08), Оренбургская (0,04), Пензенская (0,04), Самарская (0,07), Саратовская (0,05), Ульяновская (0,04), Челябинская (0,05), Иркутская (0,05), Кемеровская (0,05), Омская (0,08), Томская (0,06) области, Республики Карелия (0,06), Коми (0,08), Северная Осетия – Алания (0,06), Марий Эл (0,06), Мордовия (0,03), Удмуртия (0,06), Чувашия (0,06), Хакасия (0,09), Крым (0,07), Архангельская область без автономного округа (0,07), г. Севастополь (0,06), Ставропольский (0,05), Алтайский (0,07), Камчатский (0,13), Приморский (0,08), Хабаровский (0,07) края	Регионы, входящие в данный кластер, в целом характеризуются средним или несколько ниже среднего уровнем доходов населения. Кроме того, наблюдаются проблемы с доступом к объектам социальной инфраструктуры. Вместе с тем ситуация по величине расходов на душу населения может быть оценена как благополучная, что обеспечивает высокие показатели по наличию у населения имущества долгосрочного пользования. При этом имеет место невысокая степень дифференцированности населения по величине доходов
4	Архангельская (0,12), Курганская (0,08) области, Республики Калмыкия (0,06), Дагестан (0,14), Ингушетия (0,15), Кабардино-Балкария (0,07), Карачаево-Черкессия (0,1), Чечня (0,06), Алтай (0,09), Тыва (0,12), Бурятия (0,06), Забайкальский край (0,05), Еврейская автономная область (0,11)	В отношении регионов, входящих в четвертый кластер, наблюдается низкий уровень доходов, неразвитость социальной инфраструктуры. В большинстве случаев показатели обеспеченности имуществом также оказываются ниже среднероссийского уровня. При этом зачастую показатели расходов – выше ожидаемого, а степень дифференциации населения по доходам не столь высока

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

щих развитие регионов Российской Федерации по отдельным направлениям оценки уровня жизни. На следующем этапе исследований был проведен кластерный анализ. Для оценки «естественных» кластеров, которые могут быть экспертно осмыслены, была построена дендрограмма (см. рисунок). При этом в качестве правила объединения выбран метод полной связи, а в качестве меры близости — евклидово расстояние.

По результатам полученных данных было выделено 4 кластера. Методом k -средних проведен анализ, результаты которого представлены в табл. 4. В скобках указано расстояние от центра кластера. Учитывая особенности расчета показателей, расстояние между кластерами может достигать значения 1,4.

Результаты кластерного анализа показывают, что в России сложилось несколько групп регионов, отличающихся не только по уровню жизни, но и по сочетанию отдельных составляющих. Несмотря на наличие некоторых противоречий, данные группы в целом могут быть логически интерпретированы. Так, обращает на себя внимание относительно высокое значение расстояния от центра в отношении регионов 1-го кластера. Это обуславливается фактическим включением в его состав двух достаточно разнородных групп — городов федерального значения и ряда регионов северной части страны и Дальнего Востока [17].

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показал, что в Российской Федерации на сегодняшний день наблюдается высокая степень дифференцированности регионов страны по всем параметрам социально-экономического развития, которые могут быть рассмотрены в качестве индикаторов уровня жизни населения. Одновременно с этим позиции самих регионов в частных рейтингах существенно различаются: являясь лидером в одной области, регион может характеризоваться крайне низкими позициями в других. Корреляционный анализ подтвердил отсутствие значимой статистической взаимосвязи между большинством показателей при рассмотрении всей совокупности регионов страны. Подобная ситуация может быть обусловлена наличием групп регионов со схожими характеристиками. В рамках исследования было выделено 4 кластера, существенно отличающихся друг от друга по совокупности исследуемых параметров. Подобные различия обуславливают необходимость разработки мер государственной политики, учитывающих выявленные особенности, а также влияние происходящих трансформаций в сфере демографии [18], экономики [19, 20] и т. д. На наш взгляд, подобный подход позволит повысить эффективность данных мер.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Строев П. В., Фаттахов Р. В. Пространственное развитие России в современных реалиях. *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2022;(2):99–109. DOI: 10.47309/2713–2358_2022_2_99_109
2. Dutta I., Pattanaik P. K., Xu Y. On measuring deprivation and the standard of living in a multidimensional framework on the basis of aggregate data. *Economica*. 2003;70(278):197–221. DOI: 10.1111/1468–0335.t01–1–00279
3. Steckel R. H. Biological measures of the standard of living. *Journal of Economic Perspectives*. 2008;22(1):129–152. DOI: 10.1257/jep.22.1.129
4. Joyeux R., Ripple R. D. Household energy consumption versus income and relative standard of living: A panel approach. *Energy Policy*. 2007;35(1):50–60. DOI: 10.1016/j.enpol.2005.10.012
5. Madzík P., Piteková J., Daňková A. Standard of living as a factor of countries' competitiveness. *Procedia Economics and Finance*. 2015;34:500–507. DOI: 10.1016/S 2212–5671(15)01660–3
6. Egger D., Miguel E., Warren S. S. et al. Falling living standards during the COVID-19 crisis: Quantitative evidence from nine developing countries. *Science Advances*. 2021;7(6): eabe0997. DOI: 10.1126/sciadv.abe0997

7. Gaertner W., Xu Y. A new class of measures of the standard of living based on functionings. *Economic Theory*. 2008;35(2):201–215. DOI: 10.1007/s00199-007-0229-4
8. Глебова И. С., Габдрахманова А. И. Уровень бедности как индикатор качества жизни в регионах России: сравнительный анализ. *Общество и цивилизация*. 2023;5(1):32–36.
9. Королёва Н. В., Гарамян Ю. А. Оценка динамики уровня жизни населения Российской Федерации. *The Scientific Heritage*. 2020;(43–3):20–25.
10. Черемисина Н. В., Черемисина Т. Н. Доходы населения — важнейший индикатор уровня жизни населения региона. *Управленческий учет*. 2021;(8–1):143–151.
11. McCann Ph. Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*. 2020;54(2):256–267. DOI: 10.1080/00343404.2019.1619928
12. Omar M. A., Inaba K. Does financial inclusion reduce poverty and income inequality in developing countries? A panel data analysis. *Journal of Economic Structures*. 2020;9(1):37. DOI: 10.1186/s40008-020-00214-4
13. Максимов А. М., Тутыгин А. Г., Малинина К. О., Чижова Л. А., Блынская Т. А. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(2):138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9
14. Малахов А. В., Жахов Н. В. Статистико-экономический анализ уровня жизни населения в Российской Федерации. Проблемы и перспективы развития статистики на современном этапе. Мат. межрегион. науч.-практ. конф. Курск: Курская ГСХА им. И.И. Иванова; 2016:13–19.
15. Сычева М. С. Экономическая динамика и уровень жизни населения: взаимосвязь и влияние на налоговую политику. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020;(8):196–203. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10968
16. Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Моделирование и прогнозирование влияния развития социальной инфраструктуры на межрегиональную миграцию в России. *Экономика промышленности*. 2021;14(4):471–480. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-4-471-480
17. Смирнова Л. Я., Шамаев А. М. Экономическая безопасность страны: угрозы и направления ее обеспечения. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2020;16(3):27–30.
18. Орешников В. В. Перспективы развития системы расселения в Российской Федерации. *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2022;18(4):27–34. DOI: 10.22213/2618-9763-2022-4-27-34
19. Афанасьева А. А., Закупнев С. Л. Изменение уровня жизни населения РФ в связи с пандемией и наложением санкционных ограничений. *Тенденции развития науки и образования*. 2023;(99-4):42–46. DOI: 10.18411/trnio-07-2023-199
20. Губанова Е. В., Соколова И. С. Влияние санкций на российский бизнес. *Вестник Калужского университета*. 2016;(3):24–30.

REFERENCES

1. Stroeve P. V., Fattakhov R. V. Spatial development of Russia in current realities. *Ufimskii humanitarnyi nauchnyi forum = Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2022;(2):99–109. (In Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358_2022_2_99_109
2. Dutta I., Pattanaik P. K., Xu Y. On measuring deprivation and the standard of living in a multidimensional framework on the basis of aggregate data. *Economica*. 2003;70(278):197–221. DOI: 10.1111/1468-0335.t01-1-00279
3. Steckel R. H. Biological measures of the standard of living. *Journal of Economic Perspectives*. 2008;22(1):129–152. DOI: 10.1257/jep.22.1.129
4. Joyeux R., Ripple R. D. Household energy consumption versus income and relative standard of living: A panel approach. *Energy Policy*. 2007;35(1):50–60. DOI: 10.1016/j.enpol.2005.10.012
5. Madzík P., Piteková J., Daňková A. Standard of living as a factor of countries' competitiveness. *Procedia Economics and Finance*. 2015;34:500–507. DOI: 10.1016/S 2212-5671(15)01660-3
6. Egger D., Miguel E., Warren S. S. et al. Falling living standards during the COVID-19 crisis: Quantitative evidence from nine developing countries. *Science Advances*. 2021;7(6): eabe0997. DOI: 10.1126/sciadv.abe0997

7. Gaertner W., Xu Y. A new class of measures of the standard of living based on functionings. *Economic Theory*. 2008;35(2):201–215. DOI: 10.1007/s00199-007-0229-4
8. Glebova I.S., Gabdrakhmanova A.I. The level of poverty as an indicator of the quality of life in the regions of Russia: Comparative analysis. *Obshchestvo i tsivilizatsiya*. 2023;5(1):32–36. (In Russ.).
9. Koroleva N.V., Garamyan Yu.A. Assessment of the dynamics of the living standards of the population of the Russian Federation. *The Scientific Heritage*. 2020;(43-3):20–25. (In Russ.).
10. Cheremisina N.V., Cheremisina T.N. The income of the population is the most important indicator of the standard of living of the population of the region. *Upravlencheskii uchet = The Management Accounting Journal*. 2021;(8-1):143–151. (In Russ.).
11. McCann Ph. Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*. 2020;54(2):256–267. DOI: 10.1080/00343404.2019.1619928
12. Omar M.A., Inaba K. Does financial inclusion reduce poverty and income inequality in developing countries? A panel data analysis. *Journal of Economic Structures*. 2020;9(1):37. DOI: 10.1186/s40008-020-00214-4
13. Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A. Issues of the methodology for assessing social well-being in contemporary Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(2):138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022;15(2):138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9)
14. Malakhov A.V. Zhakhov N.V. Statistical and economic analysis of the standard of living of the population in the Russian Federation. In: Problems and prospects for the development of statistics at the present stage. Proc. Interregion. sci.-pract. conf. Kursk: Kursk State Agricultural Academy named after I.I. Ivanov; 2016:13–19. (In Russ.).
15. Sycheva M.S. Economic dynamics and living standards of the population: Relationship and impact on tax policy. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;(8):196–203. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10968
16. Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Modeling and forecasting the influence of social infrastructure development of interregional migration in Russia. *Ekonomika promyshlennosti = Russian Journal of Industrial Economics*. 2021;14(4):471–480. (In Russ.). DOI: 10.17073/2072-1633-2021-4-471-480
17. Smirnova L. Ya., Shamaev A.M. The economic security of the country: Threats and directions for its ensuring. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2020;16(3):27–30. (In Russ.).
18. Oreshnikov V.V. Prospects for the development of the settlement system in the Russian Federation. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika = Socio-Economic Management: Theory and Practice*. 2022;18(4):27–34. (In Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2022-4-27-34
19. Afanas'eva A.A., Zakupnev S.L. Changes in the standard of living of the population of the Russian Federation in connection with the pandemic and the imposition of sanctions restrictions. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023;(99-4):42–46. (In Russ.). DOI: 10.18411/trnio-07-2023-199
20. Gubanova E.V., Sokolova I.S. Impact of sanctions on Russian business. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta = Kaluga University Bulletin*. 2016;(3):24–30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Рафаэль Валиахметович Фаттахов — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента общественных финансов, научный руководитель Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Rafael V. Fattakhov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Public Finance, Scientific Director of the Institute of Regional Economy and Intergovernmental Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5863-7982>

fattakhov@mail.ru

Марсель Малихович Низамутдинов — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
Marsel M. Nizamutdinov — Cand. Sci. (Tech.), Assoc. Prof., Leading Researcher, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>
marsel_n@mail.ru

Владимир Владимирович Орешников — кандидат экономических наук, магистрант, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
Vladimir V. Oreshnikov — Cand. Sci. (Econ.), graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Ufa, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>
Автор для корреспонденции / Corresponding author:
VOresh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Р.В. Фаттахов — научное руководство исследованием, формирование научно-методического аппарата, обобщение выводов и заключений.

М.М. Низамутдинов — определение структуры изложения статьи, верификация научных выводов статьи.

В.В. Орешников — сбор, обобщение и систематизация статистических данных по исследуемым показателям, проведение вычислений.

Authors' contributions:

Rafael V. Fattakhov — scientific supervision of the study, formation of scientific and methodological apparatus, generalization of findings and outcomes.

Marsel M. Nizamutdinov — determining the paper's structure, verification of the scientific conclusions.

Vladimir V. Oreshnikov — collection, synthesis and systematization of statistical data on the indicators under study, performing calculations.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2023; после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 20.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.05.2023; revised on 15.07.2023 and accepted for publication on 20.08.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-98-108
 УДК 330.354(045)
 JEL O11, O40

Локомотивы роста российской промышленности в новых реалиях

Л.В. Оболенская, Н.М. Абдикеев, О.М. Абросимова
 Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обосновывается возможностями экономического роста России в современных условиях. В работе проводится анализ научной литературы, дается суммирующее представление о подходах к локомотивам или драйверам роста. В русле рассмотренных исследований используется отраслевой подход. При этом в расчет принимается значимость инвестиций, присутствующих в разных подходах. **Цель** статьи заключается в выделении отраслей российской обрабатывающей промышленности, способных при определенной государственной поддержке выступить локомотивами экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Данные отрасли рассматриваются применительно к двум взаимосвязанным задачам инвестиционной модели роста. В исследовании используются **методы** и средства экономического, логического, причинно-следственного анализа, контент-анализа, а также прогнозно-статистические оценки. **Практическая значимость** исследования состоит в определении отраслей – локомотивов роста для разработки в дальнейшем мер их стратегического развития.

Ключевые слова: локомотив роста; драйвер роста; отрасли обрабатывающей промышленности; экономический рост; промышленная политика

Для цитирования: Оболенская Л.В., Абдикеев Н.М., Абросимова О.М. Локомотивы роста российской промышленности в новых реалиях. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):98-108. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-98-108

ORIGINAL PAPER

Drivers of Russian Industrial Growth in the Face of New Reality

L.V. Obolenskaya, N.M. Abdikeev, O.M. Abrosimova
 Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The opportunities for Russia's economic growth substantiate the relevance of the research in the current conditions. The authors analyze the scientific literature and summarize the approaches to the "locomotives" or "drivers" of growth. In line with the reviewed studies, the authors use the sectoral approach. This considers the important investments presented in different approaches. The purpose of the paper is to identify the sectors of the Russian manufacturing industry that could, with certain government support, act as locomotives of economic growth in the medium and long term. The authors considered the locomotive industries in relation to two interrelated tasks of the investment model of growth. The study uses methods and tools of economic, logical, cause-and-effect analysis, content analysis, as well as forecasting and statistical assessments. The work has identified two groups of engine industries, using forecast-statistical estimates reflecting the impact of external sanctions on the Russian economy. The practical significance of the study is to define the growth driver industries for the further design of measures for the strategic development of these industries.

Keywords: growth locomotive; growth driver; manufacturing industries; economic growth; industrial policy

For citation: Obolenskaya L.V., Abdikeev N.M., Abrosimova O.M. Drivers of Russian industrial growth in the face of new reality. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):98-108. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-98-108

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме поиска локомотивов или драйверов роста российской экономики уделяется внимание в выступлениях официальных лиц, в прогнозах развития и в научных исследованиях. При этом затрагиваются разные уровни, срезы и элементы экономической системы.

Выступая на традиционной пресс-конференции в конце 2021 г., Президент Российской Федерации В. Путин обозначил три драйвера макроэкономического роста¹. Первый — сбережения населения; второй — развитие инфраструктуры, финансируемое как напрямую из бюджета, так и через нацпроекты; третий — повышение производительности труда, что нашло отражение в запуске соответствующего национального проекта. В рамках обсуждения драйверов роста министр экономического развития Российской Федерации М. Решетников выделил внутренний спрос и его составляющую — потребительский спрос². Министр отметил, что несмотря на ожидаемое снижение экспорта, на повестке дня остаются задачи его переориентации и поддержки несырьевого неэнергетического экспорта. Говоря о драйверах роста, министр отметил также роль инвестиций, рост которых остается пока в плюсовой зоне. Сегодняшним приоритетом он назвал инвестиции в промышленность и поддержку НИОКР, реализация чего в условиях дефицита связана с расширением поручительств Внешэкономбанка и различными программами государственной поддержки бизнеса. Поддержка государства призвана убрать потенциальные барьеры и снизить финансовые риски, мешающие реализации адаптационного потенциала бизнеса.

Инвестиционной составляющей роста отводится существенное место в научных исследованиях и прогнозах [1–3]. Так, в одной из работ инвестиции в основной капитал, наряду с вложениями в человеческий капитал, обозначены как первичные драйверы развития [4]. При этом анализируются возможные источники дополнительных инвестиций и вложений

в российскую экономику. В одном из исследований³ акцент делается на драйверах, стимулирующих рост инвестиций, среди которых выделяются: рост определенных рынков (внутренних или внешних), наличие возможностей для конкурирования с импортом, необходимость обновления изношенных мощностей и др. Также подчеркивается роль государственной политики в промышленном развитии страны — это касается поддержки развития образовательной системы, обеспечивающей формирование высококвалифицированных кадров, поддержки национальной платежной системы, а также создания благоприятной инвестиционной среды и т.д. [5].

В ряде источников роль потенциальных локомотивов или драйверов макроэкономического роста отводится конкретным российским регионам, при этом в качестве решающего фактора реализации потенциала выделяются региональные инвестиции. Например, А.Б. Коржук в своей статье потенциальным локомотивом макроэкономического роста называет Дальний Восток и утверждает, что необходимы инвестиции в развитие приоритетных производств и региональной инфраструктуры [6].

В других источниках подчеркивается роль конкретных отраслей как локомотивов или драйверов экономического роста. Так, объект исследования К.А. Наумова — отрасли российской обрабатывающей промышленности [7]. В качестве драйвера отраслевого роста выделяются быстрорастущие компании (газели). При помощи статистических данных показывается положительное влияние быстрорастущих компаний на развитие разных отраслей обрабатывающей промышленности. В зарубежных исследованиях рассматриваются возможности энергетики [8–10] и индустриализации [11, 12].

В некоторых работах исследуются драйверы роста высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности [13–15], подчеркивается роль инновационно-коммуникационных технологий как источника экономического роста [16, 17]. В свою очередь, высокотехнологичные отрасли могут служить драйвером роста экономики [18, 19].

Проведенный нами обзор научной литературы показывает разнообразие подходов к факторам, выделяемым в качестве локомотивов или драйверов роста, что связано с многоаспектностью экономического развития.

³ Шесть драйверов инвестиционного роста в России-2018. URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/a00/kyfylqvn570ad9oiqqmfrx01x1oyr4tr.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

¹ Путин назвал драйверы роста российской экономики. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/putin-nazval-drayvery-rosta-rossiyskoj-ekonomiki> (дата обращения: 27.04.2023).

² Максим Решетников: необходимо обеспечить качество структуры инвестиций для долгосрочного экономического роста. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_neobhodimo_obespechit_kachestvo_struktury_investitsiy_dlya_dolgosrochnogo_ekonomicheskogo_rosta.html (дата обращения: 27.04.2023).

В данной статье отрасли-локомотивы рассматриваются применительно к двум взаимосвязанным задачам инвестиционной модели роста. Первая — расширение спроса на продукцию инвестиционного назначения для роста производства и экспорта несырьевых неэнергетических товаров; вторая — рост предложения товаров инвестиционного назначения, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках. При выделении отраслей — локомотивов роста спроса и предложения принимаются в расчет: (1) их непосредственный вклад в решение одной из двух рассматриваемых задач; (2) стимулирующее воздействие на решение другой задачи. При этом учитываются среднесрочные прогнозные оценки⁴ Минэкономразвития Российской Федерации, отражающие влияние внешних санкций на российскую экономику.

В отношении роста производства отраслей промышленности в ближайшей перспективе можно согласиться с позицией, изложенной в работе [20]. В краткосрочном периоде реалистичнее ориентироваться не столько на немедленный рост производства и тем более экспорта, сколько на стабилизацию и постепенное восстановление отраслей, ставших мишенями беспрецедентных санкций.

Если речь идет о средне- и долгосрочной перспективе, то в условиях санкционного давления правильнее говорить о потенциальных локомотивах роста, которые рассматриваются в ряде научных исследований. Так, Е. В. Демидова и М. А. Олейникова в качестве потенциального драйвера экономического развития выделяют российские высокотехнологичные компании [21], а С. П. Кирильчук, С. М. Ергин, Е. В. Наливайченко, И. В. Артюхова — цифровизацию [22]. Академик РАН А. Аганбегян и другие ученые анализируют потенциальные локомотивы роста российской экономики в отраслевом разрезе [23]. В указанных работах подразумевается, что некоторые регионы, сектора или другие объекты обладают потенциалом для того, чтобы в средне- и долгосрочной перспективе выступить драйверами или локомотивами экономического роста. Авторы данной статьи придерживаются аналогичной позиции.

В сегодняшних условиях реализация потенциала российских отраслей будет зависеть от эффективности антисанкционных мер, предпринимаемых Правитель-

ством Российской Федерации, и связанной с ними скорости адаптации бизнеса к санкционным вызовам.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛОКОМОТИВЫ РОСТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ РАСШИРЕНИЯ СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Рассматривая задачу расширения спроса на продукцию инвестиционного назначения для роста производства и экспорта несырьевых неэнергетических товаров в России, необходимо отметить следующее.

В официальных прогнозах, составляемых на регулярной основе Министерством экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития РФ), под локомотивами или драйверами роста в отраслевом разрезе фактически понимаются лидеры, от которых ожидается наибольший относительный прирост объемов производства за прогнозный период. Так, до беспрецедентных санкций 2022 г. к ним относились экспортно ориентированные отрасли обрабатывающей промышленности⁵ (ряд секторов химического, металлургического и машиностроительного комплексов), а также пищевая промышленность и деревообработка.

В данной статье при выделении отраслей — локомотивов роста производства мы будем ориентироваться на подход Минэкономразвития РФ, который можно прокомментировать следующим образом. Рассматриваемые в качестве локомотивов отрасли-лидеры будут «вытягивать» экономический рост в средне- и долгосрочной перспективе за счет первичных и вторичных эффектов. Первичные эффекты проявятся в росте экономики за счет увеличения вклада (объемов производства продукции) лидирующих отраслей в сравнении с прошлым периодом. Вторичные эффекты могут проявиться в росте экономики за счет позитивного влияния отраслей-лидеров на смежные отрасли, тесно с ними связанные.

В *табл. 1* отражены индексы производства в ряде отраслей российской обрабатывающей промышленности начиная с 2018 г. Здесь не показаны отрасли машиностроения, которые будут рассмотрены отдельно. Сравнивая данные за 2021 и 2022 гг., из *табл. 1* можно увидеть, что в краткосрочном периоде беспрецедентное санкционное давление внесло негативный вклад в индексы производства отраслей — лидеров роста. В обрабатывающей промышленности индексы

⁴ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2022/10/07/Прогноз_Минэк_РФ.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

⁵ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308166/ (дата обращения: 07.04.2023).

Таблица 1 / Table 1

Индексы производства продукции в некоторых отраслях российской обрабатывающей промышленности, в % г/г. / Production indices in some branches of the Russian manufacturing sector, in % y/y.

Отрасль	Код по ОКВЭД2*	Индекс производства					
		2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021	2025/ 2021
		(факт.)					(прогноз)
Обрабатывающая промышленность	С	103,6	103,6	101,4	107,4	98,7	-
1. Химический комплекс							
1.1. Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	21	101,1	127,4	121,9	114,3	108,6	136,9
1.2. Производство химических веществ и химических продуктов	20	103,9	103,4	107,1	107,1	96,2	105,0
1.3. Производство резиновых и пластмассовых изделий	22	101,3	98,7	106,2	110,5	99,2	102,2
2. Metallургический комплекс							
2.1. Производство металлургическое	24	100,6	103,8	97,4	101,7	99,2	102,6
2.2. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	25	105,9	107,3	104,5	111,6	107,0	112,9
3. Производство пищевых продуктов	10	103,6	104,1	103,1	104,2	100,4	104,6
4. Обработка древесины и производство изделий из дерева	16	114,4	106,2	98,2	111,9	87,5	100,9

Источник / Source: рассчитано по данным Росстат, Минэкономразвития России / calculated according to data of Rosstat, Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2021.pdf; https://www.economy.gov.ru/material/file/7c5bbc232751c13c9a0af1685073009d/2023_02_01.pdf; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html; https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2022/10/07/Прогноз_Минэк_РФ.pdf

Примечание / Note: * Общероссийский классификатор видов экономической деятельности / All-Russian classifier of types of economic activity.

производства снизился со 107,4% в 2021 г. до 98,7% в 2022 г., а наиболее существенно он упал в деревообработке — с 111,9% в 2021 г. до 87,5% в 2022 г.

В ряде отраслей — лидеров 2021 г. на фоне снижения индекса производства в 2022 г. его значение все же осталось выше 100%, что нашло отражение в среднесрочных прогнозных оценках. Так, в 2025 г. по отношению к 2021 г. в число отраслей-лидеров войдут:

- фармацевтическая промышленность (136,9%);
- производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (112,9%);
- производство химических веществ и химических продуктов (105,0%);
- пищевая промышленность (104,6%).

Выделенные отрасли будем относить также к потенциальным локомотивам роста спроса на инвестиционные товары в прогнозном периоде, обусловленного объективной потребностью:

- в компенсации ускоренного физического износа основных производственных фондов, вызванного

повышением нагрузки на фоне увеличения выпуска продукции;

- в постоянном обновлении и модернизации основных производственных фондов и технологической базы для дальнейшего увеличения выпуска конкурентоспособной продукции.

Рост платежеспособного спроса может иметь отложенный характер, например, из-за недостатка собственных средств предприятия, но должен проявиться хотя бы в средне- или долгосрочной перспективе, поскольку обусловлен объективной потребностью. При этом позитивное воздействие на рост способны оказать меры государственной поддержки спроса на отечественную машиностроительную продукцию (например, при реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и инфраструктурных проектов; при закупках оборудования компаниями с государственным участием).

Дополнительный (по сравнению с прошедшими периодами) спрос на инвестиционные товары рас-

ширяет окно возможностей для сбыта. Тем самым отрасли — лидеры роста спроса порождают стимулы для роста предложения инвестиционных товаров.

При таком подходе показатель «индекс производства» рассматривается, по сути, как некий индикатор, позволяющий относить отрасли к потенциальным локомотивам роста спроса на инвестиционные товары.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛОКОМОТИВЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ РОСТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОВАРОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Рассматривая задачу роста предложения товаров инвестиционного назначения, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынке, сфокусируемся на машиностроительном комплексе как фондообразующем сегменте экономики. Согласно методологии Росстата, машиностроение наряду со строительством является основным поставщиком товаров инвестиционного назначения⁶.

Как уже говорилось, в период до беспрецедентных санкций 2022 г. Минэкономразвития РФ отнесло машиностроение вместе с некоторыми другими отраслями обрабатывающей промышленности к лидерам и локомотивам роста⁷. При этом существенное значение для реализации его потенциала отведено государственной поддержке, в том числе мерам, касающимся:

- продвижения экспорта продукции машиностроения в страны СНГ и далее зарубежье, освоения новых рынков (например, поддержки экспорта паровых и гидротурбин, а также экспорта подвижного состава на фоне ограниченности внутреннего рынка; субсидирования экспорта продукции авиастроения и др.);

- импортозамещения машиностроительной продукции (включая отраслевые планы мероприятий Минпромторга по импортозамещению в радиоэлектронной, станкоинструментальной и автомобильной промышленности, а также в отраслях нефтегазового, энергетического, сельскохозяйственного и лесного машиностроения, гражданского авиастроения и др.);

⁶ Приказ Росстата от 06.11.2014 № 635 (ред. от 28.12.2016) «Об утверждении Официальной статистической методологии исчисления индексов цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171038/

⁷ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года (разработан Минэкономразвития России). СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308166/ (дата обращения: 07.04.2023).

- организации совместных производств с зарубежными компаниями (в станкостроении, авиастроении, в транспортном машиностроении и др.);

- компенсации части затрат на НИОКР и внедрение в машиностроительном производстве;

- расширения возможностей производства в конкретных машиностроительных отраслях (например, мероприятия по развитию лизинга в судостроении и производственной базы судостроения Дальневосточного региона и в рамках ГП РФ «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений»);

- стимулирования и поддержки спроса на отечественную машиностроительную продукцию (например, при реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и инфраструктурных проектов; при закупках оборудования компаниями с государственным участием).

В табл. 2 представлены индексы производства продукции в отраслях машиностроительного комплекса. Сравнивая данные за 2021–2022 гг., можно увидеть, что в краткосрочном периоде беспрецедентное санкционное воздействие внесло негативный вклад в индексы производства отраслей — лидеров машиностроения. По машиностроению в целом индекс производства снизился со 111,8% в 2021 г. до 91,4% в 2022 г. В наибольшей степени пострадало производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов: индекс производства упал с 114,6% в 2021 г. до 55,3% в 2022 г.

В некоторых отраслях машиностроения на фоне снижения индекса производства в 2022 г. (по сравнению с 2021 г.) его значение сохранилось выше 100%, что нашло отражение в среднесрочных прогнозных оценках. Так, в 2025 г. по отношению к 2021 г. в число отраслей — лидеров машиностроения войдут:

- производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (111,7%); эта группировка соответствует коду 28 по ОКВЭД2 (производство станков для обработки металлов, машин и оборудования для сельского хозяйства, подъемно-транспортного оборудования и др.);

- производство прочих транспортных средств и оборудования (109,9%); эта группировка соответствует коду 30 по ОКВЭД2 (авиастроение, судостроение, производство железнодорожного транспорта и др.);

- производство компьютеров, электронных и оптических изделий (109,2%).

В соответствии с подходом Минэкономразвития, о котором говорилось выше, перечисленные отрасли

Таблица 2 / Table 2

**Индексы производства продукции в отраслях машиностроительного комплекса, в % г/г. /
Production indices in the machine-building complex industries, in % y/y**

Отрасль	Код по ОКВЭД2*	Индекс производства					
		2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021	2025/ 2021
		(факт.)					(прогноз)
Машиностроительный комплекс		-	-	-	111,8	91,4	-
1. Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	26	103,0	110,6	103,4	109,9	101,7	109,2
2. Производство электрооборудования	27	105,4	101,3	99,2	107,7	96,3	98,1
3. Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	28	102,4	113,5	110,0	117,1	101,9	111,7
4. Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	29	111,5	96,3	87,8	114,6	55,3	69,9
5. Производство прочих транспортных средств и оборудования	30	107,7	99,0	106,6	110,5	95,8	109,9

Источник: / Source: рассчитано по данным Росстат, Минэкономразвития России / calculated according to data of Rosstat, Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2021.pdf; https://www.economy.gov.ru/material/file/7c5bbc232751c13c9a0af1685073009d/2023_02_01.pdf; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html; https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2022/10/07/Прогноз_Минэк_РФ.pdf

Примечание / Note: * Общероссийский классификатор видов экономической деятельности / All-Russian classifier of types of economic activity.

лидеры являются локомотивами экономического роста, «вытягивая» его в прогнозном периоде за счет первичных и вторичных эффектов.

С учетом специфики машиностроительной продукции мы также будем относить данные отрасли к потенциальным локомотивам роста предложения инвестиционных товаров потребителю.

Во-первых, в прогнозном периоде они будут «вытягивать» рост предложения инвестиционных товаров за счет непосредственного вклада в него, выражающегося в дополнительном, по сравнению с прошлым периодом, предложении инвестиционной продукции на рынок.

Во-вторых, расширяя предложение отечественной машиностроительной продукции, способной конкурировать на внешнем и внутреннем рынке, отрасли-лидеры порождают стимулы для роста спроса на нее. Такие стимулирующие эффекты рассматриваются в исследованиях разных авторов [24–28]. При этом исследуются характеристики машиностроительной продукции, от которых зависит ее конкурентоспособность и стимулирующее воздействие на спрос. Среди них, прежде всего, выделяются рыночная цена и качество,

а также соответствие их сочетания потребностям клиентов [24, 25]. Существенное значение для стимулирования спроса имеет постоянное обновление машинно-технической продукции на основе НИОКР и инноваций, расширение товарного ассортимента, в том числе для новых областей применения и использования в сложных климатических условиях, например, в Арктической зоне [26–28]. Значимое место отводится также эффективной организации системы сбыта и взаимодействия с клиентами [28].

При таком подходе показатель «индекс производства» рассматривается, по сути, как некоторый индикатор, позволяющий отнести ряд машиностроительных отраслей к потенциальным локомотивам роста предложения инвестиционных товаров потребителю.

САНКЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ОТРАСЛЕЙ – ЛОКОМОТИВОВ РОСТА

Запретительные меры, связанные с санкциями, коснулись поставок важнейших технологических компонент для космической, электронной и компьютерной отраслей, а также авиа- и судостроения.

С 6 апреля 2022 г. в США введен запрет на инвестиционные вложения в российскую экономику. Он распространяется и на те случаи, когда инвестиции осуществляются не из США⁸.

В плане анализа мест воздействия можно отметить, что негативные санкционные последствия затронули разные места цепочки создания ценности в отраслях промышленности. Например, Л.И. Бушуева и В.Б. Афанасьев рассматривают три критических места, изменения в которых требуют перенастройки бизнес-модели: поставки, производственно-технологическая сфера, а также маркетинг и продажи продукции предприятия [29].

Но санкции имеют не только негативные проявления, — в некоторых исследованиях отмечаются определенные возможности, возникшие на их фоне. В частности, заслуживают внимания данные целевых опросов российских предприятий обрабатывающей промышленности⁹. Прежде всего отмечаются новые рыночные возможности для сбыта продукции, возникшие на фоне ухода ряда иностранных компаний. Этот фактор посчитали значимым некоторые предприятия химической и машиностроительной отраслей.

В целом реализация потенциала отраслей — локомотивов роста будет зависеть от эффективности мер государственной промышленной политики, учитывающей воздействие внешних санкций. Сюда входит расширение доступности кредитования на фоне недостаточности собственных средств предприятий,

уменьшение налоговой нагрузки, «расшивка» узких мест в сфере логистики и др.¹⁰

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе обзора литературы и документов можно сделать вывод о разнообразии подходов к факторам, выделяемым в качестве локомотивов или драйверов роста. Данное разнообразие вполне закономерно и определяется многоаспектностью экономического развития.

По результатам выполненного анализа можно заключить, что к потенциальным локомотивам роста спроса на продукцию инвестиционного назначения можно отнести некоторые отрасли химического и металлургического комплекса, а также пищевую промышленность; к потенциальным локомотивам роста предложения этой продукции — ряд отраслей машиностроительного комплекса. Авторами использованы среднесрочные прогнозно-статистические оценки, отражающие влияние внешних санкций на российскую экономику.

Реализация потенциала отраслей — локомотивов роста на фоне антироссийских санкций будет зависеть от ряда внешних и внутренних факторов. Значимую роль при этом играют меры промышленной политики, способные оказать положительное влияние на скорость адаптации российских предприятий к санкционным вызовам: расширение доступности кредитования, уменьшение налоговой нагрузки, «расшивка» узких мест в сфере логистики и др.

⁸ Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 25.05.2023).

⁹ URL: <https://conf.hse.ru/2023/papers> (дата обращения: 25.05.2023).

¹⁰ Предварительная оценка мер государственной поддержки российского бизнеса, пострадавшего из-за санкций. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/predvaritelnaya-otsenka-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-postradavshogo-iz-za-sank/> (дата обращения: 07.04.2023).

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оболенская Л.В. Инвестиционно-отраслевая модель промышленной политики: ключевые задачи и средства решения. *Дружковский вестник*. 2021;(5):81–95. DOI: 10.17213/2312-6469-2021-5-81-95
2. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Морев Е.Л. Современные тенденции развития механизмов государственного стимулирования обрабатывающей промышленности в развитых странах. *Мир новой экономики*. 2018;12(3):118–127. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-118-127

3. Хоменко В.В., Ружников Е.А. Инвестиционные драйверы экономического развития страны. *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2019;4(3):144–152. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-144-152
4. Аганбегян А.Г. О драйверах социально-экономического роста. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019;218(4):180–209.
5. Казанцев С.В. Стратегические подходы к обеспечению устойчивого развития экономики в условиях множественных санкций. *Мир экономики и управления*. 2022;22(2):5–22. DOI: 10.25205/2542-0429-2022-22-2-5-22
6. Коржук А.Б. Развитие российского Дальнего Востока как локомотив роста экономики страны. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2017;(3):43–48.
7. Наумова К.А. Быстрорастущие компании в промышленности как драйвер экономического роста России. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020;224(4):464–480. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-224-4-464-480
8. Khan I., Hou F., Irfan M., Zakari A., Le H.P. Does energy trilemma a driver of economic growth? The roles of energy use, population growth, and financial development. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021;146:111157. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111157
9. Singh N., Nyuur R., Richmond B. Renewable energy development as a driver of economic growth: Evidence from multivariate panel data analysis. *Sustainability*. 2019;11(8):2418. DOI: 10.3390/su11082418
10. Le T.-H., Nguyen C.P. Is energy security a driver for economic growth? Evidence from a global sample. *Energy Policy*. 2019;129:436–451. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.02.038
11. Opoku E.E.O., Yan I.K.-M. Industrialization as driver of sustainable economic growth in Africa. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2019;28(1):30–56. DOI: 10.1080/09638199.2018.1483416
12. Wang Q., Su M., Li R. Toward to economic growth without emission growth: The role of urbanization and industrialization in China and India. *Journal of Cleaner Production*. 2018;205:499–511. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.09.034
13. Рыжкова М.В., Спицын В.В. Драйверы роста и стимулирующие мероприятия по развитию высокотехнологичных отраслей. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2020;13(4):57–73. DOI: 10.18721/ЖЕ.13405
14. Морева Е.Л. Высокотехнологичные сектора на пространстве Евразийского экономического союза: проблемы и возможности регионального управления. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021;(87):140–150. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-140-150
15. Спицын В.В. Источники роста и территориальное размещение высокотехнологичных отраслей в России. *Вестник НГУЭУ*. 2019;(2):55–70. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-2-055-070
16. Vu K., Hanafizadeh P., Bohlin E. ICT as a driver of economic growth: A survey of the literature and directions for future research. *Telecommunications Policy*. 2020;44(2):101922. DOI: 10.1016/j.telpol.2020.101922
17. Сериков С.Г. Цифровые технологии: драйверы роста экономики в период пандемии COVID-19. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2022;(3):52–58.
18. Ekananda M., Parlinggoman D.J. The role of high-tech exports and of foreign direct investments (FDI) on economic growth. *European Research Studies Journal*. 2017;20(4A):194–212. URL: https://www.um.edu.mt/library/oar/bitstream/123456789/32575/1/The_Role_of_High_Tech_Exports_and_of_Foreign_Direct_Investments_2017.pdf
19. Simonen J., Svento R., Juutinen A. Specialization and diversity as drivers of economic growth. *Papers in Regional Science*. 2015;94(2):229–247. DOI: 10.1111/pirs.12062
20. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023;(1):58–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74
21. Демидова Е.В., Олейникова М.А. Высокотехнологичные компании как потенциальный драйвер развития российской экономики. *Научные записки молодых исследователей*. 2017;(2):28–34.
22. Кирильчук С.П., Ергин С.М., Наливайченко Е.В., Артюхова И.В. Методика оценки развития региональной производственной инфраструктуры (на примере Республики Крым). *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(4):720–736. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.4.720-736

23. Аганбегян А.Г., Клеева Л.П., Кротова Н.А. Оценка роли и перспективы развития отраслей — локомотивов экономического роста при формировании социально-экономической политики Российской Федерации. 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3362251
24. Завозина О.Ю. Оценка эффективности организации машиностроительного производства на основе единого критерия качества. *Вестник Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. Серия Машиностроение*. 2021;(1):114–132. DOI: 10.18698/0236–3941–2021–1–114–132
25. Корнев А.К. Возможности ускоренного обновления активной части основного капитала отраслей промышленности. *Проблемы прогнозирования*. 2009;(5):147–153.
26. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Инвестиционные и инновационные факторы в машиностроении регионов при реализации Программы развития Арктической зоны РФ. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2017;8(S 4):718–731. DOI: 10.18184/2079–4665.2017.8.4.718–731
27. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Балагурова Е.А., Орлова Т.Г. Роль импортозамещения в развитии машиностроения. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2015;13:300–323.
28. Кунявский М.Е., Герчикова Е.З. Обновление машиностроительной продукции как условие формирования устойчивого спроса. *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2013;(4):50–54.
29. Бушуева Л.И., Афанасьев В.Б. Комплексный подход к управлению организационным развитием промышленных предприятий в условиях экономических санкций. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2022;2(2):227–235. DOI: 10.34130/2070–4992–2022–2–2–227

REFERENCES

1. Obolenskaya L.V. Investment-sectoral model of industrial policy: Key tasks and solutions. *Drukerovskii vestnik*. 2021;(5):81–95. (In Russ.). DOI: 10.17213/2312–6469–2021–5–81–95
2. Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Moreva E.L. Current trends in the development of mechanisms of state stimulation in the manufacturing industry in developed countries. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2018;12(3):118–127. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–3–118–127
3. Khomenko V.V., Ruzhnikov E.A. Investment drivers of country economic development. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019;4(3):144–152. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542–0488–2019–4–3–144–152
4. Aganbegian A.G. Drivers of socio-economic growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2019;218(4):180–209. (In Russ.).
5. Kazantsev S.V. Strategic approaches to sustainable development economies under multiple sanctions. *Mir ekonomiki i upravleniya = World of Economics and Management*. 2022;22(2):5–22. (In Russ.). DOI: 10.25205/2542–0429–2022–22–2–5–22
6. Korzhuk A.B. Development of the Russian Far East as a locomotive for the economic growth of the country. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2017;(3):43–48. (In Russ.).
7. Naumova K.A. High-growth firms in industry as a driver of Russian economic growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;224(4):464–480. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2020–224–4–464–480
8. Khan I., Hou F., Irfan M., Zakari A., Le H.P. Does energy trilemma a driver of economic growth? The roles of energy use, population growth, and financial development. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021;146:111157. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111157
9. Singh N., Nyuur R, Richmond B. Renewable energy development as a driver of economic growth: Evidence from multivariate panel data analysis. *Sustainability*. 2019;11(8):2418. DOI: 10.3390/su11082418
10. Le T.-H., Nguyen C.P. Is energy security a driver for economic growth? Evidence from a global sample. *Energy Policy*. 2019;129:436–451. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.02.038
11. Opoku E.E.O., Yan I.K.-M. Industrialization as driver of sustainable economic growth in Africa. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2019;28(1):30–56. DOI: 10.1080/09638199.2018.1483416

12. Wang Q., Su M., Li R. Toward to economic growth without emission growth: The role of urbanization and industrialization in China and India. *Journal of Cleaner Production*. 2018;205:499–511. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.09.034
13. Ryzhkova M. V., Spitsyn V. V. Drivers of growth and incentive measures for the development of high-tech industries. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020;13(4):57–73. (In Russ.). DOI: 10.18721/JE.13405
14. Moreva E. L. High-tech sectors in EAEU: The regional governance' problems and opportunities. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-Journal*. 2021;(87):140–150. (In Russ.). DOI: 10.24412/2070–1381–2021–87–140–150
15. Spitsyn V. V. Sources of growth and territorial distribution of high-tech industries in Russia. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2019;(2):55–70. DOI: 10.34020/2073–6495–2019–2–055–070
16. Vu K., Hanafizadeh P., Bohlin E. ICT as a driver of economic growth: A survey of the literature and directions for future research. *Telecommunications Policy*. 2020;44(2):101922. DOI: 10.1016/j.telpol.2020.101922
17. Serikov S. G. Digital technologies: Drivers of economic growth during COVID-19 pandemic. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2022;(3):52–58. (In Russ.).
18. Ekananda M., Parlinggoman D. J. The role of high-tech exports and of foreign direct investments (FDI) on economic growth. *European Research Studies Journal*. 2017;20(4A):194–212. URL: https://www.um.edu.mt/library/oar/bitstream/123456789/32575/1/The_Role_of_High_Tech_Exports_and_of_Foreign_Direct_Investments_2017.pdf
19. Simonen J., Svento R., Juutinen A. Specialization and diversity as drivers of economic growth. *Papers in Regional Science*. 2015;94(2):229–247. DOI: 10.1111/pirs.12062
20. Nikolaev I. A. Drivers of economic growth: Opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(1):58–74. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073–6487_2023_1_58_74
21. Demidova E. V., Oleinikova M. A. High-tech companies as a potential driver for the further development of the Russian economy. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific Notes of Young Scientists*. 2017;(2):28–34. (In Russ.).
22. Kirilchuk S. P., Ergin S. M., Nalivaychenko E. V., Artuhova I. V. Methodology for assessing the development of regional production infrastructure (on the example of the Republic of Crimea). *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022;13(4):720–736. (In Russ.). DOI: 10.18184/2079–4665.2022.13.4.720–736
23. Aganbegyan A., Kleeva L., Krotova N. Assessment of the role and development prospects of industries — the drivers of economic growth in the formation of the socio-economic policy of the Russian Federation. 2019. (In Russ.). DOI: 10.2139/ssrn.3362251
24. Zavozina O. Yu. Assessment of machinery production organization efficiency based on a unified quality criterion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. N.E. Baumana. Seriya Mashinostroenie = Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series: Mechanical Engineering*. 2021;(1):114–132. (In Russ.). DOI: 10.18698/0236–3941–2021–1–114–132
25. Kornev A. K. Opportunities of rapid renewal of active part of fixed assets of branches of industry. *Studies on Russian Economic Development*. 2009;20(5):563–567. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2009;(5):147–153.).
26. Borisov V. N., Pochukaeva O. V. Investment and innovation factors in the mechanical engineering of the regions in the implementation of the programme of development of the Arctic Zone of the Russian Federation. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2017;8(S 4):718–731. (In Russ.). DOI: 10.18184/2079–4665.2017.8.4.718–731
27. Borisov V. N., Pochukaeva O. V., Balagurova E. A., Orlova T. G. Role of import substitution in the development of mechanical engineering. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2015;13:300–323. (In Russ.).
28. Kunyavskiy M. E., Gerchikova E. Z. Updating of engineering products as a prerequisite for creating sustainable demand. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii = Industry: Economics, Management, Technology*. 2013;(4):50–54. (In Russ.).
29. Bushueva L. I., Afanasyev V. B. An integrated approach to managing organizational development of industrial enterprises in the context of economic sanctions. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki*

Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktykar State University. 2022;2(2):227–235. (In Russ.). DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-2-227

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Людмила Владиславна Оболенская — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет, Москва, Россия

Lyudmila V. Obolenskaya — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-1016-9171>

LVObolenskaya@fa.ru

Нияз Мустьякимович Абдикиев — доктор технических наук, профессор, директор Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет, Москва, Россия

Niyaz M. Abdikeev — Dr. Sci. (Tech.), Prof., Director of the Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-5999-0542>

NAbdikeev@fa.ru

Ольга Михайловна Абросимова — младший научный сотрудник Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет, Москва, Россия

Olga M. Abrosimova — Jr. Research Assoc., Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-8889-0989>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

OMAbrosimova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.В. Оболенская — разработка методологии определения отраслей — локомотивов роста отечественной промышленности, подготовка литературного обзора.

Н.М. Абдикиев — разработка общей концепции статьи.

О.М. Абросимова — подготовка литературного обзора, оформление статьи.

Authors' contribution:

L. V. Obolenskaya — development of a methodology for determining the industries that drive the growth of domestic industry, preparation of a literature review.

N. M. Abdikeev — development of the general concept of the article.

O. M. Abrosimova — preparation of the literature review, design of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.09.2023; после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.09.2023; revised on 05.10.2023 and accepted for publication on 20.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-109-119
УДК 339(045)
JEL F17, F51

Регулирование импортных операций в условиях санкционных ограничений

Л.М. Куприянова, Т.В. Петрусевич
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В результате процессов глобализации в условиях рыночных отношений Российская Федерация активно интегрировалась в мировое пространство, что определило ее внешнеэкономическую деятельность. Усиление политической напряженности, нарастание угроз национальным интересам России и беспрецедентное санкционное давление выводит на первый план необходимость поиска новых направлений и инструментов экономического развития страны. Анализ структуры и динамики импорта, расходов на организацию импортных операций, их доходов и эффективности, а также форматов взаимодействия контрагентов способствует выявлению факторов влияния и возможностей укрепления российской экономики. В статье авторы рассматривают вопросы правового регулирования импортных операций в РФ с учетом международных и национальных норм права, а также аспекты, раскрывающие основы анализа и учета таких операций в современных реалиях. Своевременный анализ импортных операций позволяет разработать дополнительные процедуры, сэкономить средства, упростить таможенное декларирование, транзит товаров и организационные перевозки в рамках международных и национальных норм права и минимизации рисков, расходов и обязанностей своевременного исполнения сделок.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; импортные операции; учет импортных операций; анализ внешнеэкономической деятельности; импортозамещение; формирование цен; параллельный импорт

Для цитирования: Куприянова Л.М., Петрусевич Т.В. Регулирование импортных операций в условиях санкционных ограничений. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):109-119. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-109-119

ORIGINAL PAPER

Regulation of Import Operations under Sanctions Restrictions

L. M. Kupriyanova, T. V. Petrusевич
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In terms of market relations, Russia actively integrated into the world space as an outcome of globalization processes, which significantly determined its foreign economic activity. Increased political tension, growing threats to Russia's national interests and unprecedented sanctions pressure bring to the fore the need seeking for new ways and tools for the country's economic development. Analysis of import operations in real circumstances helps to identify factors of influence and opportunities for strengthening the Russian economy. In particularly such as analysis of the structure and dynamics of imports, expenses managing of import operations, income and efficiency, formats of interaction between counterparties. The study's aim is to consider the issues of legal regulation of import operations in the Russian Federation, considering international and national legal norms, as well as aspects that reveal the analysis' basis and accounting of import operations in nowadays realities. Timely analysis of import operations and identifying factors influencing efficiency allows developing additional procedures. The authors consider the need focusing on cost savings, conducting simplified customs declaration procedures within the framework of international and national law and minimizing risks.

Keywords: foreign economic activity; import operations; import transactions accountancy; analysis of foreign economic activity; import substitution; price formation; parallel import

For citation: Kupriyanova L.M., Petrusевич T.V. Regulation of import operations under sanctions restrictions. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):109-119. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-109-119

© Куприянова Л.М., Петрусевич Т.В., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Переход к рыночной экономике открыл новые пути развития страны, а также позволил Российской Федерации активно интегрироваться в мировое пространство. Внешнеэкономическая деятельность, связанная с внешнеторговой и инвестиционной, включает в себя производственную кооперацию, область международного обмена товарами, информацией, работами и услугами, а также результатами интеллектуальной деятельности¹. Осуществление внешнеэкономической деятельности является значимой сферой для функционирования компаний, которые стремятся стать частью системы международной торговли. Вовлеченность в мировые хозяйственные процессы — важное условие экономического развития компании, позволяющее ей интегрировать в свои производственные процессы инструменты, отвечающие всем современным технологическим требованиям [1, 2].

Однако на современном этапе, в условиях внешнего санкционного давления, радикально меняются подходы к экспортно-импортным процессам и процедурам. Возрастает актуальность поиска новых форм взаимодействия, каналов поставок и сбыта продукции, налаживания альтернативных экономических связей между странами и компаниями, в том числе в рамках осуществления параллельного импорта и импортозамещения.

«Импортозамещение нельзя трактовать только как процесс осознанного вытеснения присутствующих на внутреннем рынке страны иностранных товаров и (или) их замещения в случае прекращения (ограничения) поступления этих товаров. Импортозамещение — многоаспектный социально-экономический процесс, вызывающий структурные сдвиги во всех сферах хозяйственной жизни, существенно меняющий масштабы и динамику протекающих в экономике процессов в разрезе внешнеторгового баланса, внутреннего производства, занятости и доходов населения» [3].

Анализ динамики импорта позволяет обозначить актуальное состояние развития экономики РФ и выявить тренды внешнеэкономической торговой деятельности России (рис. 1).

По данным Федеральной таможенной службы РФ по состоянию на 1 января 2022 г., объем операций по импорту в России за 2021 г. достиг более 296 млрд долл. США, темпы роста импорта относительно 2020 г. составили более 126%. Это обусловлено как сниженными показателями «пандемийного» периода, так и инфляционными процессами, зафиксированными в 2021 г. Следует отметить, что около половины объема импортных операций занимает ввоз машин, оборудования и транспортных средств. На долю импорта химической промышленной продукции в 2021 г. приходилось 18,3%, по сравнению с предыдущим годом ее объем в стоимостном соотношении вырос на 27%. Объем импортных операций за январь 2022 г. составил более 23,2 млрд долл. США (138,6% по отношению к аналогичному периоду прошлого года). Очевидно, что российская экономика в сложившихся условиях продолжает значительно зависеть от импорта.

Согласно Федеральному закону № 164-ФЗ под импортом понимается «ввоз товаров в Российскую Федерацию через ее границы без обязательства в обратном вывозе»².

Поскольку экономические связи разнообразны, то импортеров принято разделять на следующие категории:

- экономические субъекты, осуществляющие посреднические функции в поиске клиента и поставки товаров на территорию РФ;
- экономические субъекты, осуществляющие поиск клиентов с наилучшей ценой предложения;
- прямые импортеры с привлечением отечественного дистрибьютера.

К импортным операциям относятся: закупка товаров напрямую из страны-производителя либо при помощи посредника с целью личного потребления, дальнейшей переработки или для удовлетворения нужд экономики; закупка из свободной экономической зоны (СЭЗ); процесс реимпорта, т.е. закупка ранее проданного переработанного отечественного продукта; закупка товаров, необходимых для осуществления экспортных операций под контролем таможенной службы. Кроме этого, существует более общая классификация импортных операций, которая выделяет две обширные группы: ввозимые на

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (с изм. и дополн. на 29 декабря 2022 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 24.01.2023).

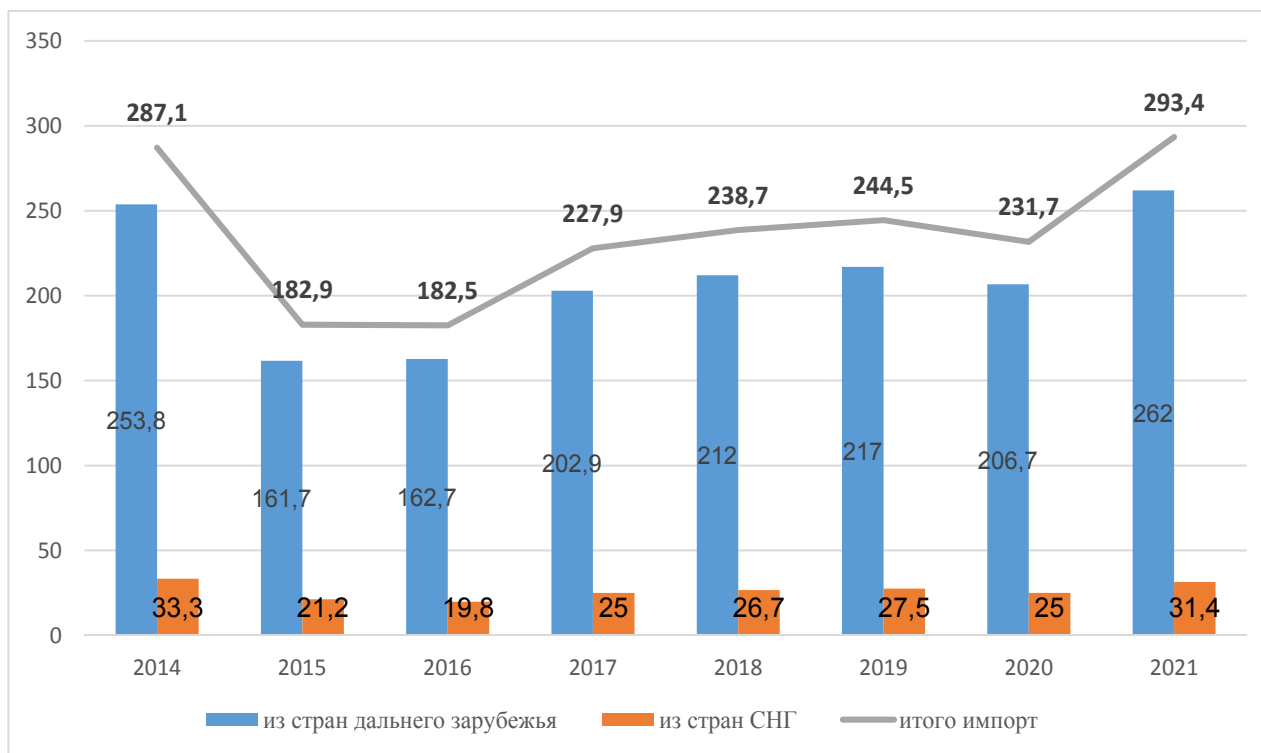

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика импортных операций РФ 2014–2021 гг., млрд долл. США /
Dynamics of import operations of the Russian Federation 2014–2021, bln USD

Источник / Source: составлено авторами по материалам ФТС РФ. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/import-rf-itogi-2021-goda/> <https://customs.gov.ru/folder/521> и Росстата РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf / compiled by the authors based on materials from the Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/import-rf-itogi-2021-goda/> <https://customs.gov.ru/folder/521> and Rosstat of the Russian Federation, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf.

территорию РФ товары для народного потребления, а также промышленная продукция; необходимое сырье и материалы для переработки и изготовления другой продукции.

Общая совокупность импортных операций складывается из «видимого» (visible trade) импорта, когда ввозятся материальные ценности — товары, детали или иные продукты, предназначенные для переработки или готовые к потреблению, и «невидимого» импорта (invisible trade), включающего обмен нематериальными объектами — услугами различного типа, переводами, продуктами интеллектуальной деятельности. В дополнение к «невидимой» торговле можно добавить и инвестиционный импорт — вложение нерезидентами средств в национальную экономику с целью получения дополнительного дохода.

Процесс производства конкретных товаров в отдельных странах определяется степенью развития технологических производственных сил мирового хозяйства, мотивами импортной деятельности. При этом необходимо учитывать:

- отличительные качественные свойства продукции;
- расширение товарного ассортимента;
- уровень технической оснащенности предприятия.

Поскольку все импортные операции подлежат государственному контролю и надзору, то компании, заключающие контракты на поставку товаров, должны соблюдать необходимые формальности и ответственно подходить к составлению договоров, таможенных деклараций и иных требуемых документов. Следует отметить, что сфера экспортно-импортных операций является потенциально рискованной в связи с тем, что, кроме прочего, в процессе взаимодействия отечественных и международных экономических субъектов используется большое количество нормативно-правовых регламентов. При оформлении сделки и отражении ее в системе учета могут возникать серьезные ошибки и искажения, квалифицируемые как правонарушения, которые ведут к административной и финансовой ответственности.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

В Российской Федерации применяется ряд нормативных документов, регулирующих правовые основы внешнеэкономической деятельности (ВЭД): Гражданский кодекс РФ, Таможенный кодекс РФ, Федеральные законы от 10.12.2003 № 173-ФЗ³ «О валютном регулировании и валютном контроле», от 08.12.2003 № 164-ФЗ⁴ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», а также от 28.06.2022 № 213-ФЗ⁵ «О параллельном импорте». Общие принципы и специфика бухгалтерского учета операций по импорту материальных ценностей в рамках исполнения договорных обязательств закреплены в Федеральном законе от 06.12.2011 № 402-ФЗ⁶ «О бухгалтерском учете», ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте», утвержденном приказом Минфина России от 27.11.2006 № 154н (в ред. от 09.11.2017 № 180н)⁷, а также в положениях и стандартах отдельных активов и обязательств, которые в равной степени распространяются на все хозяйственные операции, включая связанные с внешнеторговыми сделками. Так, при импорте сырья и материалов необходимо следовать нормам ФСБУ 5/2019 «Запасы»⁸, а при импорте машин и оборудования — ФСБУ 6/2020 «Основные средства»⁹ и др.

В научной литературе понятие «параллельный импорт» определяется как ввоз из-за границы в Россию без разрешения правообладателя ори-

гинальных товаров, маркированных его товарным знаком. Ввоз товара осуществляется не правообладателем или официальным дистрибьютером, а юридическим лицом — импортером. В правовом поле эта система дистрибуции товаров порождает конфликт интересов импортеров и правообладателей, которые претендуют на абсолютные права контроля параллельного импорта. В 2022 г., после изменений, произошедших в сфере международных отношений, и введения санкций против РФ, Федеральным собранием и Правительством России было принято решение о недопущении нехватки разнообразных товарных групп, от поставок которых зависит экономика страны [4].

При использовании параллельного импорта правообладателю продукции, за которой закреплено авторское и патентное право, запрещено осуществлять контроль и регулировать ее коммерческое использование (перепродажу, аренду и т.д.) на территории России, но он может ввести ограничения на ее экспорт в другую страну [5].

Государство осуществляет кредитное, финансовое, таможенное и нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности, а также количественное ограничение объемов экспорта и импорта. Экспортный и импортный контроль производится в целях защиты интересов внутренних пользователей и производителей продукции, а также — соблюдения международных стандартов и обязательств РФ.

В условиях санкций российским компаниям ограничен доступ к иностранному оборудованию и его обслуживанию, что объективно требует легализации параллельного импорта. При этом следует отметить повышение лояльности режима к производителям, создающим более привлекательные условия для иностранных инвестиций и локализации производства на территории РФ, что сокращает срок эксплуатации. Также важным является вектор на импортозамещение, на снижение импортозависимости экономики страны, что в условиях удорожания импорта противоречит идее легализации параллельного импорта, — в частности это относится к медицинскому оборудованию, лекарственным препаратам, учитывая опасность поставок [6].

В таких условиях при обязательном отборе конкретных категорий товаров важно оценить эффекты и риски целесообразности расширения режима для отдельных товарных групп. В США и Японии используется режим исчерпания прав

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 23.01.2023).

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280053?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 23.01.2023).

⁷ URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=122765-polozhenie_po_bukhgalterskomu_uchetu_uchet_aktivov_i_obyazatelstv_stoimost_kotorykh_vyrazhena_v_inostrannoi_valyute_pbu_32006_v_redaktsii_deistvuyushchei_s_1_yanvarya_2019_g (дата обращения: 23.01.2023).

⁸ Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы»: приказ Минфина России от 15.11.2019 № 180н. <https://www.klerk.ru/doc/506637/> (дата обращения: 23.01.2023).

⁹ URL: <https://www.klerk.ru/doc/506632/> (дата обращения: 23.01.2023).

на объекты интеллектуальной собственности для патентов и товарных знаков, за исключением случаев, когда правообладатель входит в одну и ту же группу компаний и когда товарный знак является собственностью одного и того же юридического лица. В Австралии параллельный импорт брендированной продукции предусмотрен, когда страна-импортер и страна-экспортер — одно и то же лицо, и нет запрета на поставки продукции в страну импортера. Во всех странах для параллельного импорта установлен обязательный критерий — качество ввозимого товара, таким образом стимулируется производство хорошей продукции [7, 8].

В Российской практике основным нормативным документом регулирования внешнеэкономической деятельности является Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ¹⁰ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», где обозначено, что система нормативного регулирования строится на основе законов РФ, международных соглашений, договоров при соблюдении всех международных прав и норм, нормативных документов исполнительной власти, заключаемых внешнеторговых контрактов и т.п. Также в нем закреплены основные понятия «экспорт», «импорт», «товар» и отмечено, что основным методом государственного таможенного и тарифного регулирования является установление ставок пошлин при ввозе и вывозе товаров.

«Таможенный кодекс Евразийского экономического союза»¹¹ регламентирует основные условия и задачи импорта, которые закреплены в гл. 20, ст. 134–138. Основными требованиями, согласно данным статьям, являются своевременная уплата налогов и пошлин, которые рассчитаны по данным деклараций, а также строгая проверка на соответствие условиям, закрепленным в ст. 7 ТК ЕАЭС. Пакет документов, который необходимо предоставить, в основном состоит из декларации на товары и их таможенную стоимость. Содержание и порядок их заполнения также закреплены решением КТ ТС № 257.

Дополнительные условия, если контракты заключаются в иностранной валюте, установлены Инструкцией ЦБ РФ № 181-И (ред. от 25.01.2022)¹².

¹⁰ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 23.01.2023).

¹¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 23.01.2023).

¹² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282089/ (дата обращения: 23.01.2023).

Важно отметить, что в РФ международные нормы и стандарты имеют приоритет над национальными в той их части, которая не противоречит российской Конституции. Торговые сделки по импортным операциям оформляются внешнеторговыми контрактами, где при составлении учитываются нормы законодательства на национальном уровне каждой из сторон договора. Контракты служат юридическим основанием для заключения и исполнения сделки, а также подтверждением законности ее совершения.

Требования к содержанию внешнеэкономических контрактов определяются судебной и арбитражной практикой и применяются на основании типовых образцов, используемых в определенных случаях.

Объем импорта РФ в 2020 г. и размер инвестиций осуществляются в рамках выделенных укрупненных товарных категорий по основным странам-партнерам (Китай, Германия, США, Беларусь, Италия и др.) (рис. 2).

Базовые условия поставок и заключения контрактов установлены Международной торговой палатой в виде правил «Инкотермс 2010»¹³, где определен порядок учета накладных расходов и основные моменты их распределения на основании условий договора, а также закреплены сроки поставок и передачи прав на имущество.

Однако в Правилах не указаны условия перехода права собственности на товар — их следует прописывать и фиксировать в заключаемом контракте. При наступлении спорных случаев и противоречиях между «Инкотермс» и контрактом условия последнего будут иметь приоритет.

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Все факты хозяйственной жизни, связанные с внешнеэкономическими операциями, подлежат своевременному и полному отражению в системе бухгалтерского (финансового) и налогового учета экономических субъектов, импортирующих товар.

На рис. 3 представлены документы, необходимые для учета операций импорта в рамках внешнеэкономической деятельности.

Учет операций, связанных с импортом товаров, принято вести обособленно. Это обусловлено их

¹³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57195/ (дата обращения: 18.12.2022).

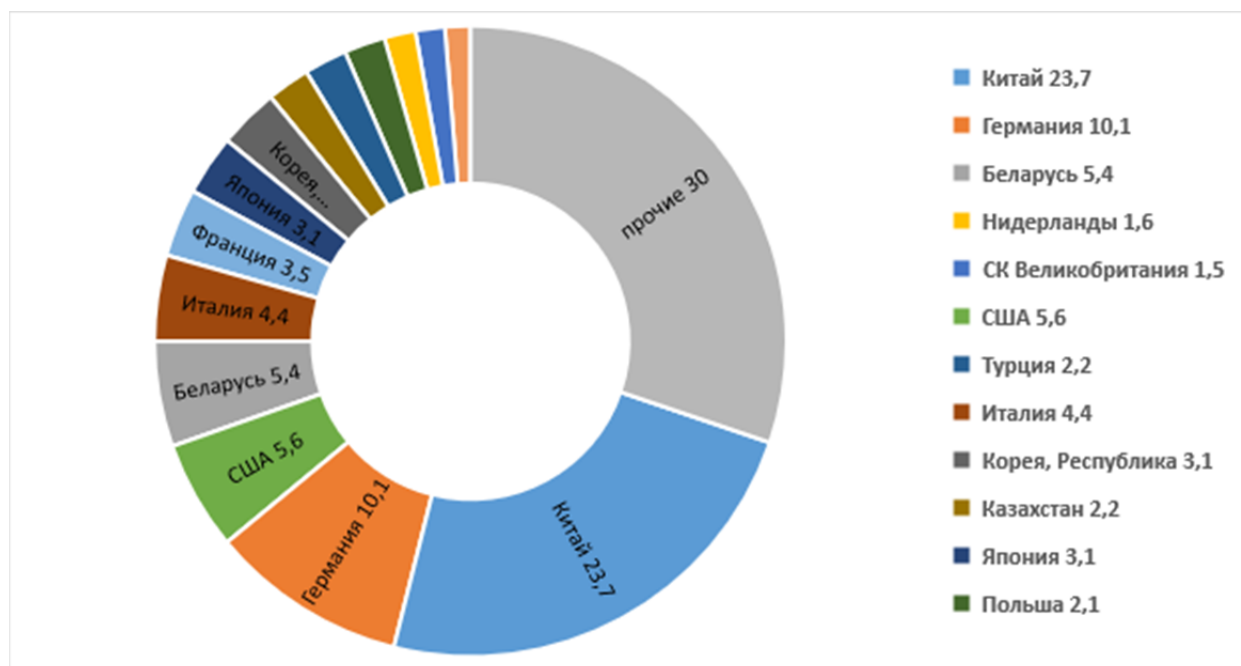

Рис. 2 / Fig. 2. Структура распределения импорта РФ по основным странам-партнерам по контрактам 2020 г. / Structure of Russian imports by main partner countries under contracts in 2020

Источник / Note: составлено авторами по материалам ФТС РФ. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/import-rf-itogi-2021-goda/> <https://customs.gov.ru/folder/521> и Росстата РФ, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf / compiled by the authors based on materials from the Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/import-rf-itogi-2021-goda/> <https://customs.gov.ru/folder/521> and Rosstat of the Russian Federation, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf.

существенным отличием от внутренних сделок и связано с необходимостью конвертации стоимости иностранной валюты в рублевый эквивалент. К каждому счету может открываться необходимое количество субсчетов для более детального описания ввозимого товара и всех процедур, связанных с ввозом. По всем видам импортной продукции ведется аналитический учет накладных расходов.

Порядок бухгалтерского учета импортных товаров зависит от вида ввозимых ценностей и условий внешнеторгового контракта. Важным является формирование первоначальной стоимости импортируемого товара, поскольку, согласно требованиям Налогового кодекса РФ, товары принимаются к учету по стоимости приобретения, складывающейся из:

- стоимости товара, включая его тару и упаковку;
- таможенных платежей, пошлин, налогов и сборов, взимаемых таможенными органами и непосредственно связанными с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу, уплата которых является обязательным условием применения таможенных режимов или специальных таможенных процедур;

- транспортных и прочих расходов по приобретению и доставке.

Корректное определение фактической стоимости приобретения товара выступает надежной защитой от возможных налоговых рисков, — вероятность их возникновения усиливается в результате цифрового совершенствования функционирования налоговых систем.

При определении стоимости товара особого внимания требуют таможенные расчеты, поскольку именно таможенные платежи являются основным условием экспортно-импортных процедур, без совершения чего товар не может быть отправлен покупателю.

В соответствии с условиями заключаемых договоров для продавца и покупателя должно быть определено разделение и отнесение транспортных расходов. Имеются следующие варианты:

- включение в фактическую формируемую стоимость материально-производственных запасов (МПЗ) и отнесение данных расходов на продавца при условии наличия данного пункта в условиях контракта;
- в соответствии с базисом поставки услуги по транспортировке не входят в стоимость при-

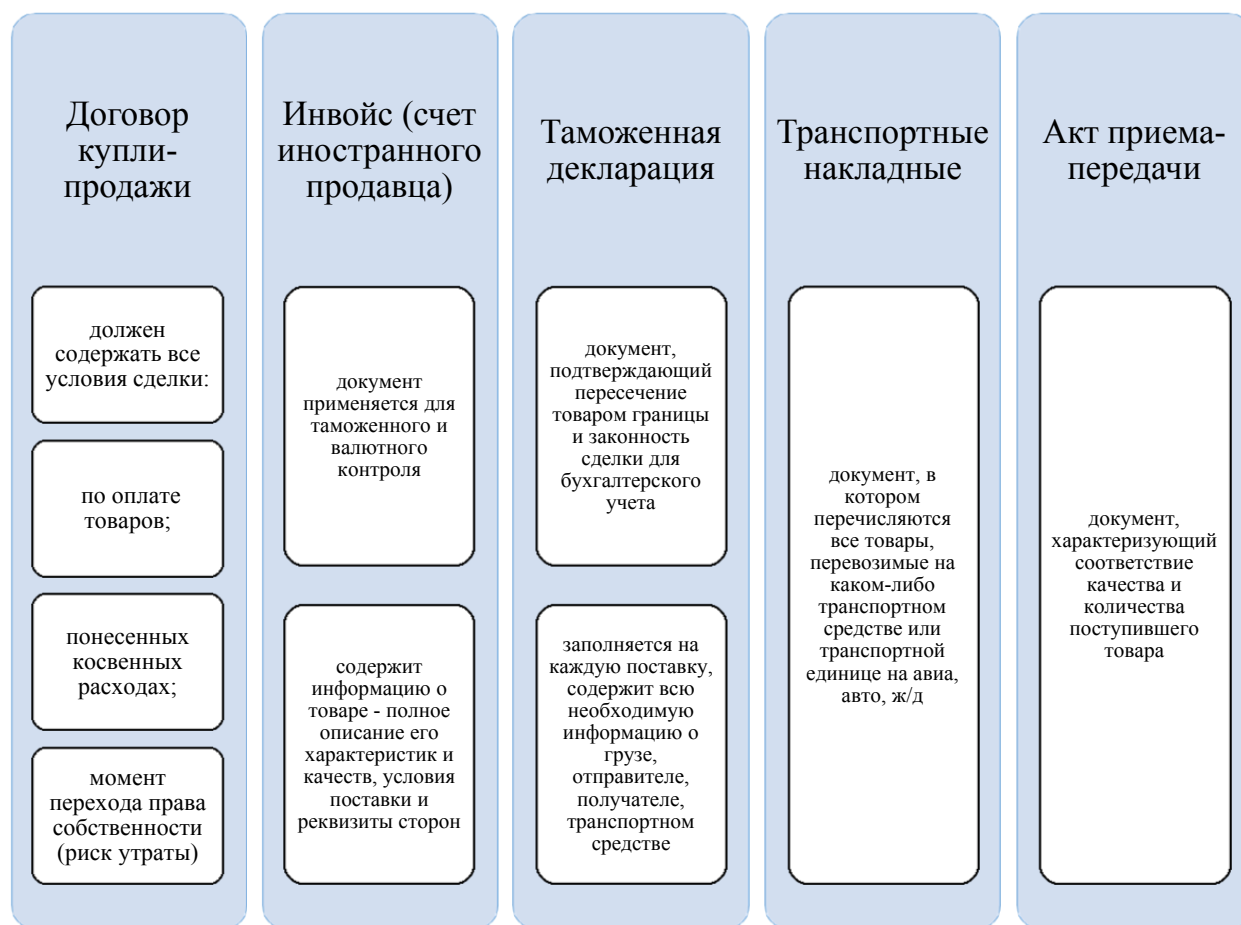

Рис. 3 / Fig. 3. Документы, необходимые для учета операций импорта при внешнеэкономической деятельности / Documents required for accounting for import transactions during foreign economic activity

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

обретаемых материалов, и их оплата является обязанностью покупателя — они могут быть определены как накладные расходы и аккумулированы в дебете счета 10 «Материалы».

При этом перечень затрат, учитываемый при формировании себестоимости товаров, остается открытым, поскольку трактовка «прочих» расходов может быть различной.

Для уплаты таможенной пошлины потребуется определить налоговую базу, т.е. таможенную стоимость товара. На рис. 4 приведены основные способы формирования таможенной стоимости (ТС).

При ввозе подакцизного товара налоговая база определяется на основе твердой ставки (количество товара) или адвалорной ставки с учетом ТС и таможенной пошлины.

Налоговой базой для расчета НДС импортных товаров является суммарная величина, включающая ТС, таможенную пошлину и акциз. При наличии пакета документов, подтверждаю-

щих своевременную уплату НДС при ввозе товара на территорию РФ, сумма налога принимается к вычету.

Важной особенностью, характерной для совершения импортных сделок, выступает использование валютных счетов и иностранных валют для проведения расчетов с иностранными контрагентами. Центральный банк и Правительство РФ как основные органы, осуществляющие надзор в области валютного регулирования, руководствуются положениями Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Все расчеты, связанные с внешнеэкономической деятельностью, а также покупка и продажа иностранной валюты, подлежат обязательному мониторингу, в рамках которого банком-контрагентом собирается подтверждающая сделку документация и формируется досье в целях осуществления валютного контроля.

По каждому факту внешнеэкономической операции в бухгалтерском учете производятся

Метод	• Порядок формирования ТС
1) стоимость договора с ввозимым товаром*	<ul style="list-style-type: none"> • сумма сделки (СС) • ПЛЮС • расходы покупателя, не входящие в СС (расходы по доставке, комиссионные и брокерские услуги, лицензионные платежи, оплата тары и пр.)
2) стоимость договора с идентичными товарами	<ul style="list-style-type: none"> • сумма аналогичной сделки (САС) с учетом идентичности характеристик товара (физических, качественных и пр.)
3) стоимость договора с однородными товарами	<ul style="list-style-type: none"> • сумма аналогичной сделки (СВС) с взаимозаменяемыми товарами
4) метод вычитания стоимости	<ul style="list-style-type: none"> • базируется на цене, по которой ввозимые (оцениваемые) или идентичные, или однородные товары были проданы наибольшей агрегированной партией на территории РФ в неизменном состоянии • МИНУС • затраты, характерные только для внутреннего рынка, которые не должны быть включены в таможенную стоимость (таможенные пошлины, обычные расходы в связи с транспортировкой и продажей и пр.)
5) метод сложения стоимости	<ul style="list-style-type: none"> • сумма затрат на производство • ПЛЮС • расходы реализационные • ПЛЮС • сумма прибыли
6) резервный	<ul style="list-style-type: none"> • Основан на расчетах и экспертных оценках

Рис. 4 / Fig. 4. Методы определения таможенной стоимости импортных товаров / Methods for determining the customs value of imported goods

Источник / Source: составлено авторами. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 / compiled by the authors. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315.

Примечание / Note: * – согласно Таможенному кодексу таможенная стоимость определяется на основе стоимости договора или сделки, при выполнении определенных условий, например, если продажа товаров или их цена не зависит от каких-либо обязательств, влияние которых на цену товаров не может быть количественно определено / According to the Customs Code, customs officials determine the customs value based on the value of the contract or transaction, provided that certain conditions are met. For example, any unquantifiable obligations do not influence if the sale of goods or their price.

стандартные бухгалтерские записи. Так, в системе учета находят отражение:

- расчеты с поставщиками [начисление и факт перечисления иностранной компании оплаты за товары, оплата таможенного сбора и ввозного налога на добавленную стоимость (НДС)];
- поступление и принятие на учет товаров; включение таможенных сборов и пошлин в стоимость товаров;
- отражение в учете расходов на доставку, таможенное оформление, страхование грузов;
- вычет НДС;

- курсовая разница.
- Корреспонденция и общий порядок отражения импортных операций в бухгалтерском учете представлены на рис. 5.
- Особенности бухгалтерского учета импортных операций возникают на этапах:
- определения перехода права собственности;
 - расчета рублевого эквивалента стоимости ввозимых товаров, выраженной в иностранной валюте;
 - выполнения бухгалтерских записей по раздельному учету.
- Объединение записей в учете недопустимо, каждый конкретный факт хозяйственной жизни

<p>В части налогов и сборов:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Оплата сборов таможи Д-т 76 К-т 51 - В части уплаты акциза Д-т 19 К-т 68 Д-т 68 К-т 51 - Импортный НДС Д-т 19 К-т 51 	<p>Поступление товаров, материалов и т.д.:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Отражено поступление импортного оборудования для монтажа Д-т 07 К-т 60 - Отражено поступление импортных средств основного запаса Д-т 08 К-т 60 - Отражено поступление импортных материалов Д-т 10 К-т 60 - Отражено поступление импортных товаров Д-т 41 К-т 60 	<p>Включение в себестоимость затрат, сборов и налогов:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Таможенная пошлина и сбор Д-т 10 (07, 08/4, 41) К-т 76 - Сумма затрат по доставке Д-т 10 (07, 08/4, 41) К-т 76 (60) Д-т 19 К-т 76 (60) Д-т 68 К-т 19 Отражение курсовых разниц: - Отрицательная разница в курсах валют Д-т 60 К-т 91/1 - Положительная разница в курсах валют Д-т 91/2 К-т 60
---	---	--

Рис. 5 / Fig. 5. Порядок отражения импортных операций в бухгалтерском учете / The procedure for reflecting import transactions in accounting

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

должен отражаться отдельно. Особого внимания требует отражение в учете курсовых разниц.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Поскольку импортные операции связаны с перемещением и ввозом иностранных товаров на территорию Российской Федерации, то можно выделить следующие направления анализа импортных операций:

- исполнение обязательств сторонами договора по формированию стоимости ввозимых товаров, их количеству, качеству и физическому состоянию [7, 9];
- исполнение обязательств контрагентами, связанными со сроками поставки товаров;
- исполнение обязательств по оплате товаров импортирующей стороной;
- структурно-динамический анализ объемов импортных операций.

На основании полученных результатов оцениваются факторы и величина воздействия изменений или несоблюдения данных условий на дальнейшие экономические показатели деятельности организации [1, 2, 9].

Анализ исполнения контрактных условий может проводиться в несколько этапов по разным

направлениям. Сначала анализируется соблюдение сроков и выполнение обязательств между сторонами относительно поставляемых товарных групп. Далее проводится оценка в разрезе территориальной и корпоративной принадлежности, обобщаются результаты; решается, как оптимизировать поставки и выбирается оптимальный состав контрагентов для заключения договоров в перспективе.

Перед принятием решения о заключении контракта оценивается эффективность планируемой сделки (сопоставляются цены на импортируемые товары), подходы и методы формирования себестоимости товаров, а также производится планирование и прогнозирование дополнительных затрат, возникающих при транспортировке.

Поскольку себестоимость импортных ценностей складывается из целого ряда составляющих, на этапах планирования необходимо определять влияние каждого из данных факторов на конечную фактическую себестоимость продукции. В основном рассматривают объем транспортно-заготовительных расходов на единицу; комиссионные вознаграждения; услуги, связанные с приобретением товаров; услуги таможенных брокеров. Кроме этого, принимается во внимание ассортимент продукции, изменение курсов национальных валют и таможенных платежей (в связи с введением но-

вых ограничений по поставкам). Либо происходит корректировка ставок согласно законодательству.

В рамках анализа проведения импортных операций можно дополнительно выделить несколько направлений (анализ рыночной конъюнктуры, поставщиков, динамики цен и курса валют) как наиболее актуальные и реализуемые планово-экономическими отделами, в функции которых заложена ответственность за выполнение постав-

ленных задач. При этом более детальное исследование будущих импортных операций требует разработки дополнительных процедур, ориентированных на экономию средств и сокращение отдельных статей расходов. Например, проведение предварительного декларирования, способствующее снижению затрат на таможенное оформление, ускоряет транзит товаров и упрощает организационные перевозки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никифорова Е. В., Куприянова Л. М. Анализ в системе финансового менеджмента. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2018;(2):70–78.
2. Куприянова Л. М. Менеджмент качества как стратегия развития бизнеса. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2016;(S 1):63–75.
3. Литвинова А. В., Талалаева Н. С. Прогноз результативности импортозамещения и его влияния на экономический рост в России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2022;24(2):175–186. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.2.14
4. Черничкина Г. Н. Основы правовой охраны промышленной собственности и особенности ее защиты. М.: РГУП; 2019. 166 с.
5. Радченко Т. А., Волков А. Ю., Банникова К. А. Параллельный импорт в России: области защиты, риска, потенциала. *ЭКО: всероссийский экономический журнал*. 2019;(1):153–197.
6. Чайковская Л. А., Филин С. А. Параллельный импорт в санкционных условиях: особенности учета и налогообложения. *Международный бухгалтерский учет*. 2023;26(1):90–111. DOI: 10.24891/ia.26.1.90
7. Maskus K. E., Chen Y. Vertical price control and parallel imports: Theory and evidence. *Review of International Economics*. 2004;12(4):551–570. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2004.00467.x
8. Куприянова Л. М. Управление качеством продукции как фактор устойчивости бизнеса. *Мир новой экономики*. 2015;(4):89–100.
9. Куприянова Л. М. Качество продукции: проблемы и решения. *Мир новой экономики*. 2015;(3):75–85.

REFERENCES

1. Nikiforova E. V., Kupriyanova L. M. Analysis in the system of financial management. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2018;(2):70–78. (In Russ.).
2. Kupriyanova L. M. Quality management as a business development strategy. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2016;(S 1):63–75. (In Russ.).
3. Litvinova A. V., Talalaeva N. S. Forecast of import substitution effectiveness and its impact on economic growth in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*. 2022;24(2):175–186. (In Russ.). DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.2.14
4. Chernichkina G. N. Fundamentals of legal protection of industrial property and features of its protection. Moscow: Russian State University of Justice; 2019. 166 p. (In Russ.).
5. Radchenko T. A., Volkov A. Yu., Bannikova K. A. Parallel imports in Russia: Areas for protection, risk, development. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2019;(1):153–197. (In Russ.).
6. Chaikovskaya L. A., Filin S. A. Parallel imports against the backdrop of sanctions: accounting and tax treatment. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*. 2023;26(1):90–111. (In Russ.). DOI: 10.24891/ia.26.1.90
7. Maskus K. E., Chen Y. Vertical price control and parallel imports: Theory and evidence. *Review of International Economics*. 2004;12(4):551–570. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2004.00467.x
8. Kupriyanova L. M. Quality management as a factor of sustainable business. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2015;(4):89–100. (In Russ.).
9. Kupriyanova L. M. Quality of products: Problems and solutions. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2015;(3):75–85. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Людмила Михайловна Куприянова — кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности», Финансовый университет, Москва, Россия

Lyudmila M. Kupriyanova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Business Analytics, Deputy Head of the Chair of Economics of Intellectual Property, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9453-6425>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

kuprianovalm@yandex.ru

Татьяна Викторовна Петрусевич — старший преподаватель департамента бизнес-аналитики, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatyana V. Petrusevich — Senior Lecturer, Department of Business Intelligence, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6548-761X>

petrusevich.t@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.01.2023; после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 20.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.01.2023; revised on 20.02.2023 and accepted for publication on 20.08.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-120-130
УДК 322.122.6:33.05(045)
JEL R10, R11, R12

Динамика старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов

Н.Ю. Сорокина

Институт экономики РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Специфика российских экономических циклов, в частности, заключается в том, что их течение заметно отличается в регионах разных типов, в результате чего усиливается асимметрия в региональном развитии. В статье рассматривается влияние исторического (обуславливающего экономическую специализацию региона) и отраслевого (определяющего особенности отраслевой структуры региональной экономики) факторов на развитие старопромышленных регионов России. Показано, что для старопромышленных территорий характерно наличие значительного числа перспективных экономических специализаций, что во многом обусловлено историческими особенностями развития индустрии в советский период и внешней ориентацией экономической деятельности. Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости проведения селективной региональной политики, нацеленной на преодоление ограничений ресурсного, организационного и институционального характера развития старопромышленных регионов.

Ключевые слова: старопромышленный регион; экономический цикл; экономическая специализация; отраслевая структура; региональная политика; Стратегия пространственного развития Российской Федерации

Для цитирования: Сорокина Н.Ю. Динамика старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):120-130. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-120-130

Dynamics of Old Industrial Regions of the Upraise and Falling of Russian Economic Cycles

N. Yu. Sorokina

Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

The specifics of Russian economic cycles, in particular, is that their course differs markedly in different regions, resulting in increased asymmetry in regional development. The paper studied of the influence of historical and sectoral factors, which determine the economic specialisation of the region, and the features of the sectoral structure of the regional economic in growth of the old industrial regions of Russia. Thus, the author concluded the nature of their dynamics mainly determines the sectoral factor and revealed a significant number of promising economic specialisations is a characteristic of the old industrial territories in virtue of the historical features of the industry growth in the Soviet period and the external position of economic activity. The outcome is that it is necessary to conduct a selective regional policy aimed at overcoming the limitations of the resource, organizational, and institutional nature of the development of old industrial regions.

Keywords: old industrial regions; economic cycle; economic specialization; industry structure; regional policy; Spatial development Strategy of the Russian Federation

For citation: Sorokina N. Yu. Dynamics of old industrial regions of the upraise and falling of Russian economic cycles. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):120-130. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-120-130

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сегодня уже не является дискуссионным тот факт, что развитие российских регионов¹ неравномерно. Это, в свою очередь, обусловлено разницей в уровнях и возможностях реализации их социально-экономических потенциалов в национальной и мировой экономике. Асимметрия в региональном развитии наиболее ярко проявляется в периоды усиления кризисных тенденций в экономике, в результате чего регионы демонстрируют не только различную по отношению друг к другу динамику, но и порой отклонение от общероссийских трендов. Так, в качестве наиболее пострадавших от кризиса, обусловленного COVID-19 и его последствиями, признаны ресурсные регионы, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых, среди индустриальных — с развитой автомобильной промышленностью, хотя известно, что в целом более чувствительны к кризисам те регионы, где слабо развит реальный сектор экономики [1].

Влиянию кризисов на различные аспекты социально-экономического развития регионов России посвящено достаточно много научных работ, где изучается осмысление «регионального ракурса рецессии и последующего оживления в российской экономике» [2]; проводятся исследования влияния коронавирусного кризиса на экономику, занятость и уровень жизни населения [3], уязвимости региональных экономик в кризисных условиях и их устойчивости к «шокам» [1], особенностей реакции российских регионов на кризисные тенденции в национальной и мировой экономике [4], влияния спада деловой активности на показатели региональной занятости [5] и пр. Между тем все исследования в методическом плане объединяет то, что изучение проблем динамики регионов на различных этапах российских экономических циклов осуществляется с учетом их типа, который определяется особенностями экономической специализации, уникальностью набора факторов роста и другими факторами объективного порядка.

Динамика обрабатывающих производств выступает в числе индикаторов экономического цикла, поскольку промышленность является «одним из наиболее циклически чувствительных секторов

экономики» [6]. Данные официальной российской статистики подтверждают это заключение (табл. 1): показатель доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости в целом по стране демонстрировал отрицательную динамику на нисходящей «волне» цикла: 2015 г. — снижение до 17,2% (–3,4% к уровню 2011 г.), 2020 г. — до 17,1% (–1,2% к уровню 2018 г.) и положительную, хотя и слабую, динамику на восходящей «волне»: 2018 г. — рост на 0,6% по отношению к уровню кризисного 2015 г. и на 0,6% в 2021 г. после снятия «карантинных ограничений».

Однако уже на следующем уровне пространственной иерархии территории — федеральных округов — циклическая динамика развития обрабатывающих производств оказывается менее выраженной: периодичность подъемов и спадов экономической активности отличается от общероссийской даже в индустриально развитых округах, где широко представлены регионы, в которых промышленность играет важную роль в формировании валовой добавленной стоимости. И если в развитии обрабатывающих производств в Центральном, Приволжском и Уральском федеральных округах в целом наблюдалась динамика, близкая к общероссийским тенденциям, то для Сибирского федерального округа она оказалась совсем не характерной. Наиболее наглядно это прослеживалось в период кризиса 2020 г., обусловленного COVID-19 и его последствиями, когда Центральный и Приволжский федеральные округа показали снижение доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости, соответственно, до уровня 92,4 и 97,3%, в то время как Северо-Западному и Сибирскому федеральным округам удалось продемонстрировать положительную динамику показателя (101,0 и 120,1%, соответственно). Это побуждает исследователей [1; 7–9] к углубленному анализу процессов на уровне субъектов Федерации с учетом специфики их экономической специализации и особенностей отраслевой структуры региональной экономики.

Объектом исследования являются старопромышленные регионы России — территории, отличительными признаками которых являются: преобладание в структуре региональной экономики специализированных отраслей «уходящих» технологических укладов; наличие противоречия между «традиционной» индустриальной специализацией территории и требованиями утверждающегося технологического уклада; сложность адаптации (по сравнению с индустриальными регионами других типов) к изменяю-

¹ В статье термин «регион» используется как идентичный по смысловому содержанию термину «субъект Российской Федерации».

Таблица 1 / Table 1

**Динамика доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости региона, % /
Dynamics of the share of manufacturing industries in the gross added value of the region, %***

Регион	2011 / 2009	2015 / 2011	2018 / 2015	2020 / 2018	2021 / 2020	Уровень технологичности**	Характер специализации***
Российская Федерация	104,1	96,6	100,6	98,8	100,6		
ЦФО	95,9	100,0	111,5	92,4	111,2		
Липецкая область	91,1	105,4	104,9	85,1	134,0	Н	СЛ
Рязанская область	119,0	99,7	91,2	88,8	105,5	В	СЛ
Тульская область	135,6	106,4	106,5	94,3	107,3	Н	СЛ
Ярославская область	108,8	101,5	99,6	103,3	98,2	В	СЛ
СЗФО	104,2	91,1	92,2	101,0	94,7		
Мурманская область	89,8	74,0	95,5	307,5	103,0	Н	ВС
Новгородская область	99,1	113,8	92,0	110,5	111,9	В	СЛ
ЮФО	103,3	104,7	96,0	91,6	92,4		
Волгоградская область	111,3	96,5	101,6	97,6	75,0	Н	СЛ
ПФО	121,4	98,8	93,4	97,3	102,3		
Республика Башкортостан	156,7	86,8	113,9	74,1	121,7	В	СЛ
Удмуртская республика	95,2	106,7	94,2	106,1	89,5	Н	СЛ
Чувашская республика	103,6	96,5	104,4	100,0	93,4	В	СЛ
Пермский край	121,6	95,1	91,3	107,1	88,4	В	СЛ
Кировская область	131,4	107,1	93,4	105,2	119,1	В	СЛ
Нижегородская область	114,0	102,6	93,2	96,5	95,0	В	СЛ
Самарская область	124,9	93,7	85,8	101,0	103,9	В	СЛ
Саратовская область	86,7	123,5	91,4	92,7	115,6	В	СЛ
УФО	107,9	92,7	100,7	105,7	100,0		
Свердловская область	100,0	109,0	105,9	99,1	99,7	Н	СЛ
Челябинская область	107,7	99,7	94,7	89,8	121,2	Н	СЛ
СФО	98,2	97,7	90,7	120,1	87,1		
Республика Хакасия	91,5	128,0	123,8	106,4	103,5	Н	ВС
Алтайский край	113,1	93,9	94,7	109,0	118,7	Н	СЛ
Красноярский край	100,0	95,0	93,9	133,3	81,9	Н	СЛ

Источник / Source: Национальные счета. Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

Примечание / Note: * приводится в сокращении; ** Н – старопромышленные регионы, экономика которых сформирована среднетехнологическими отраслями обрабатывающей промышленности низкого уровня; В – старопромышленные регионы, экономика которых сформирована среднетехнологическими отраслями обрабатывающей промышленности высокого уровня; *** СЛ – слабоспециализированные регионы; ВС – высокоспециализированные регионы / * is abbreviated; ** N – old industrial regions, the economy of which is formed by medium-tech low-level manufacturing industries; В – old industrial regions, the economy of which is formed by medium-tech high-level manufacturing industries; *** SL – weakly specialized regions; VS are highly specialized regions.

щимся условиям внешней среды [10]. В силу этого их социально-экономическое развитие определяется, прежде всего, объективными факторами — отраслевой структурой региональной экономики и спросом на производимую на их территории продукцию на мировом и внутреннем рынках. Выбор объекта обусловлен тем, что регионы данного типа обладают существенным, хотя и не вполне современным, производственным потенциалом, позволяющим в сжатые сроки наладить выпуск продукции, актуальной для внутреннего рынка России. Эта их отличительная особенность становится важным фактором конкурентоспособности в условиях введения санкционных ограничений в отношении России со стороны стран «коллективного запада».

Цель настоящего исследования заключается в проверке гипотезы о том, что отклонение в динамике старопромышленных регионов от общероссийских тенденций на восходящих и нисходящих «волнах» экономических циклов может быть обусловлено неоднородностью их состава.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки динамики старопромышленных регионов на различных этапах российских экономических циклов использованы годовые данные Росстата в период 2009–2021 гг. В условиях отсутствия общепризнанной датировки начала и конца кризисов применена следующая периодизация циклической динамики промышленного производства (табл. 2).

В качестве ключевого был использован показатель доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости (%), позволяющий диагностировать дифференциацию регионов по вкладу отраслей региональной экономики в валовой региональный продукт на восходящих и нисходящих «волнах» экономических циклов. Именно показателями добавленной стоимости в настоящее время оперируют исследователи при выявлении специфических проблем функционирования и развития старопромышленных территорий [12].

Информационной основой анализа выступили сведения о перспективной экономической специализации региона, определенные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года², а также информация о ее соответ-

ствии классификации отраслей по технологической интенсивности (технологичности отраслевой структуры), используемой странами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и довольно успешно применяемой в Российской Федерации³.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящее время на территории Российской Федерации могут быть выделены 20 старопромышленных регионов (см. рисунок), которые распределены в экономическом пространстве страны неравномерно: их наибольшее количество — 57% субъектов Федерации и более 66% индустриальных регионов — сосредоточено в Приволжском федеральном округе.

Из рисунка видно, что старопромышленные регионы отсутствуют в Северо-Кавказском и Дальневосточном округах. Справедливость данного заключения подтверждается анализом содержания стратегий их социально-экономического развития, в которых приоритетной отраслью специализации Северо-Кавказского федерального округа определен агропромышленный комплекс⁴, туризм, санаторно-курортная сфера, электроэнергетика и др., а Дальневосточного федерального округа — транспортная отрасль и добывающая промышленность⁵, позволяющая реализовать значительный потенциал природных ресурсов территории, в первую очередь добычу рудных и нерудных полезных ископаемых.

Сопоставление динамики старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов показало, что в их составе могут быть выделены три группы, различающиеся характером следования за тенденци-

развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/?ysclid=li7sveen4595068030

³ Guide to Measuring the Information Society. 2nd Edition. Paris: OECD. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/25/52/43281062.pdf>. (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2022 № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416511/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=li7qv6qutm995610650 (дата обращения: 20.05.2023).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/33593/> (дата обращения: 20.05.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного

Таблица 2 / Table 2

Циклическая динамика промышленного производства в России (по индексу промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», в % к предыдущему году) / Cyclical dynamics of industrial production in Russia (according to the index of industrial production by the type of economic activity “Manufacturing production”, in % to the previous year)

Характер циклической динамики	Динамика промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»	Год
Глобальный финансово-экономический кризис	Снижение объемов промышленного производства до 88,0%	2009 «дно»
Восстановительный рост 2010–2011 гг.	Динамика объемов обрабатывающих производств достигла 108,0%, наибольший рост – в производстве резиновых и пластмассовых изделий и машин и оборудования	2011 «пик»
Валютный кризис и антироссийские санкции, введенные после присоединения Крыма	Снижение объемов промышленного производства до 98,7%, прежде всего, за счет сокращения производства машин и оборудования и автотранспортных средств	2015 «дно»
Восстановительный рост	Рост индекса составил 102,6%, драйверами выступили производство кокса и нефтепродуктов, транспортных средств и металлургическое производство	2018 «пик»
Кризис, обусловленный COVID-19 и его последствиями	Индекс вырос на 1,3%, прежде всего, за счет производства лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (120,9%)	2020 «дно»
Снятие карантинных ограничений и восстановление деловой активности	Восстановление объемов обрабатывающего производства на 6,4%, причем наибольший прирост имел место по группам «Производство машин и оборудования общего назначения» и «Производство текстильных изделий»	2021 «пик»
Спад, обусловленный санкционными ограничениями стран «коллективного Запада»	Снижение объемов составило 1,3%, прежде всего, за счет падения производства автотранспортных средств (55,3%)	2022* (?)

Источник / Source: [3, 6, 11]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

Примечание / Note: * – на момент подготовки статьи в полном объеме данные по субъектам РФ были доступны только за 2021 г., поэтому понижающая «волна», обусловленная санкционными ограничениями стран «коллективного запада», не являлась объектом анализа / * – at the time of preparation of the article, full data for the constituent entities of the Russian Federation were available only for 2021, therefore the downward “wave” caused by the sanctions restrictions of the countries of the “collective West” was not the object of analysis.

ями в динамике промышленного производства на национальном уровне (табл. 3). О циклической динамике речь идет в том случае, когда на всех пяти «волнах», охарактеризованных в табл. 2, повторяются общие тенденции в развитии обрабатывающей промышленности страны; о контрциклической динамике — если развитие региональной промышленности и российских обрабатывающих производств в целом не совпадает либо совпадение отмечается лишь в единичных случаях; в отношении остальных регионов целесообразно вести речь о слабоциклической динамике, поскольку совпадения тенденций национального и регионального уровней носят нерегулярный характер.

К первой группе могут быть отнесены старопромышленные регионы, динамика которых соответствовала российским экономическим циклам, т.е.

развитие их обрабатывающей промышленности в целом было синхронизировано с общими тенденциями в экономике страны. Основу данной группы составляют старопромышленные регионы Центра России, структура региональных экономик которых активно формировалась в 1930–1950-е гг. в период советской индустриализации. Следует отметить, что регионы данной группы преодолевали кризисные тенденции легче, чем другие. В частности, в экономический кризис 2014–2015 гг. снижение доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости в этой группе было меньше средних показателей по стране, а восстановительный рост 2018 и 2021 гг. затронул их в большей степени.

Вторую группу сформировали старопромышленные регионы, развитие обрабатывающих производств в которых имело слабоциклическую динамику

Рис. / Fig. Состав и пространственное распределение старопромышленных регионов России / Composition and spatial distribution of the old-industrial regions of Russia

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: представленный перечень старопромышленных территорий в целом согласуется с теми, что ранее сформированы другими исследователями [13] и собственными разработками автора, реализованными в предшествующие годы [14]. Отдельные расхождения в числе и составе старопромышленных территорий могут быть объяснены спецификой критериев и показателей, используемых в целях конкретных исследований, а также эволюцией самого объекта исследований / the presented list of old industrial territories is generally consistent with those previously compiled by other researchers [13] and the author's own developments implemented in previous years [14]. Some discrepancies in the number and composition of old industrial territories can be explained by the specific criteria and indicators used for the purposes of specific studies, as well as the evolution of the research object itself.

ку: основу группы составляют регионы Приволжья, специализирующиеся в сфере химического производства, производства автотранспортных средств и электрического оборудования, и в существенной степени отличающиеся от них регионы Сибири, в частности Алтайский край, — индустриальный анклав России, получивший известность в составе так называемой «горнозаводской цивилизации» [15].

Несмотря на специфику исторического развития, их динамика в периоды подъёмов и спадов экономических циклов имеет схожие черты: Самарская и Саратовская области, а также Алтайский и Красноярский края не продемонстрировали восстановительный рост обрабатывающей промышленности в период 2015–2018 гг.; Свердловская область и Чувашская республика не показали рост объемов обрабатыва-

Таблица 3 / Table 3

Группировка старопромышленных регионов по динамике на различных этапах экономического цикла / Grouping of old industrial regions by dynamics at various stages of the economic cycle

Циклическая динамика	Слабоциклическая динамика	Контрциклическая динамика
Рязанская область Тульская область Волгоградская область Республика Башкортостан Челябинская область	Липецкая область Мурманская область Чувашская республика Пермский край Кировская область Нижегородская область Самарская область Саратовская область Свердловская область Республика Хакасия Алтайский край Красноярский край	Ярославская область Новгородская область Удмуртская республика

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ющих производств в 2020–2021 гг. в период снятия карантинных ограничений; промышленный спад на нисходящих «волнах» российских экономических циклов практически не затронул Пермский край и Кировскую области — регионы с обрабатывающей промышленностью, специализирующиеся на выпуске продукции для нужд оборонно-промышленного комплекса⁶.

Для регионов самой малочисленной по составу третьей группы, характерна контрциклическая динамика обрабатывающих производств: Удмуртская республика не смогла реализовать потенциал восстановительного роста ни в период 2015–2018 гг., ни в 2021 г., ни после снятия карантинных ограничений; в то же время Ярославская и Новгородская области показывали рост обрабатывающей промышленности на нисходящей «волне» экономического цикла и в 2015 г., и в 2020 г.

Неоднозначная динамика старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов требует объяснения. Поскольку термин «старопромышленный регион» несет в себе два смысловых содержания: первое — историческое, определяющее «давность» выбранной модели социально-экономического развития территории, и второе — типологическое, конкретизирующее источники регионального развития, целесообразно рассмотреть, в какой степени на динамику старопромышленных ре-

гионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов оказывали влияние:

- исторический фактор, определяющий экономическую специализацию региона и сформировавший в ретроспективе основу его хозяйственного комплекса и региональной экономики в целом, позволяющий характеризовать текущий уровень экономического развития региона;
- отраслевой фактор, определяющий особенности отраслевой структуры региональной экономики, степень соответствия ее технологий требованиям современного технологического уклада, отражающий перспективы экономического развития региона.

С позиции исторического фактора в составе старопромышленных регионов могут быть выделены слабоспециализированные территории, перспективные экономические специализации которых представлены значительным числом видов деятельности по коду С «Обрабатывающие производства» (ОКВЭД 2)⁷ (8–11 специализаций), и высокоспециализированные, имеющие ограниченный круг перспективных экономических специализаций (5–7) (табл. 4).

Данные табл. 4 показывают, что для старопромышленных территорий характерно наличие зна-

⁶ Оборонно-промышленный комплекс. URL: <https://manufacturers.ru/companies/oboronno-promyshlennyy-kompleks?ysclid=lhxs4xz723551058994> (дата обращения: 15.05.2023).

⁷ «ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/50abf1f3dfe5ae28db991076e280ea86f421360c/?ysclid=li1my7mri513898521 (дата обращения: 25.05.2023).

Таблица 4 / Table 4

Группировка старопромышленных регионов по числу отраслей перспективных экономических специализаций / Grouping of old-industrial regions by the number of sectors of economic specializations

Подтип региона	Состав регионов
Слабоспециализированные регионы	Липецкая область, Рязанская область, Тульская область, Ярославская область, Новгородская область, Волгоградская область, Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Чувашская республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Челябинская область, Алтайский край, Красноярский край
Высокоспециализированные регионы	Мурманская область, Республика Хакасия

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 5 / Table 5

Группировка старопромышленных регионов по уровню технологичности отраслевой структуры региональных экономик / Grouping of old-industrial regions by the level of manufacturability of the sectoral structure of regional economies

Подтип региона	Состав регионов
Регионы, экономика которых сформирована среднетехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности низкого уровня	Липецкая область, Тульская область, Мурманская область, Волгоградская область, Удмуртская республика, Свердловская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край
Регионы, экономика которых сформирована среднетехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности высокого уровня	Рязанская область, Ярославская область, Новгородская область, Республика Башкортостан, Чувашская республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

чительного числа перспективных экономических специализаций, что во многом обусловлено спецификой их развития в советское время и до сих пор сохраняющейся внешней ориентацией экономической деятельности. Диверсификация отраслевой структуры для территорий данного типа является не только следствием эффекта масштаба, но и фактором устойчивости к внешним воздействиям. Данный вывод подтверждает результаты исследований Н.Н. Михеевой, отмечающей достаточно высокий уровень диверсификации экономик российских регионов и то, что «диверсификация ведет к более стабильному росту промышленности и экономики региона в целом, но она не обеспечивает высоких темпов роста» [7]. Последнее утверждение особо актуально для старопромышленных территорий, одной из проблем, препятствующих устойчивому развитию которых, являются низкие (по сравнению с другими типами регионов) темпы экономической динамики.

С позиции отраслевого фактора основу экономик старопромышленных регионов составляют

среднетехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности низкого и высокого уровней⁸. Количественно преобладают регионы, экономика которых сформирована среднетехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности низкого уровня (табл. 5): металлургическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий. Регионы с преобладанием среднетехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности высокого уровня сосредоточены, как было отмечено выше, преимущественно в Приволжском федеральном округе, где в середине XX в. получили развитие такие виды деятельности, как производство химических веществ и химических продуктов, производство автотранспортных средств, прицепов

⁸ В соответствии с упомянутой выше классификацией отраслей по технологической интенсивности ОЭСР, среднетехнологичными отраслями промышленности являются те, у которых отношение затрат на НИОКР к добавленной стоимости составляет от 1 до 8%.

и полуприцепов, производство прочих транспортных средств и оборудования и др.

С учетом вышесказанного можно утверждать, что уровень технологичности отраслевой структуры региональных экономик является ведущим фактором, определяющим характер динамики старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» экономических циклов.

Более мягкая циклическая динамика старопромышленных регионов первой группы может быть обусловлена, с одной стороны, диверсифицированной структурой их обрабатывающей промышленности, основу которой формируют химическое производство (Тульская область, Волгоградская область), производство кокса и нефтепродуктов (Республика Башкортостан), производство резиновых и пластмассовых изделий (Рязанская область); с другой стороны — развитым машиностроением, ориентированным на выпуск продукции для оборонно-промышленного комплекса (речь идет о предприятиях ГК «Ростехнологии», осуществляющих разработку и производство промышленной продукции гражданского и военного назначения, функционирующих в Тульской, Рязанской и Челябинской областях).

Слабоциклическая динамика старопромышленных регионов второй группы может быть объяснена преобладанием в их отраслевой структуре среднетехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности высокого уровня: Самарская область (производство автотранспортных средств), Саратовская область, Кировская область и Чувашская республика (производство химических веществ и химических продуктов). Существует мнение, что, если диверсификация обусловлена ростом доли в структуре региональной обрабатывающей промышленности указанных видов деятельности, она будет способствовать положительному вкладу отраслевого фактора в экономическое развитие [7]. С другой стороны, Липецкая область, Мурманская, Кировская, Нижегородская, Саратовская области, Республика Хакасия и Красноярский край — это регионы, значимый вклад в валовую добавленную стоимость которых вносит металлургия. Высокая чувствительность регионов со специализацией на металлургии к кризисным тенденциям в российской и мировой экономике и их более длительный период восстановления неоднократно отмечались авторитетными российскими исследователями [11]. Следует указать, что для данной группы характерна диверсификация не только различных

видов обрабатывающих производств, но и всей региональной экономики в целом, в частности, вторыми по значимости (после обрабатывающей промышленности) являются такие виды деятельности, как: сельское хозяйство, охота, рыболовство (Саратовская область, Липецкая область), торговля (Кировская область, Нижегородская область), сервисные виды деятельности (Чувашская область). Поскольку, традиционно кризис меньше ощущается в регионах, специализирующихся на производстве товаров повседневного спроса [1], подобная структура их экономики выступает фактором, в некоторой степени ослабляющим циклическую динамику. Также следует отметить, что в рамках программ антикризисной политики в России наибольшую поддержку, как правило, получают регионы с диверсифицированной экономикой [2], что является фактором, ослабляющим кризисную динамику в старопромышленных регионах. Отметим, что многочисленность этой группы затрудняет оценку влияния отраслевого фактора на динамику развития на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов.

Контрциклическая динамика старопромышленных регионов может быть обусловлена преобладанием в структуре региональной экономики сервисных видов деятельности (Ярославская и Новгородская области), а в обрабатывающей промышленности — машиностроения, ориентированного на выпуск продукции для оборонно-промышленного комплекса (Ярославская область и Удмуртская республика). В силу этого регионы данной группы демонстрировали более высокую устойчивость к внешним «шокам», а их обрабатывающая промышленность — способность возвращаться к росту в более короткие сроки по сравнению со старопромышленными регионами других групп.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведенное исследование показало, что из двух факторов — исторического и отраслевого — последний в более существенной степени определяет характер динамики старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» экономических циклов.

Признание неоднородности старопромышленных регионов, выделение в их составе территорий с циклической, слабоциклической и контрциклической динамикой представляется важным для понимания и предвидения «географии» кризисов,

выбора мер эффективной государственной антициклической политики, определения стратегических приоритетов и механизмов региональной политики самих старопромышленных территорий.

Отметим, что динамика старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов определяется более сложным набором факторов, чем исторический и отраслевой, тем не менее результаты представленного исследования позволяют сделать

вывод о необходимости селективной региональной политики государства, нацеленной на преодоление ограничений ресурсного, организационного и институционального характера развития старопромышленных регионов. Ее приоритетным направлением, на наш взгляд, должно стать создание условий для их трансформации в центры экономического роста в иерархической системе территорий Российской Федерации (макрорегиона, федерального округа, страны в целом).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

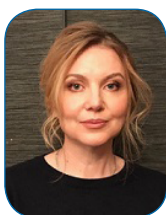
1. Кузнецова О. В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях. *Федерализм*. 2020;(2):20–38. DOI: 10.21686/2073–1051–2020–2–20–38
2. Григорьев Л. М., Зубаревич Н. В., Хасаев Г. Р., ред. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. М.: ТЕИС; 2011. 357 с.
3. Зубаревич Н. В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021;(3):208–218. DOI: 10.31737/2221–2264–2021–51–3–10
4. Гришина И. В., Польшнев А. О. Региональные особенности реакции на глобальный кризис. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020;(10):62–76. DOI: 10.24411/2072–8042–2020–10102
5. Яковина М. Ю., Кораблева А. А. Рецессионные шоки и региональная экономическая устойчивость. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2020;(3):117–123. DOI: 10.24411/2225–8264–2020–10056
6. Смирнов С. В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012. Препринт WP2/2012/04. М.: Изд. дом ВШЭ; 2012. 76 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2013/01/26/1306205089/WP2_2012_04_.pdf
7. Михеева Н. Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка. *Пространственная экономика*. 2013;(1):11–32.
8. Анимца Е. Г., Ивлева И. В. Сопряженный анализ структурных сдвигов в экономике страны и регионов. *Региональная экономика: теория и практика*. 2012;(24):21–28.
9. Валентей С. Д., Бахтизин А. Р., Кольчугина А. В. Тренды развития региональных экономик до и после кризиса. *Федерализм*. 2016;(2):153–176.
10. Латов Ю. В., Сорокина Н. Ю. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(1):6–22. DOI: 10.17835/2078–5429.2018.9.1.006–022
11. Дементьева И. Н. Влияние экономических кризисов на динамику регионального развития. *Территория науки*. 2018;(5):55–62.
12. Шестопалов А. Г., Борисов Е. И., Сафронов К. К., Каледина Е. С. Перспективы стратегического развития старопромышленных регионов России. *Бюджет*. 2012;(12):14–19.
13. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН; 2016. 148 с.
14. Сорокина Н. Ю. Типология старопромышленных регионов. *Научные исследования и разработки. Экономика*. 2013;1(3):34–41.
15. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ; 2014. 290 с.

REFERENCES

1. Kuznetsova O. V. Vulnerability of regional economies' structure in crisis conditions. *Federalizm = Federalism*. 2020;(2):20–38. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073–1051–2020–2–20–38
2. Grigor'ev L. M., Zubarevich N. V., Khasaev G. R., eds. Russian regions: Economic crisis and modernization problems. Moscow: TEIS; 2011. 357 p. (In Russ.).
3. Zubarevich N. V. Regions of Russia during a pandemic: Socio-economic dynamics and budget revenues.

- Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2021;(3):208–218. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221–2264–2021–51–3–10
4. Grishina I. V., Polynev A. O. Regional features of the response to the global crisis. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2020;(10):62–76. (In Russ.). DOI: 10.24411/2072–8042–2020–10102
 5. Yakovina M. Yu., Korableva A. A. Recession shock and regional economic sustainability. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2020;(3):117–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2225–8264–2020–10056>
 6. Smirnov S. V. Dynamics of industrial production and the economic cycle in the USSR and Russia, 1861–2012. Preprint WP2/2012/04. Moscow: HSE Publ.; 2012. 76 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2013/01/26/1306205089/WP2_2012_04_.pdf (In Russ.).
 7. Mikheeva N. N. Structural factors of regional dynamics: measuring and assessment. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2013;(1):11–32. (In Russ.).
 8. Animitsa E. G., Ivleva I. V. Conjugate analysis of structural shifts in the economy of the country and regions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2012;(24):21–28. (In Russ.).
 9. Valentei S. D., Bakhtizin A. R., Kolchugina A. V. Development trends of the regional economies before and after the crisis. *Federalizm = Federalism*. 2016;(2):153–176. (In Russ.).
 10. Latov Yu. V., Sorokina N. Yu. Evolution of old industrial regions in the economy of Russia. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(1):6–22. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078–5429.2018.9.1.006–022
 11. Dement'eva I. N. Impact of economic crises on the dynamics of regional development. *Territoriya nauki*. 2018;(5):55–62. (In Russ.).
 12. Shestopalov A. G., Borisov E. I., Safronov K. K., Kaledina E. S. Prospects for the strategic development of the old industrial regions of Russia. *Byudzhethet*. 2012;(12):14–19. (In Russ.).
 13. Lukin E. V., Uskova T. V. Interregional economic cooperation: State, problems, prospects. Vologda: Institute for Socio-Economic Development of Territories RAS; 2016. 148 p. (In Russ.).
 14. Sorokin N. Yu. Typology of old-industrial regions. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika = Scientific Research and Development. Economics*. 2013;1(3):34–41. (In Russ.).
 15. Ivanov A. Mining civilization. Moscow: AST; 2014. 290 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Юрьевна Сорокина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия
Natalya Yu. Sorokina — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, The Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5180-3389>
sorokina-tula@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.05.2023; после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 18.09.2023.
Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 30.05.2023; revised on 17.06.2023 and accepted for publication on 18.09.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» ЗА 2023 Г.

№ 1

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Лю Ч., Исаев В.А.

Традиционные и новые методы пенсионных аутентификаций Китая: причины, методы и проблемы 6

Кудрявцева О.В., Абрамова П.С., Марков Н.И.

Анализ конкуренции и уровня доминирования на рынке легковых автомобилей в Республике Корея 12

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Шапкин И.Н.

Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны 31

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Филатов В.И., Побываев С.А.

Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность 45

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронов Ю.П.

Теория и практика борьбы с экономическим кризисом (о Нобелевской премии по экономике в 2022 году) 56

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Жукова Т.В.

Оценка влияния пенсионных институтов на развитие глобальных финансов 68

Дорофеев М.Л.

Переоценка роли и функций российского финансового рынка в условиях структурной трансформации экономики 83

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Ларионов А.В., Подвойский Г.Л.

Анализ волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений для мониторинга устойчивости экономики России 94

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Шеломенцева Н.Н., Грушина О.В., Красноштанова Т.А.*

Моделирование согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве.	103
--	------------

№ 2

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА*Попов Е.В., Симонова В.Л., Тихонова А.Д.*

Экономические модели инновационной деятельности на базе цифровых платформ	6
--	----------

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Сидоров А.А.*

Актуальные тенденции торговли товарами России с ЕС и Китаем	18
--	-----------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Лысунец М.В.*

Углеродное ценообразование как инструмент трансграничного углеродного регулирования и «зеленой» трансформации мировой экономики	27
--	-----------

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД*Исаев В.А., Филоник А.О.*

Арабский Восток: гражданская авиация в свете современных вызовов.	37
---	-----------

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Бурцева Т.А., Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сурков А.А.*

Мониторинг инфляции в условиях новой геополитической реальности	48
--	-----------

Вечкасова М.В., Зубарев А.А., Шевченко С.Ю.

Устойчивая цепочка создания стоимости как инструмент развития ESG-моделей нефтегазохимических производств	62
--	-----------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*Смирнов В.Д.*

Финансовая функция и создание стоимости фирмы.	70
--	-----------

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Берзин Д.В., Кочетков А.А.*

Процессный подход к анализу эффективности управления на транспортных предприятиях	83
--	-----------

Трофимов С.Е.

Методологический инструментарий реализации нефтегазовых проектов на арктическом и континентальном шельфе	94
---	-----------

№ 3

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА*Кузнецов М.Е.*

Возможности и риски развития зеленой экономики.	6
---	----------

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Лукьянович Н.В., Сильвестров С.Н.***Стратегия непрямых действий во внешней политике США 18****ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД***Казанцев С.В.***Динамика и структура инвестиций в основные виды экономической деятельности в России после 2014 года 32****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ***Балацкий Е.В., Екимова Н.А.***Возможности и ограничения «модели народного капитализма» 40***Богачев Ю.С., Бекулова С.Р.***Влияние глобализации на динамику структуры национальных экономик 55****ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА***Зарипов И.А.***Исламская финансовая модель: проблемы становления и востребованность развития в России в текущей политико-экономической ситуации. 73***Пащенко Д.С.***Смена организационно-производственных парадигм в IT-отрасли: исследования 2020–2023 годов. 83****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА***Соколов А.Б., Филатов В.И.***Новые инструменты инвестиционной поддержки проектов в области технологического суверенитета 91****РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР***Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л.***Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации. 109****№ 4****ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА***Лукашов А.И.***Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации. 6****МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА***Навой А.В.***Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход 16***Гришкова А.А.***Роль российского несырьевого экспорта в обеспечении технологического суверенитета африканских стран 30**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*Лопухин А.В., Плаксенков Е.А.*

Влияние интегрированных деловых коммуникаций на успешность предприятий и организаций	41
---	-----------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Николаева А.Б., Сахнович Т.А., Чугунов К.В., Юдина С.В.*

Инновации в российской и белорусской экономиках: сравнительный аспект, точки пересечения и роста	53
---	-----------

Соколов И.А., Матвеев Е.О.

Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста	65
---	-----------

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Засько В.Н., Донцова О.И.*

Антиинфляционная политика в России и меры, направленные на снижение волатильности инфляции	79
---	-----------

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД*Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.*

Дифференциация регионов по уровню жизни населения	87
--	-----------

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Оболенская Л.В., Абдикеев Н.М., Абросимова О.М.*

Локомотивы роста российской промышленности в новых реалиях	98
---	-----------

Куприянова Л.М., Петрусевич Т.В.

Регулирование импортных операций в условиях санкционных ограничений	109
--	------------

Сорокина Н.Ю.

Динамика старопромышленных регионов на восходящих и нисходящих «волнах» российских экономических циклов	120
--	------------